This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

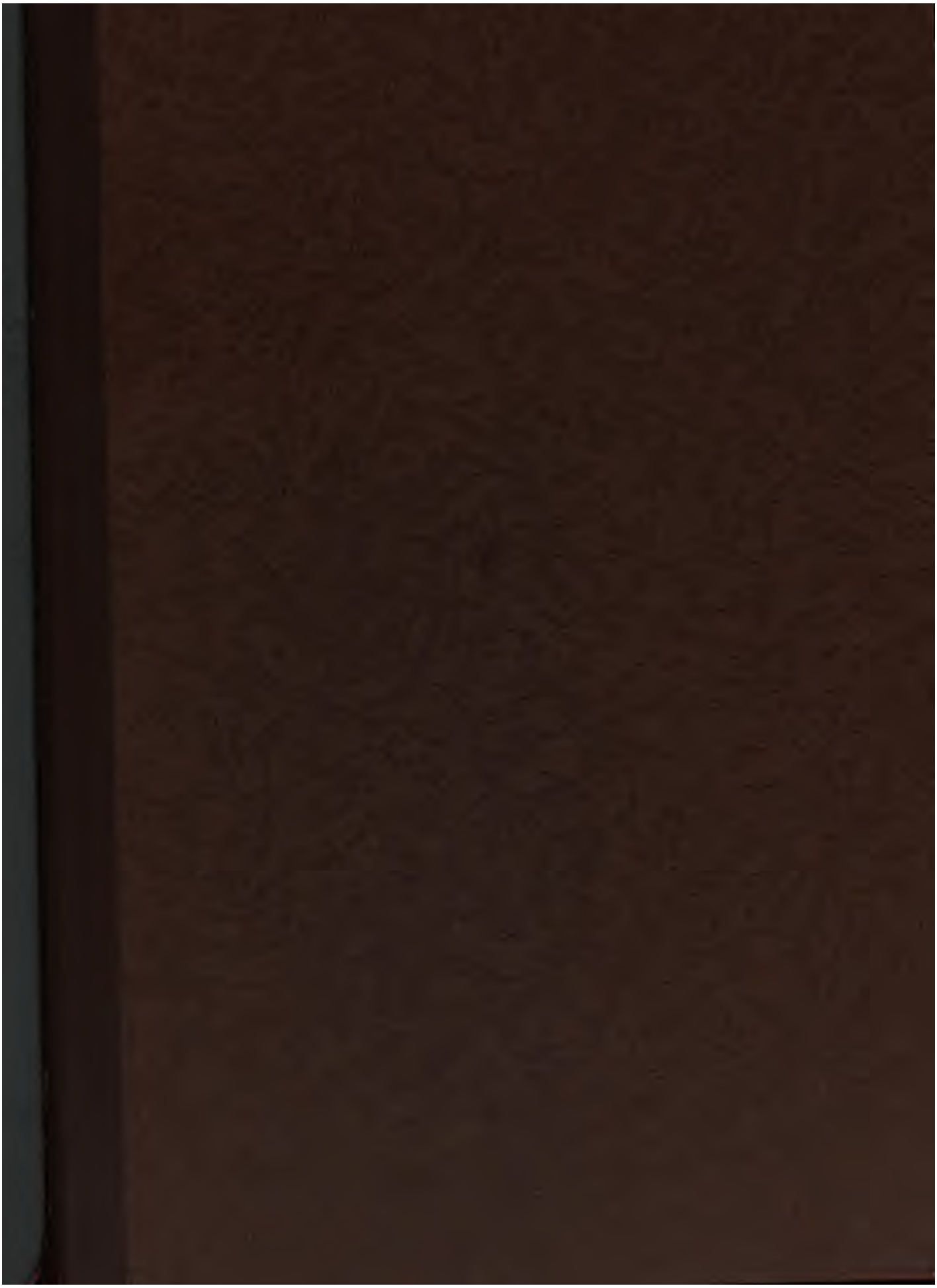
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

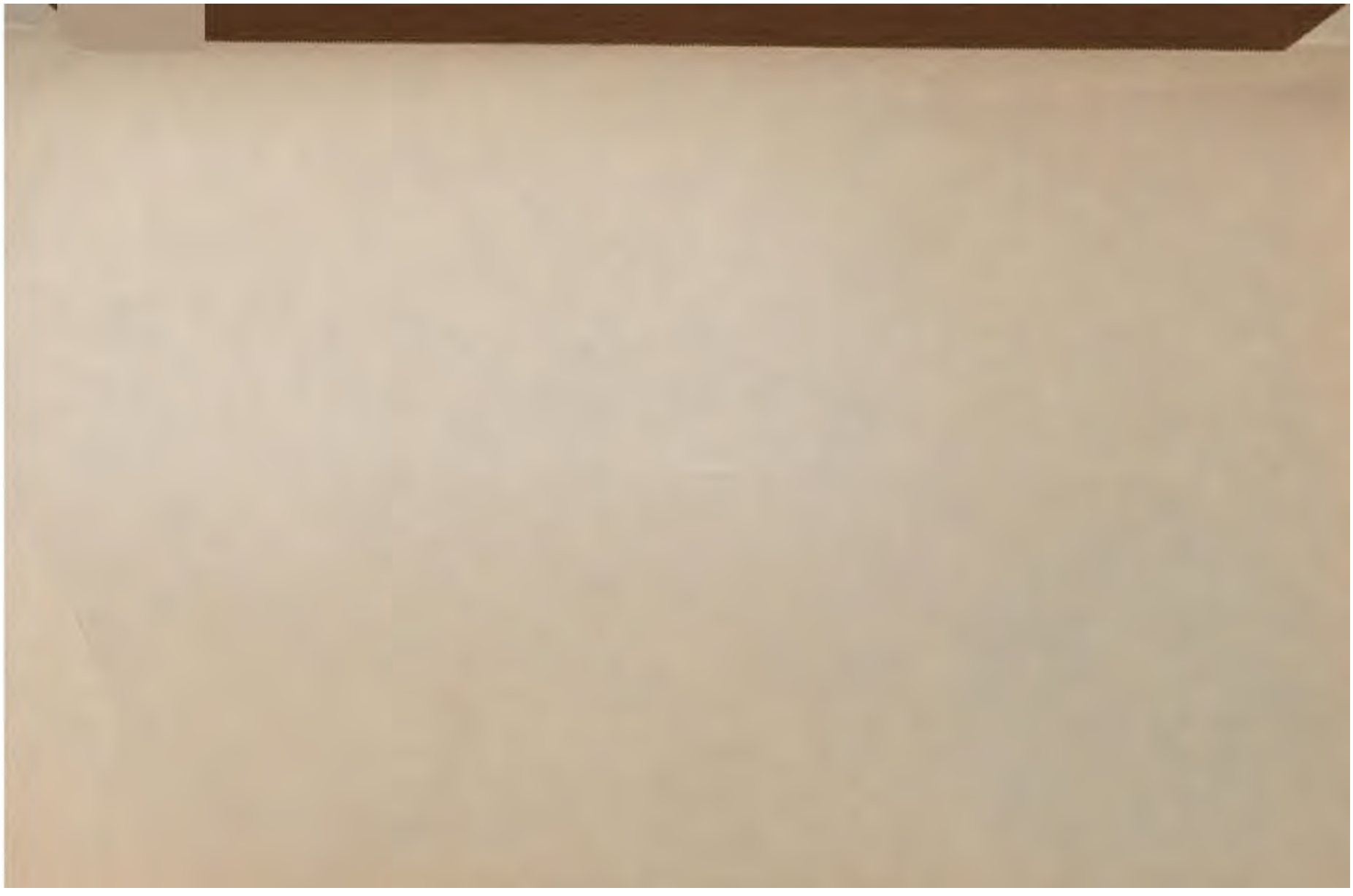
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



Politicheskie protsessy...

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРОЦЕССЫ
НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ.

БИБЛІОТЕКА
Николая Васильевича
ЗДОБНОВА

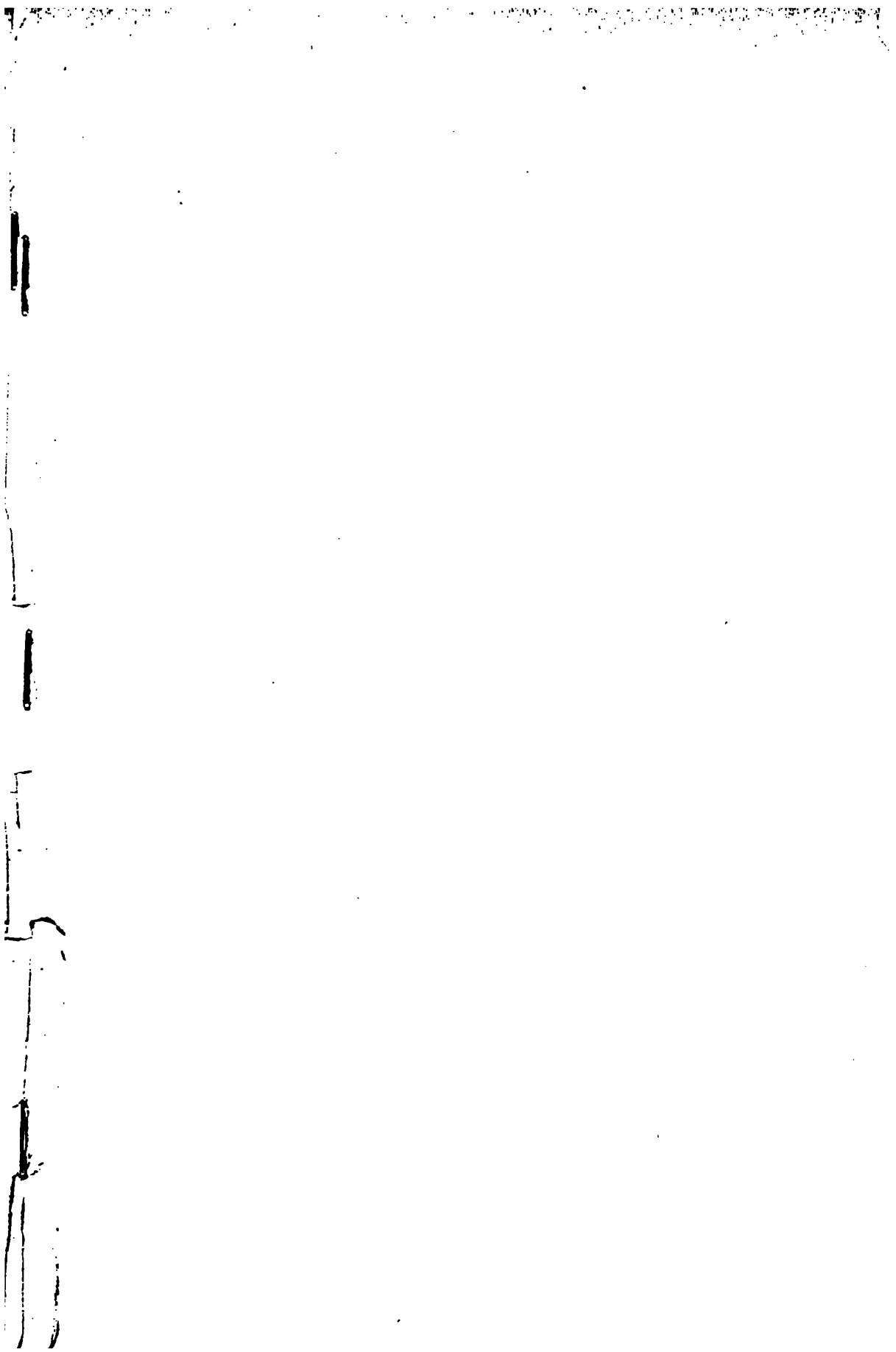
ПЕТРАШЕВЦЫ.

Изданіе В. М. Саблина.
— Москва. — 1907. —

DK211
F65

Типографія В. М. Саблина.

Москва, Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ изданіи собраны всѣ наиболѣе существенные матеріалы по исторіи политическихъ процессовъ Николаевской эпохи, которые до сихъ поръ были опубликованы.

Въ первый выпускъ войдутъ оффиціальныя данныя о дѣлѣ декабристовъ, всѣ имѣющіяся въ печати свѣдѣнія о мелкихъ политическихъ процессахъ отъ декабристовъ до петрашевцевъ и общее введеніе къ изданію; во второй—матеріалы для исторіи дѣла петрашевцевъ.

Изданія всего дѣла петрашевцевъ мы, вѣроятно, дождемся еще не скоро. Въ виду этого можетъ имѣть нѣкоторое значеніе наша попытка — собрать въ одной книгѣ то, что до сихъ поръ изъ этого дѣла было напечатано въ различныхъ, иногда рѣдкихъ, сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ.

Петрашевцы—наши первые соціалисты. Въ ихъ кругъ входили такіе крупные дѣятели нашей литературы, какъ Достоевскій, Салтыковъ, Плещеевъ. Ихъ процессъ нарушилъ мрачное безмолвіе одной изъ самыхъ страшныхъ эпохъ нашей общественной жизни и связалъ декабристовъ съ нашими позднѣйшими общественными движеніями. Главные его моменты не исчерпываются вполнѣ, но все же достаточно освѣщаются нашимъ изданіемъ.

Р. Ш.

25 мая 1907 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

I. Оффиціальныя свѣдѣнія о дѣлѣ петрашевцевъ.

„Русскій Инвалидъ“. 3

II. Записка И. П. Липранди 11

Отрывокъ изъ мнѣнія Липранди. 13
Списокъ лицамъ, посѣщавшимъ собранія Петрашевскаго.. 25
Обязательная подписка Спѣшнева. 34
Выдержка изъ дневника поручика Монбели. 35
Письмо Плещеева къ Дурову. 37
Выписка изъ письма Кайданова.. 40
Найденныя въ бумагахъ студента Филиппова десять заповѣдей .. 41
Выписка изъ тетради Ламанскаго 1841 и 1842 гг. 44
Выписка изъ дневника штабсъ-капитана Кузьмина 45
Выписки. 47
Письмо Петрашевскаго. 48

III. Докладъ по дѣлу петрашевцевъ.

Высочайше конфирмованный докладъ о Буташевичѣ-Петрашевскомъ и др. лицахъ. 53
Высочайшая резолюція 56
Приговоръ военнаго суда 71
Заключеніе Генералъ-аудиторіата. 73
Дополнительный докладъ Ноинскаго. 77
Резолюція 78

IV. Показаніе Достоевскаго. 83

V. Записка Петрашевскаго.

Записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго 99

VI. Рѣчи на обѣдѣ въ честь Фурье.

Рѣчь Ханыкова. Рѣчь Ахшарумова 103

VII. Прошеніе Петрашевскаго. 107

VIII. Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной коммиссіи. 121

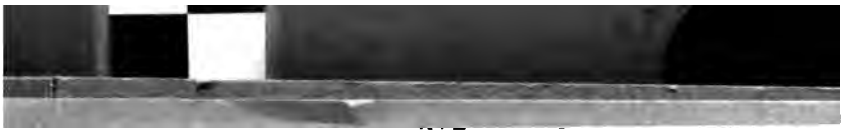
IX. „Солдатская бесѣда“. 143

X. Переписка Николая Павловича.

Переписка Николая Павловича съ шефомъ жандармовъ Орловымъ 151
Приведеніе приговора надъ Петрашевскимъ и другими. 153
Московскіе толки о петрашевцахъ 154

XI. Письмо Ѳ. М. Достоевскаго.

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго Э. И. Тотлебену. 157



I.

Оффиціальныя свѣдѣнія о дѣлѣ петрашевцевъ.

Русскій Инвалидъ.

(1849. 22 декабря. № 276).

Пагубныя ученія, народившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія ниспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

Но въ Россіи,—гдѣ Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго,—только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, еслибы бдительность Правительства не открыла зла въ самомъ началѣ.

По произведенному изслѣдованію обнаружено, что служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ титулярный совѣтникъ *Буташевичъ-Петрашевскій* первый возымѣлъ замыселъ на испроверженіе нашего государственнаго устройства съ тѣмъ, чтобы основать оное на безначаліи. Для распространенія своихъ преступныхъ намѣреній онъ собиралъ у себя въ назначенные дни молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленіе, дерзкія слова противъ Священной Особы Государя Императора, представленіе дѣйствій Правительства въ искаженномъ видѣ и порицаніе Государственныхъ лицъ—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ *Петрашевскій* для возбужденія своихъ посѣтителей. Въ концѣ 1848 года онъ приступилъ къ образованію независимо отъ своихъ собраній тайнаго общества, дѣйствуя заодно съ поручикомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка *Момбелли*, штабсъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка *Львовымъ 2-мъ* и неслужащимъ дворяниномъ *Спѣшневымъ*. Изъ нихъ: *Момбелли* предложилъ учрежденіе тайнаго общества подъ названіемъ *„Тайнаго Товарищества"* или *„Братства взаимной помощи и людей превратныхъ мнѣній"*; *Львовъ*—опредѣлилъ составъ общества, а *Спѣшневъ*—написалъ планъ для произведенія общаго возстанія въ Государствѣ.

У двухъ изъ сообщниковъ Петрашевскаго: титулярнаго совѣтника *Кашкина* и коллежскаго асессора *Дурова* были также назначены въ извѣстные дни собранія въ томъ же преступномъ духѣ.

Для раскрытія всѣхъ соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ Государю Императору благоугодно было учредить особенную секретную слѣдственную Комиссію, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта *Набокова*, изъ слѣдующихъ членовъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *князя Гагарина*, генералъ-лейтенанта *Дубельта* и генералъ-адъютантовъ *князя Долгорукова 1-го* и *Ростовцева*.

По предъявленному Его Величеству, послѣ пятимѣсячныхъ самыхъ тщательныхъ разысканій, докладу Комиссіи, всѣ лица, кои оказались вовлеченными въ преступные замыслы или случайно, или по легкомыслію, посредствомъ другихъ, были по Высочайшему повелѣнію освобождены отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія законовъ.

Затѣмъ признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человѣка, коихъ Высочайше повелѣно предать суду по полевому уголовному уложенію въ особой военно-ссудной комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта *Перовскаго*, изъ слѣдующихъ членовъ: генералъ-адъютантовъ: *графа Строганова 2-го, Анненкова 2-го* и *Толстого 1-го* и сенаторовъ: *князя Лобанова-Ростовскаго, Дурасова* и *Вейдарна*.

Генералъ-аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, произведеннаго военно-судною комиссіею, призналъ, что 21 подсудимый, въ большей или меньшей степени, всѣ виновны: *въ умыслѣ на испроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка*,—а потому и опредѣлилъ: подвергнуть ихъ смертной казни разстрѣляніемъ; остальныхъ же двухъ: отставного подпоручика *Черносвитова*, къ обвиненію котораго юридическихъ доказательствъ не оказалось, но обнаружившаго самый вредный образъ мыслей, оставить въ сильномъ подозрѣніи и сослать на жительство въ одно изъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи, а сына почетнаго гражданина *Катенева*, по случаю помѣшательства въ умѣ, оставить въ настоящее время безъ произнесенія надъ нимъ приговора, но, по выздоровленіи, вновь предать военному суду.

Его Величество, по прочтеніи всеподданнѣйшаго доклада Генералъ-аудиторіата, изволилъ обратить Всемилостивѣйшее вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя могутъ въ нѣкоторой степени служить смягченіемъ наказанія, и вслѣдствіе того Высочайше повелѣлъ: прочитать подсудимымъ приговоръ суда при сборѣ войскъ и, по совершеніи всѣхъ обрядовъ, предшествующихъ смертной казни, объявить, что Государь Императоръ даруетъ имъ жизнь, и затѣмъ, вмѣсто смертной казни, подвергнуть ихъ слѣдующимъ наказаніямъ:

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-аудиторіата.	Высочайшая конфирмація.
1	Служащаго въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, титулярнаго совѣтника Михаила Буташевича-Петрашескаго (28-ми лѣтъ).	За преступный замыселъ къ испроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго званія, большею частью, молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей богохуленіемъ, дерзкими словами противъ Священной Особы Государя Императора, превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ мѣръ и порицаніемъ государственныхъ лицъ и, наконецъ, за покушеніе составить для той же цѣли тайное общество.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.
2	Неслужащаго дворянина Николая Спѣшнева (28-ми лѣтъ).	За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для этой цѣли составить тайное общество и произнесеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ религіи.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ раскаянію и къ добровольному раскрытію весьма важныхъ обстоятельствъ дѣла, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ.
3	Лейбъ-гвардіи Московскаго полка поручика Николая Момбели (26 лѣтъ).	За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для той же цѣли составить тайное общество и за помѣщеніе въ рукописныхъ своихъ сочиненіяхъ въ высшей степени дерзкихъ словъ о Священной Особѣ Государя Императора.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.
4	Лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка поручика Николая Григорьева (27-ми лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содер-	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-аудиторіата.	Высочайшая конфирмація.
		жанія подъ заглавіемъ „Солдатская бесѣда", которая имѣла цѣлью поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ престолу и повиновеніе начальству.		
5	Лейбъ-гвардіи Егерскаго полка штабсъ-капитана Ѳедора Львова 2-го (25-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за принятіе участія въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.
6	Студента С.-Петербургскаго университета Николая Филиппова (25-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на четыре года, а потомъ опредѣлить рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ.
7	Состоящаго при Азіятскомъ департаментѣ въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ кандидата Дмитрія Ахшарумова (26-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе на распространеніе въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ.
8	Приватнаго слушателя въ С.-Петербургскомъ университетѣ Александра Ханыкова (23-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе возмутительной рѣчи, въ коей порицалъ Бога и существующее въ Россіи государственное устройство.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодымъ лѣтамъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одномъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ.
9	Отставного коллежскаго асессора Сергѣя Дурова (33-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя на квартирѣ собраній для этой цѣли и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, а потомъ опредѣлить рядовымъ.

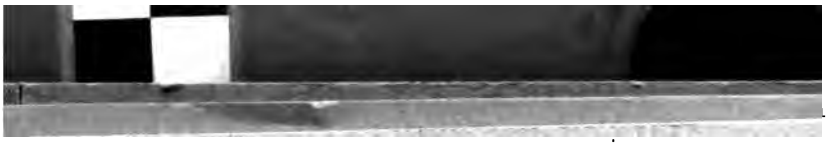
№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-аудиторіата.	Высочайшая конфирмація.
10	Отставного инженеръ-поручика Ѳедора Достоевскаго. (27-ми лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ православной Церкви и верховной Власти и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ.
11	Служащаго въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскаго совѣтника Константина Дебу 1-го (39-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ вообще и въ особенности за совѣщанія о составленіи тайнаго общества.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на четыре года въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства и потомъ опредѣлить рядовымъ.
12	Служащаго въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, губернскаго секретаря Ипполита Дебу 2-го (25-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе зловредныхъ ученій и за храненіе у себя въ высшей степени возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на два года въ арестантскія роды инженернаго вѣдомства и потомъ опредѣлить рядовымъ.
13	Учителя русской словесности, не имѣющаго чина Феликса Толля (26-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчи противъ Религіи.	одвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на два года.
14	Помощника инспектора классовъ въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ, титулярнаго совѣтника Ивана Ястржембскаго (35-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго своихъ сочиненій, написанныхъ въ возмутительномъ духѣ.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.
15	Неслужащаго дворянина Алексѣя Плещеева (23-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и на происходившихъ у Петрашевскаго непозволительныхъ разсужденіяхъ о Правительствѣ и за доставленіе отставному инженеръ-поручику Достоевскому частнаго письма (о коемъ упомянуто выше), наполненнаго дерзкими вы-	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-аудиторіата.	Высочайшая конфирмація.
		раженіями противъ Православной Церкви и Верховной Власти.		
16	Служащаго въ Азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ титулярнаго совѣтника Николая Каткина (20-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи съ примѣненіемъ къ оному безначалія, за учрежденіе у себя на квартирѣ для этой цѣли собранія и произнесеніе преступныхъ рѣчей противъ Религіи и общественнаго устройства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ и раскаянію, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ.
17	Состоящаго при департаментѣ министерства юстиціи титулярнаго совѣтника Василія Головинскаго (20-ти лѣтъ).	За возмутительные въ высшей степени разговоры противъ правительства на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ.
18	Лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручика Александра Пальма (26-ти лѣтъ).	За посѣщеніе собраній Петрашевскаго и Дурова и за недоведеніе до свѣдѣнія Правительства о слышанныхъ имъ тамъ преступныхъ разговорахъ.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ принесенному раскаянію, вмѣнивъ въ наказаніе нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и восьми-мѣсячное содержаніе въ казематѣ, перевести тѣмъ же чиномъ въ Армію.
19	Служащаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ чиновника для особыхъ порученій, титулярнаго совѣтника Константина Тимковскаго (34-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніе зловредныхъ ученій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства.
20	Отставного коллежскаго секретаря Александра Европеуса (22-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, предположеніе составить общую для круга соучастниковъ библіотеку запрещенныхъ сочиненій и за допущеніе къ произнесенію въ его квартирѣ въ высшей степени преступныхъ рѣчей противъ Религіи и Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ чиновъ, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ безъ лишенія дворянства.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-аудиторіата.	Высочайшая конфирмація.
21	Московскаго мѣщанина Петра Шапошникова.	За преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ Религіи и Правительства и за сильное подозрѣніе противъ Священной Особы Государя Императора.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства и потомъ опредѣлить въ одинъ изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ.

Затѣмъ подсудимаго отставного подпоручика *Черносвитова* Высочайше повелѣно: оставить въ сильномъ подозрѣніи, отправить на жительство въ Кексгольмскую крѣпость; заключеніе же Генералъ-аудиторіата на счетъ помѣшавшагося въ умѣ сына почетнаго гражданина Катенева, заключающееся въ томъ, чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія,—Высочайше утверждено.

Итакъ, виновные, заслужившіе по закону смертную казнь и только неизреченнымъ милосердіемъ Государя Императора помилованные, понесутъ достойное наказаніе. Да послужитъ настоящее дѣло предостереженіемъ и спасительнымъ примѣромъ юношамъ, можетъ быть, такъ же заблуждающимся, но еще не преступнымъ. Да обратятъ, въ особенности родители, вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей и да потщатся внушать имъ съ младенческихъ лѣтъ, что *Святая Вѣра*, любовь къ Монарху и преданность къ Отечеству, повиновеніе законамъ и установленнымъ властямъ могутъ служить незыблемымъ основаніемъ спокойствію Государства и благоденствію всѣхъ и каждаго.



II.

Записка И. П. Липранди.

Записка И. П. Липранди.

Собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, по высочайшему повелѣнію, началось въ мартѣ 1848 года. Министру внутреннихъ дѣлъ (такъ какъ онъ первый доставилъ извѣстный литографированный листокъ, розданный въ дворянскихъ собраніяхъ нѣкоторымъ членамъ), приказано было по этому случаю снестись съ шефомъ жандармовъ, для надлежащаго разъясненія содержанія и смысла литографированной рѣчи. Вслѣдствіе чего, по обоюдному ихъ согласію, собраніе этихъ свѣдѣній было возложено на меня, и послѣдній присовокупилъ: „чтобы мои не знали во избѣжаніе столкновенія“ [1]). Я согласился на принятіе этого порученія, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы все то, что будетъ мною собираемо, я представлялъ записки министру внутреннихъ дѣлъ, какъ въ существѣ министру полиціи государства, и въ вѣдѣніи котораго я служилъ; такъ это и продолжалось во

---

[1]) Это желаніе графа А. Ѳ. Орлова ставило меня въ крайне-неловкое положеніе въ отношеніи къ Л. В. Дубельту: съ нимъ мы были съ 1812 г. соштабниками 6-го корпуса Дохтурова, я въ должности оберъ-квартирмейстера, а онъ — старшаго адъютанта, избраннаго начальникомъ штаба Ф. Ф. Монахинымъ (смертельно раненымъ при Бородинѣ), для занятія подъ его глазами относительно распоряженія движенія — гдѣ долженъ былъ неотмѣнно находиться и я. Съ тѣхъ поръ мы сохранили взаимное дружеское расположеніе. Находясь же въ Петербургѣ съ 1840 года, старинная связь еще болѣе укрѣпилась; сверхъ того, въ то самое время, когда послѣдовало рѣшеніе о собраніи свѣдѣній о Петрашевскомъ, года два передъ тѣмъ, и особенно въ то самое время, я ежедневно, а иногда и по два раза въ день видѣлся съ Л. В. въ III отдѣленіи, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, содержались нѣсколько австрійскихъ раскольниковъ, и на меня возложены спросы ихъ и слѣдствіе. Къ этому должно присоединить еще и то, что въ разныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ подъ моимъ предсѣдательствомъ находились у меня постоянно два-три жандармскихъ штабъ-офицера, проводившихъ очень часто цѣлый день. И при такой-то обстановкѣ я долженъ былъ сдерживать себя не разъ въ разговорѣ по подобнымъ дѣламъ. Вечеромъ 20 апрѣля 1849 года, когда графъ, пригласивъ меня и Л. В. къ себѣ, передалъ высочайшую волю о прекращеніи мною дальнѣйшаго веденія дѣла и о передачѣ его въ III отдѣленіе, для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго распоряженія, а Л. В. Дубельту для немедленнаго исполненія и пр., послѣдній былъ пораженъ, какъ громомъ: во-первыхъ, что графъ тянулъ болѣе года предметъ, прямо принадлежащій III отдѣленію (здѣсь, по стекшимся обстоятельствамъ, графъ остался во всемъ безупречнымъ), а, во-вторыхъ, что я, по испытанной 37-лѣтней взаимной дружбѣ, не сообщилъ ему своего порученія. Въ каретѣ я ему объяснилъ, какъ это все сложилось, и онъ сознался, что въ такихъ обстоятельствахъ поступилъ бы точно такъ же, еслибы ему объявилъ такое молчаніе мой прямой начальникъ. Къ пяти часамъ утра все дѣло съ поясненіями было мною передано, и раннимъ утромъ, 23 апрѣля, въ одно время, послѣдовалъ арестъ. Это столкновеніе отнюдь не ослабило нашихъ взаимныхъ отношеній (несмотря на то, что были лица, искавшія пропустить между нами *черную кошку*), что свидѣтельствуется значительнымъ числомъ писемъ, въ особенности же изъ его деревни, когда онъ оставилъ занимавшееся имъ мѣсто, — особенно замѣчательными и пр. *И. Л.*

все время, т.-е. до 20 апрѣля 1849 г., когда приказано было мнѣ передать все дѣло Л. В. Дубельту съ четырьмя именными списками лицъ, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отмѣтками противъ каждаго степени ихъ участія и пр., для произведенія, по усмотрѣнію шефа жандармовъ, единовременнаго ареста, безъ всякаго уже съ моей стороны участія.

Арестъ произведенъ былъ въ 6 часовъ утра, 23-го апрѣля, двадцати съ чѣмъ-то лицъ. Найденныя при этомъ нѣкоторыя бумаги вызвали учрежденіе двухъ комиссій: одна, слѣдственная, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Набокова; члены оной: князь П. П. Гагаринъ, князь В. А. Долгоруковъ, Я. И. Ростовцевъ и Л. В. Дубельтъ. Другая комиссія, также въ крѣпости, для разбора громаднаго количества бумагъ (и частію книгъ), взятыхъ у арестованныхъ лицъ, и отобранія для препровожденія въ слѣдственную комиссію тѣхъ изъ оныхъ, которыя болѣе или менѣе относились къ разсматриваемому дѣлу. Комиссія эта находилась подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя А. Ѳ. Голицына; членами были служащіе въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи тайный совѣтникъ А. А. Сагтынскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ А. К. Гедерштернъ. Отъ министерства же внутреннихъ дѣлъ — я. И такъ какъ для обширной канцелярской переписки не было никого, то князь А. Ѳ. поручилъ мнѣ частнымъ образомъ просить у Л. А. Перовскаго двухъ чиновниковъ, которыхъ сей послѣдній тотчасъ и приказалъ мнѣ, изъ числа находившихся при моихъ занятіяхъ, избрать двухъ; вслѣдствіе чего я и назначилъ надворнаго совѣтника И. П. Юрасова и коллежскаго асессора П. Н. Ильюченко; сверхъ того, г. министръ, узнавъ, что двѣ комнаты, назначенныя для комиссіи, были совершенно пусты, приказалъ отправить всю необходимую мебель и двухъ унтеръ-офицеровъ, болѣе надежныхъ изъ находившихся при разныхъ слѣдственныхъ и другихъ комиссіяхъ, бывшихъ въ то время подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Предъ окончаніемъ разбора взятыхъ бумагъ [предсѣдатель слѣдственной комиссіи ген.-ад. Набоковъ, съ разрѣшенія Л. А. Перовскаго, пригласилъ меня въ комиссію, гдѣ князь П. П. Гагаринъ сообщилъ мнѣ, что производство слѣдствія почти окончено, но для заключенія онаго комиссія признала не лишнимъ узнать мой взглядъ на сущность этого дѣла, какъ лица, имѣвшаго оное впродолженіе болѣе года подъ своимъ руководствомъ и проч., и проч. Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить желаніе комиссіи, но, какъ, не будучи членомъ оной, почитаю себя не въ правѣ сдѣлать это безъ разрѣшенія прямого моего начальника, министра внутреннихъ дѣлъ, что не всѣми однако же членами было признано основательнымъ, однако же послѣдовало о томъ отношеніе къ Л. А. Перовскому. Написанное мнѣніе представлено было мною моему начальнику, который и отправилъ оное чрезъ военнаго министра въ помянутую комиссію. Въ мнѣніи моемъ я вынужденъ былъ включить нѣкоторые какъ бы отвѣты на сдѣланные мнѣ однимъ изъ членовъ замѣчанія относительно составленія заговоровъ и проч. [1]). *И. Л.*

10 марта 1872.

---

[1]) Ни одно изъ лицъ, арестованныхъ по указаніямъ въ моихъ донесеніяхъ, *не было мнѣ лично извѣстно* ни прежде, ни послѣ, до сихъ поръ; если я и былъ чиновникомъ министерства полиціи, и сверхъ того уполномоченный шефомъ жандармовъ, но сознаюсь откровенно, что находилъ предосудительнымъ включать то, что въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми я могъ прозрѣвать. Другой, можетъ быть, и исполнилъ бы это, но для меня не было силы, которая могла бы покорить мои убѣжденія. Я не былъ подготовленъ къ подобнымъ дѣйствіямъ... *И. Л.*

Отрывокъ изъ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди.

Въ высочайше учрежденную комиссію о злоумышленникахъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Набокова. 17 августа 1849 года.

(Совершенно секретно).

..... За симъ по поводу, упомянутому мною при поясненіи на донесеніе подъ № 15, считаю долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно моего взгляда на дѣло, впродолженіе года находившееся подъ моимъ направленіемъ. Взглядъ этотъ, по новости для меня подобныхъ дѣлъ, могъ быть не вполнѣ вѣренъ; но, будучи убѣжденъ въ его справедливости, я естественно основывалъ на немъ всѣ мои дѣйствія, почему и вмѣняю себѣ въ обязанность почтительнѣйше изложить теперь общее мое мнѣніе о сказанномъ дѣлѣ, съ нѣкоторою подробностію.

Во все то время, какъ я занимался наблюденіемъ по этому дѣлу, тѣмъ болѣе проникалъ я въ его подробности, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что оно никакъ не могло ограничиваться тѣми только данными, которыя представлялись здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ томъ кругѣ людей и дѣйствій, которые были непосредственно слѣдимы и наблюдаемы мною [1]), ибо:

1) Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество даже и здѣсь состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица, и притомъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было. Сколько еще могло быть и такихъ, о которыхъ въ присутствіи агента не было случая упоминать? Притомъ агентъ доводилъ до свѣдѣнія о таковыхъ собраніяхъ, бывавшихъ у Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузьмина и Бѣлецкаго и т. д. Кто, независимо лицъ, видѣнныхъ агентомъ на послѣднихъ шести собраніяхъ Петрашевскаго, бывалъ и на помянутыхъ сборищахъ—неизвѣстно; но нельзя было не заключать, что тутъ бывали и другіе; въ чемъ я тѣмъ болѣе убѣждался, что на собраніи, напримѣръ, у Бѣлецкаго агентъ мой самъ видѣлъ множество новыхъ лицъ разныхъ состояній и вѣдомствъ, которыхъ онъ у Петрашевскаго не встрѣчалъ. Это мое заключеніе согласуется совершенно и съ наставленіемъ Петрашевскаго агенту, какимъ образомъ должно составлять таковыя собранія (см. № 1).—По вскрытіи же бумагъ у арестованныхъ лицъ обстоятельство это, по мнѣнію моему, не подлежало уже никакому сомнѣнію.

Въ бумагахъ этихъ, сколько я помню, значится, что таковыя собранія были у Пальма, Дурова и Щеклова (жившихъ вмѣстѣ) и у Монбеле. Эти послѣдніе обратили даже на себя вниманіе его начальства, принявшаго, впрочемъ, оныя только за литературныя; но предметы, входившіе въ составъ преній на вечерахъ этихъ, какъ значится о томъ изъ отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Монбеле, едва ли могутъ относиться прямо къ литературѣ, а дневникъ его и другія рукописи, сколько мнѣ казалось, ясно обнаруживали организованное *общество пропаганды* [2]). Что открылось въ комиссіи по сему

---

[1]) См. ниже примѣчаніе 1. [2]) См. ниже примѣчаніе 2.

предмету и какое поясненіе, чистосердечное или уклончивое, могли дать ей арестованныя лица, мнѣ неизвѣстно; и я говорю здѣсь только о томъ, что для меня не тайна.

2) Въ то время обозначалось, что люди, принадлежащіе къ наблюдаемому обществу, находились внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться *сѣять идеи*, составляющія основу ихъ ученія, пріобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ приготовлять повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ—Кузьминъ, въ Сибири—Черносвитовъ, въ Ревелѣ—Тимковскій, въ Москвѣ—Плещеевъ, въ Ростовѣ—Кайдановъ, и проч. [1]). Такъ какъ общество существуетъ уже съ 1842 года, то мнѣ весьма естественно было предполагать, что подобныя миссіи ведутся издавна, и потому *идеи* могли быть уже *посѣяны* и принести болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства. Послѣдствія, казалось, оправдывали это мое предположеніе: въ письмахъ изъ Ростова Кайдановъ говоритъ о *своей паствѣ*, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія *Ридермана* о *соціализмѣ*, на томъ основаніи, *чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка;* онъ выписываетъ и читаетъ: *Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, С. Симона, Кабе, Журналъ „Фаланга“*, La guerre des Passions, Les Trois nuits internés и т. п., говоритъ, „что онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія *Фурье*, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre maître и проч., благодаритъ (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги) за насыщеніе хлѣбомъ духовныхъ его и всей здѣшней (ростовской) небольшой паствы и проч.“. Паства эта, не знающая иностранныхъ языковъ, въ такомъ городѣ, какъ Ростовъ, конечно, должна была состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса, уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самихъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. Какой ядъ долженъ былъ разливаться отъ такой закваски въ городѣ, куда на ярмарку стекаются со всѣхъ оконечностей государства? и какъ послѣ того я не могъ не подумать, что и въ другихъ мѣстахъ, особенно такихъ, гдѣ полупросвѣщеніе болѣе распространено, и гдѣ знаніе иностранныхъ языковъ сильнѣе, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ, не завелись уже *подобныя паствы?* [2]).

3) Самая сущность общества уполномочивала меня къ заключенію, что оно необходимо должно имѣть обширныя и далеко пущенныя отрасли. По всему, что узналъ я, нельзя было, *по моему мнѣнію*, не видѣть, что это вовсе не какой-нибудь мелкій заговоръ, образовавшійся въ нѣсколькихъ разгоряченныхъ головахъ, съ опредѣленною мыслью исполненія какого-нибудь преступнаго дѣйствія, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время.

Нѣкоторые изъ открытыхъ соучастниковъ, казалось мнѣ, могли быть точно *заговорщиками* въ изъясненномъ выше смыслѣ этого слова; у нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленнѣе, но вѣрнѣе, и именно путемъ *пропаганды*, дѣйствующей на *массы*. Съ этой цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать

---

[1] См. ниже примѣчаніе 3. [2]) См. ниже примѣчаніе 4.

крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ, противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастію [1]); тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ, какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченка и т. д.). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько *всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія*. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, очевидно, нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины уже устраиваются, а, можетъ быть, отчасти и устроены. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы пустить въ ходъ зажигательное истолкованіе *десяти заповѣдей*, назначенное, очевидно, для возмущенія простонародья [2]), необходимо было не только разослать эти заповѣди, но имѣть вездѣ людей, которые бы могли словесно разъяснять ихъ (обстоятельство, не разъ упоминавшееся въ донесеніяхъ моихъ) и тѣмъ подстрекать *массы* къ волненію [3]).

4) Съ симъ вмѣстѣ въ весьма естественной связи казался мнѣ и самый составъ общества, сколько я имѣлъ его подъ своими глазами. Безъ сомнѣнія, не для чего иного, какъ съ цѣлію произвести всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бываютъ большею частію изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду. [4]).

5) Весьма важнымъ обстоятельствомъ казалось мнѣ и то, что главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества, которыхъ общество по испытаніи въ образѣ мыслей и въ правилахъ старалось помѣщать повсюду. Тутъ цѣль, имѣвшаяся въ виду, и послѣдствія, какія отъ того ожидались, слишкомъ очевидны, такъ что нѣтъ нужды о томъ распространяться: одинъ такой учитель ежегодно могъ приготовлять въ *своихъ идеяхъ* десятки, сотни молодыхъ людей, которые послѣ разсыпались во всѣ концы государства. До какой степени можетъ простираться дѣйствительный успѣхъ этого по истинѣ адскаго плана, я не имѣлъ ни времени, ни способовъ дознать положительно, сколько важность дѣла того требовала, но, признаюсь, одинъ только видъ такихъ задачъ, какъ, напримѣръ, о *Римской республикѣ* и объ *Александрѣ Невскомъ*, которую наставникъ имѣлъ духъ не только назначить воспитаннику, но и потомъ возвратить съ торжественнымъ одобреніемъ! Одинъ, говорю, видъ такихъ задачъ приводитъ въ невольное содроганіе, когда подумаешь, къ чему это вело и чѣмъ рано или поздно должно было кончиться. [5]).

---

[1]) См. ниже примѣчаніе 5. [2]) См. ниже примѣчаніе 6. [3]) См. ниже примѣчаніе 7. [4]) См. тоже примѣч. 8. [5]) См. примѣч. 12.

Наконецъ, 6) довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ это общество одушевлялось въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководствуемые какою-нибудь частною идеею или страстью, напримѣръ, мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ вслѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей очевидно какое то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже самаго училищнаго преподаванія. [1]). Слѣпо предаваясь этимъ *утопіямъ*, они воображаютъ себя призванными переродить всю общественную жизнь, передѣлать все человѣчество и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастнаго самообольщенія.

Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Они не остановились ни на чемъ, не затруднялись бы ничѣмъ, ибо, по ихъ понятіямъ, они дѣйствуютъ не для себя, а для блага всего рода человѣческаго, не для настоящей только минуты, а для вѣчности.

На сихъ главныхъ основаніяхъ, подкрѣпляемыхъ множествомъ частныхъ наблюденій и соображеній, которыя здѣсь не мѣсто излагать подробно, я постепенно дошелъ до убѣжденія, что въ дѣлѣ этомъ скрывается зло великой возможности, угрожающее кореннымъ потрясеніемъ общественному и государственному порядку. [2]). Съ тѣмъ вмѣстѣ я чувствовалъ, что у меня въ рукахъ находятся только нѣкоторыя нити этого зла, и по этимъ то нитямъ я полагалъ необходимымъ слѣдить тщательно во всѣ стороны, по всѣмъ ихъ направленіямъ и отраслямъ. Ободренный успѣхомъ первоначальныхъ дѣйствій и открытій, сдѣланныхъ много безъ всякихъ оффиціальныхъ средствъ и пособій, къ *чему, впрочемъ, и родъ службы мой вовсе меня не обязывалъ*, еслибъ я не имѣлъ на то разрѣшенія шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ [3]), и не сомнѣвался и въ дальнѣйшей полной благоуспѣшности дѣйствій по этому важному предмету, ведя оныя по предначертанному много плану, а именно:

1) Я предполагалъ слѣдить за всѣми сношеніями здѣшнихъ членовъ по разнымъ мѣстамъ государства, въ особенности же за тѣми, которыя производятся черезъ живыхъ эмиссаровъ, отправляющихся отсюда подъ разными предлогами въ разные города и губерніи.

2) Необходимымъ казалось мнѣ вникнуть точнѣе и обстоятельнѣе въ то вліяніе, которое *пропаганда* эта имѣетъ на разные классы общества, въ особенности же на воспитаніе юношества, заготовляющее въ молодомъ поколѣніи сѣмена столь опасной будущности.

3) Равнымъ образомъ, я полагалъ необходимо нужнымъ разузнать и разъяснить въ возможной точности, въ какой связи эта пропаганда состоитъ съ нашей литературой и вообще системою просвѣщенія, нынѣ у насъ существующею; при чемъ намѣреніе мое было стараться проникнуть не только въ настоящее положеніе этой гибельной язвы умовъ, но и въ тѣ причины, которыя содѣйствовали ея происхожденію у насъ и столь могущественному усиленію и распространенію. [4]).

4) Не безполезнымъ казалось мнѣ обратить тщательное вниманіе и на то, какія

---

[1]) См. тоже примѣч. 9. [2]) См. тоже примѣч. 10. [3]) См. примѣч. 11. [4]) См. примѣч. 13.

мѣста на службѣ и какое положеніе въ обществѣ занимаютъ пропагандисты, ибо симъ только могла быть опредѣлена съ достаточною вѣрностію степень ихъ силы въ настоящемъ времени, равно какъ и степень вреда, приготовленнаго или на предбудущее время. [1]).

5) Съ симъ вмѣстѣ я имѣлъ въ виду собрать опытныя свѣдѣнія и о томъ, какое противодѣіе можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализировать его разрушительныя дѣйствія. За двадцать или десять лѣтъ можно бы было удовольствоваться тѣмъ, чтобы, напавши на корень зла, подрѣзать его, и тѣмъ все бы затушилось, уничтожилось. Теперь, какъ видно, корень этотъ разросся крѣпко, ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собою весь воздухъ общественной жизни или, вѣрнѣе сказать, то, что составляетъ наше общественное образованіе. Нынѣ корень зла состоитъ въ *идеяхъ*, и я полагалъ, что съ *идеями* должно бороться не иначе, какъ также *идеями*, противопоставляя мечтамъ истинныя и здоровыя о вещахъ понятія, изгоняя ложное просвѣщеніе — просвѣщеніемъ настоящимъ, преобращая училищное преподаваніе и самую литературу въ орудіе, — разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія или, лучше сказать, сумасбродства. [2]) Для этой борьбы, которую я считалъ и считаю единственнымъ спасительнымъ средствомъ, мнѣ казалось неизбѣжно нужнымъ извлечь изъ самаго опыта вѣрныя и положительныя указанія, какъ вести ее съ успѣхомъ, и я поставлялъ себѣ въ обязанность искать этихъ указаній во всѣхъ представлявшихся мнѣ фактахъ.

Симъ имѣю честь заключить изложеніе моего общаго мнѣнія о разсматриваемомъ дѣлѣ, которое я счелъ долгомъ высказать со всею искренностію и откровенностію, на основаніи убѣжденія, почерпнутаго мною изъ самаго дѣла и его развитія, когда оно было еще въ моихъ рукахъ; и это убѣжденіе такъ во мнѣ твердо, что я до сихъ поръ не имѣю причины отъ него отказываться.

17 августа 1849 года.

Примѣчанія.

1) Здѣсь прежде всего полагаю необходимымъ объяснить, что не я открылъ, а еще менѣе, какъ молва говоритъ, донесъ о существованіи разыскиваемаго общества. Это происходило слѣдующимъ образомъ: въ началѣ марта 1848 года разнесся слухъ, что Петрашевскій раздалъ многимъ какую-то литографированную записку вреднаго или, по крайней мѣрѣ, сомнительнаго содержанія. Получивъ приказаніе его сіятельства министра внутреннихъ дѣлъ стараться достать экземпляръ этой записки, я не встрѣтилъ къ тому большого затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки не могло не обратить вниманія господина министра, и она тотчасъ же была препровождена къ его сіятельству шефу жандармовъ, который равномѣрно усмотрѣлъ важность ея содержанія, и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Только около 10 марта, по взаимному

[1]) См. примѣч. 14. [2]) См. примѣч. 15.

согласію ихъ сіятельствъ, возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца, въ полномъ значеніи этого слова, разсказывали о немъ множество анекдотовъ и между прочимъ указывали на изданную имъ, подъ именемъ Кириллова, книгу (Карманный словарь иностранныхъ словъ, входящихъ въ составъ русскаго языка. С.-Петербургъ, 1846 года и проч.; первый выпускъ былъ въ 1845 году до буквы *М*, а второй болѣе замѣчательный дерзостью — въ 1846 году до буквы *О* включительно) — книгу, которая по напечатаніи и выпускѣ въ продажу отобрана была изъ лавокъ, подъ рукою, по распоряженію цензурнаго комитета, замѣтившаго всю преступность ея содержанія и направленія, при чемъ издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено даже было о лицахъ, доставившихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее употребленіе и т. д. Не трудно было также узнать, что у него впродолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ бываютъ постоянныя, по пятницамъ, собранія, на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, *онъ пишетъ новые законы*. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непремѣнно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какого-либо благонадежнаго лица. Кто обращался съ подобными дѣлами, тотъ знаетъ, съ какими затрудненіями это послѣднее сопряжено. Тутъ недостаточно было ввести въ собранія человѣка только благонамѣреннаго: агентъ этотъ долженъ былъ, сверхъ того, стоять въ уровень къ познаніяхъ съ тѣми лицами, въ кругъ которыхъ онъ долженъ былъ вступить, имѣть въ этой новой роли путеводителя болѣе опытнаго и, наконецъ, стать выше предразсудка, который въ мірѣ столь несправедливо и потому безнаказанно пятнаетъ ненавистнымъ именемъ *доносчиковъ* даже такихъ людей, которые, жертвуя собою въ подобныхъ дѣлахъ, даютъ возможность правительству предупреждать тѣ безпорядки, которые могли бы послѣдовать при большей зрѣлости подобныхъ зловредныхъ обществъ. Такіе агенты за деньги не отыскиваются. Но я былъ столь счастливъ, что, наконецъ, вполнѣ успѣлъ въ этомъ, и такимъ образомъ устроилъ постоянныя наблюденія, о которыхъ почти ежедневно, а въ послѣднее время и по нѣскольку разъ въ день доносилось, что продолжалось до 23 апрѣля 1849 г. Изъ сего можно усмотрѣть, что *не я открылъ и не я донесъ*, а мнѣ указанъ былъ предметъ, который я долженъ былъ только разузнать ближе. Не знаю, успѣлъ ли я оправдать довѣренность помянутыхъ двухъ сановниковъ, но по крайней мѣрѣ *я не могу себя упрекнуть* въ томъ, чтобы я упустилъ что-либо изъ виду въ этомъ для меня вовсе новомъ порученіи первой государственной важности, требовавшей вмѣстѣ съ тѣмъ особеннаго сохраненія тайны, которая впродолженіе болѣе года и была непроницаемою, несмотря на огромную переписку, которую я долженъ былъ вести независимо словесныхъ сношеній съ множествомъ разныхъ лицъ.

2) Здѣсь не упоминаю уже о какихъ-то женскихъ литературныхъ обществахъ, коихъ слѣды найдены въ бумагахъ Серебрякова, о двухъ кругахъ, образованныхъ въ Ревелѣ Тимковскимъ, о найденныхъ у разныхъ лицъ рѣчахъ, читанныхъ или только приготовленныхъ къ чтенію на собраніяхъ и, наконецъ, о литературномъ обществѣ *пропаганды*, упоминавшемся не разъ Петрашевскимъ, о таковыхъ же обществахъ, упоминавшихся Каменевымъ и Толстовымъ, и проч. Все это я полагалъ себя обязаннымъ не упускать изъ виду впослѣдствіи, на первый же разъ главное мое вниманіе было сосредоточено

на обществѣ Петрашевскаго. 23 апрѣля арестовано было 33 человѣка (независимо другихъ пяти), которыхъ агентъ лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ (Витть, учитель технологическаго института, избѣгъ этой участи). Въ донесеніяхъ же моихъ упоминается свыше ста человѣкъ, которые, по моему тогдашнему мнѣнію, болѣе или менѣе должны были сочувствовать помянутому обществу. Но степень ихъ участія въ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не могла быть мною опредѣлена за скоростію послѣдовавшаго ареста. Впрочемъ, если можно было и тогда вникнуть въ тайны этого общества и, такъ сказать, ощупью достигнуть до нѣкоторыхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ дѣлу, то въ настоящее время по имѣющимся фактамъ, почерпнутымъ изъ бумагъ арестованныхъ лицъ, равно какъ и изъ ихъ допросовъ, уликъ, очныхъ ставокъ и т. д., конечно, дѣло это развернется въ самой удовлетворительной степени.

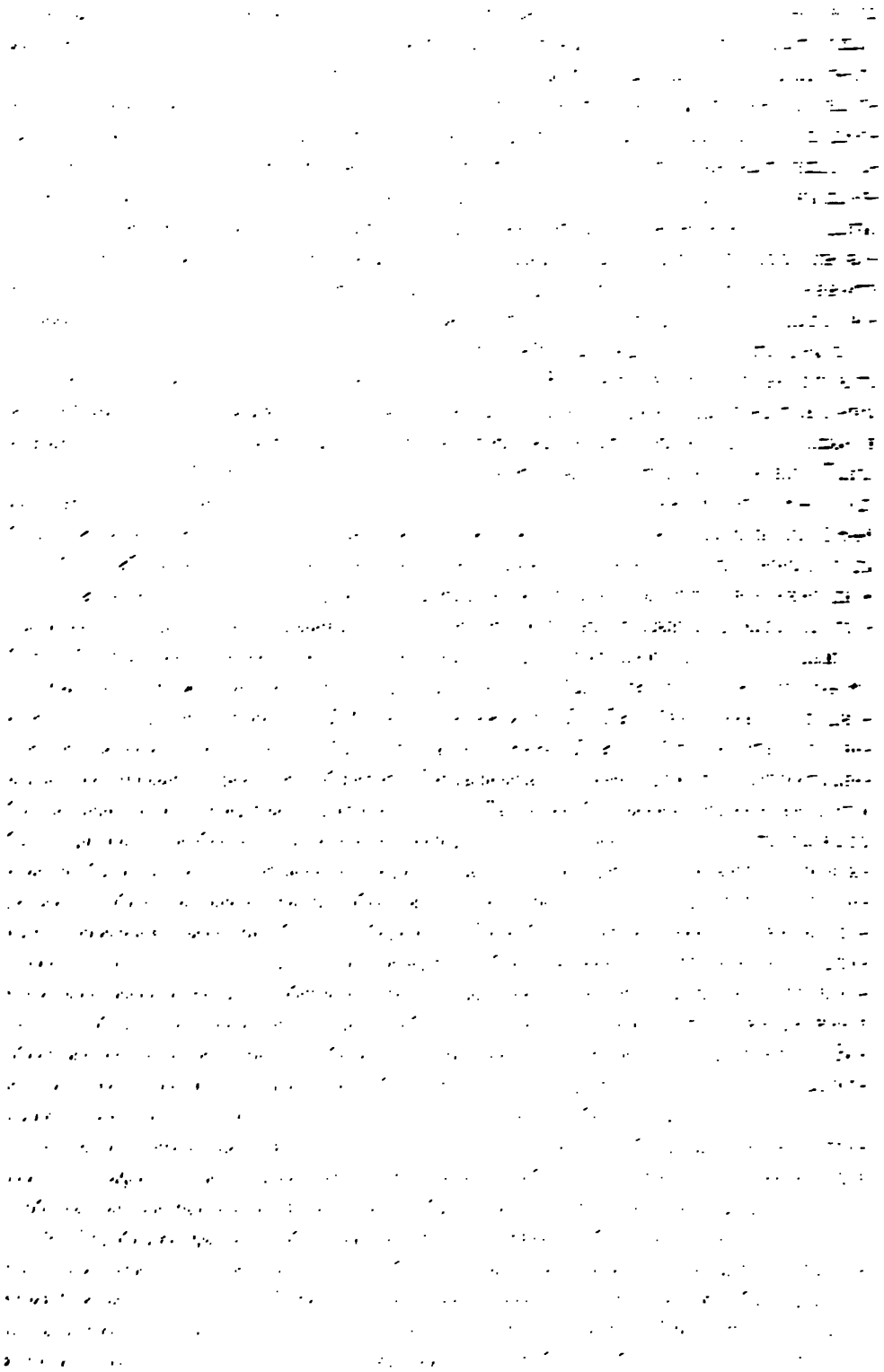
3) То же можно сказать, кажется, и объ Аристовѣ въ Костромѣ.

4) Вообще всѣ письма Кайданова изъ Ростова казались мнѣ особенно замѣчательными по тому рвенію, которое онъ высказывалъ къ изученію *апостоловъ нынѣшней западной пропаганды*, и по восторгу, въ который онъ приходилъ отъ одного чтенія оныхъ.

5) Такъ, французскіе энциклопедисты XVIII вѣка, ослабивъ религіозныя чувства въ народѣ, приготовили революцію 1789 года. Если приготовленіе этого страшнаго переворота требовало тогда довольно долгаго времени, то единственно потому, что просвѣщенье или, правильнѣе сказать, грамотность не была еще достаточно распространена во Франціи. Германія же, напримѣръ, не требовала уже такого промежутка времени отъ появленія подобныхъ проповѣдниковъ до безумства, въ которое она впала въ прошломъ 1848 году. Въ настоящемъ случаѣ, казалось мнѣ, важно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь злоумышленные поджигатели мятежей, видимо, принимали за основаніе успѣха своихъ замысловъ разрушеніе религіозныхъ чувствъ, которыя одни еще въ силахъ бороться съ нелѣпыми, чудовищными порожденіями нынѣшнихъ зловредныхъ идей. Рѣчи: Петрашевскаго, Толя, Бѣлецкаго, Ястржембскаго и т. п., рукописи Татенева (одна изъ таковыхъ найдена была также у кого-то изъ арестованныхъ членовъ Петрашевскаго общества); мнѣніе и розглась Петра Григорьева, Шапошникова, Толстова и другихъ, — все это служило въ моихъ глазахъ явнымъ доказательствомъ ихъ взаимнаго согласія въ этомъ главномъ началѣ ихъ предначертанія.

6) Средства, употребляемыя обществомъ для распространенія своихъ идей, замѣчательны. Члены онаго вступали въ разговоръ съ легковыми извощиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противу помѣщиковъ и высшаго правительства. Таковыя свѣдѣнія получены изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ, которые независимо многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ не подлежатъ никакому сомнѣнію.

7) Слѣдуя за этимъ дѣломъ, я не могъ не принимать въ соображеніе и того, что съ нѣкотораго времени начали находить въ разныхъ губерніяхъ разбрасываемыя, вреднаго содержанія, записки, что между народомъ появляются разные толки, конечно, не безъ цѣли распускаемые, что поступали даже доносы и о разныхъ зловредныхъ затѣяхъ и заговорахъ (изъ коихъ одинъ, по моему мнѣнію, совпадалъ съ дѣломъ, которое я имѣлъ тогда въ рукахъ). Конечно, при первомъ взглядѣ, доносы эти могли казаться



безпристрастнаго обслѣдованія и изложенія, чтобы показать высшему правительству настоящее положеніе этого обстоятельства и дать ему возможность, если есть еще время, излѣчить эту язву, заразившую въ корнѣ всѣ отрасли нашего училищнаго преподаванія, какъ о томъ будетъ сказано ниже нѣсколько подробнѣе.

10) Въ бумагахъ у нѣкоторыхъ лицъ найдено было нѣсколько лекцій и даже цѣлые литографированные курсы. На меня было возложено пробѣжать нѣсколько таковыхъ, что я слегка и сдѣлалъ, представивъ замѣчанія мои г. статсъ-секретарю князю Голицыну отъ 17 мая, 17, 18 и 19 іюня. Нынѣ считаю нужнымъ сказать объ этихъ курсахъ вообще, что они представлялись мнѣ наполненными самыхъ вредныхъ, въ моемъ понятіи, правилъ, которыя какъ бы съ умысломъ разбросаны по всему ихъ тексту, иногда и отъ лица самаго сочинителя, а чаще въ видѣ цитатъ изъ другихъ сочиненій: правилъ, развивающихъ идеи, которыя гораздо полезнѣе было бы вовсе не знать молодымъ людямъ, пока головы ихъ не сформировались. Всего же хуже, что правила эти, кстати и не кстати приставленныя, оставляются большею частію безъ всякой оговорки преподавателемъ, и если иногда и встрѣчаются таковыя, то они такъ слабы, такъ ничтожны (а иногда и двусмысленны), что никакъ не могутъ изгладить первоначальнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго тою рѣзкостью, съ какою они большею частію высказываются. Такимъ щитомъ, думалъ я, можно, пожалуй, прикрываться отъ тѣхъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понимать сущности дѣла, но ученикъ, съ жадностію слушающій преподавателя, легко проникаетъ за эту слишкомъ прозрачную завѣсу. Такъ, напр., въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ много курсовъ (найденномъ въ бумагахъ Бѣлецкаго) находятся слѣдующіе отзывы о республиканскомъ правленіи: „При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ (а объ нихъ ни слова), республика имѣетъ то особенное свойство, что, несмотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ, она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней *всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи* и, слѣдовательно, долженъ получать образованіе, *достойное* этого участія. Отъ того республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. *Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа*“. Вслѣдъ за тѣмъ преподаватель укрѣпляетъ это примѣрами слѣдующимъ образомъ: „это объясняетъ, какимъ образомъ въ небольшихъ греческихъ республикахъ искусства и науки могли достигнуть столь высокой степени совершенства, какъ мы ихъ получили, и т. д.“ Въ другомъ подобномъ литографированномъ курсѣ (въ бумагахъ Филиппова) авторъ, говоря, какъ республиканское правленіе изъ Соединенныхъ Штатовъ перешло во Францію, вдается въ слѣдующія предсказанія: „Это распространеніе европейскаго духа еще продолжается и вѣроятно, прекратится уже тогда, когда просвѣщеніе разольется по всему міру и такимъ образомъ соединитъ всѣ части въ одну великую государственную систему“, а далѣе, говоря о XVIII столѣтіи, называетъ его по преимуществу *временемъ революціонернымъ*, потому что въ этотъ вѣкъ религія потеряла свое значеніе, что образовались республики, и выводитъ изъ того заключенія, что „*государственная система*, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско, не прочно потому, что разъ войско разбито — все пропало и т. д.“. Вслѣдъ за такими

блестящими и заманчивыми изображеніями преподаватель, для огражденія себя, может пожалуй, сказать, что у насъ правленіе не республиканское, а монархическое и при томъ прибавитъ нѣсколько сухихъ фразъ о пользѣ монархіи (чего, впрочемъ, я не встрѣтилъ) и т. п. Снисходительное училищное начальство будетъ тѣмъ довольно и не привяжется къ преподавателю; но изъ учениковъ, конечно, большая часть или все невольно спросятъ себя: „да отъ чего же у насъ монархія, а не такая прекрасная и за манчивая вещь, какъ республика?“ Такая мысль тѣмъ естественнѣе можетъ пробудиться въ слушающихъ, когда *Исторія революціоннаго времени* оканчивается, напримѣръ слѣдующею вызывательною фразою: „Еще *не настало время*, въ которое возможно бы было дать совершенно *чистое и непринужденное* сужденіе о тѣхъ замѣча тельныхъ явленіяхъ, коими ни одинъ еще періодъ всемірной исторіи не былъ такъ бо гатъ“ и за тѣмъ представляется каждому произнести *самому свое сужденіе*. При веду другой примѣръ. Въ лекціяхъ, найденныхъ у Пальки, замѣчательныхъ уже тѣмъ что въ нихъ подъ придуманнымъ заглавіемъ. *„Законовѣдѣніе“* излагается *естественное право*, встрѣчаются слѣдующія мѣста:“ Самое главное свойство человѣка есть то что онъ лицо, т. е. существо, одаренное разумомъ и свободою. Это свойство дѣлаетъ человѣка цѣлью для самого себя и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ разсматривать его, какъ средство, какъ цѣль. Личность есть сознаніе самого себя, какъ существа свободноразумнаго; изъ понятія личности проистекаетъ понятіе права: я могу дѣлать все, что мнѣ угодно, потому что всякое дѣло мое будетъ слѣдствіе моей разумности. Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода. Существуетъ одна только природа человѣческая, слѣдовательно, во всѣхъ людяхъ природа одна и та же. Это единство человѣческой природы служитъ источникомъ равенства людей между собою“. Приводя затѣмъ вполнѣ мѣсто изъ Аристотеля, въ которомъ доказывается, что *равенства никакъ быть не можетъ*, сочинитель лекцій, вмѣсто того, чтобъ поддержать это ученіе древняго мудреца, столь важное для сохраненія общественнаго порядка, рѣшительно опровергаетъ его такъ:

„Но это совершенно несправедливо потому, что природа человѣческая не такъ раз лична, какъ душа и тѣло. Мы сказали, что люди по природѣ всѣ равны, а, слѣдова тельно, и рабства быть не должно. Несправедливость рабства можно доказать и исто рически, потому, что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ“. Затѣмъ, продолжая разсуждать въ подобномъ же духѣ, что причина нера венства людей есть *феодальное и крѣпостное владѣніе*, находятъ, что то и дру гое не имѣетъ нравственной необходимости и было слѣдствіемъ случайныхъ обстоя тельствъ. Наконецъ, вотъ и статья самаго *законовѣдѣнія:* „когда законы наказыва ютъ преступника, то этимъ не лишаютъ его общественнаго уваженія“. По такимъ образчикамъ можно судить объ общемъ духѣ преподаванія. Могутъ сказать, что я раз суждаю слишкомъ пристрастно, но таково мое убѣжденіе. Кому говорятъ съ каѳедры когда онъ еще не въ силахъ разсуждать самъ собою, что *равенство есть слѣдствіе единства человѣческой природы, а природа во всѣхъ людяхъ одна;* что и то *„не имѣетъ нравственной необходимости“* (а это то и то существуетъ у насъ и имѣетъ законную силу), что *лицо можетъ дѣлать все, что ему угодно и ни въ какомъ случаѣ не должно позволять разсматривать себя, какъ средство, что законное наказаніе преступника не лишаетъ его общественнаго уваженія“* и т. д.— тому не дико будетъ впослѣдствіи чтеніе какого-либо *Фуры*

или *Прудона*, не трудно будетъ усвоить себѣ *соціализмъ*, *коммунизмъ*, а тамъ дальше и дальше. Разительное доказательство тому представляется въ выше помянутомъ мною словарѣ *Кирилова*, гдѣ издатель имѣлъ дерзость напечатать между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ явнымъ ядомъ *соціализма*, *коммунизма* и прочихъ современныхъ безумствъ слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (на стр. 294):

„Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всевозможнымъ Пиѳіямъ и Прорицателямъ, изобличало ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ и въ противоположительность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлію — *водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности* (подчеркнутыя слова и въ подлинникѣ напечатаны курсивнымъ шрифтомъ), съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ... Какъ ни прекрасно начало его ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія“... Что на это сказало бы самое хладнокровное безпристрастіе? Вообще, по моему понятію, всѣ эти курсы безъ изъятія требуютъ строгаго пересмотра людьми не только благонамѣренными, но и спеціальными, понимающими дѣло. Это тѣмъ болѣе необходимо, что все сказанное выше совершенно согласуется съ предположеніями Петрашевскаго, Толстого, Вѣлецкаго, Поля, Ястржембскаго и другихъ дѣйствовать чрезъ учителей на юношество. Трое изъ упомянутыхъ выше сами уже были учителями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ и хвастали въ успѣхѣ своей *пропаганды*, а Петрашевскій и Толстой искали быть тѣмъ же, какъ видно изъ донесеній, сдѣланныхъ прежде разбора сказанныхъ курсовъ и самаго разсмотрѣнія бумагъ, вполнѣ подтвердившихъ это предположеніе.

11) Можетъ быть, мнѣ, повторяю, какъ новому и неопытному въ подобныхъ изслѣдованіяхъ сущность этого дѣла казалась болѣе важною, чѣмъ она показалась для тѣхъ, которые чаще имѣютъ возможность изучать подобныя дѣла. Но таковъ мой образъ мыслей и таково мое внутреннее убѣжденіе, вслѣдствіе котораго я не могъ позволить себѣ разсматривать это обстоятельство легче и снисходительнѣе того, какъ разсматривалъ. Совѣсть и долгъ службы мнѣ того не позволяли, а, сверхъ того, я и самъ отецъ трехъ сыновей.

12) Впрочемъ, едва ли не эта самая неоффиціальность и была главною причиною, что глубокая тайна была схоронена впродолженіе столь долгаго времени, что при оффиціальномъ дѣйствіи, какъ бы оно секретно ни производилось, соблюсти было бы невозможно, въ особенности, когда размѣръ собиранія свѣдѣній обнималъ такъ много лицъ.

13) Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, весьма примѣчательно, что всевозможныя зловредныя сочиненія нынѣшней западной пропаганды продавались у насъ въ книжныхъ лавкахъ безнаказанно и разсылались по всему пространству государства. Случай доставилъ мнѣ поводъ учредить наблюденіе за однимъ только книгопродавцемъ (Лури), и у него найдено 2,500 томовъ подобныхъ книгъ, и гдѣ? просто на полкахъ въ магазинѣ! Изъ корреспонденціи же его и изъ конторскихъ книгъ, взятыхъ за десять лѣтъ, видно, что всѣ эти запрещенныя книги требовались и разсылались въ значительномъ количествѣ по всему пространству государства. И это только отъ одного книгопродавца, а сколько ихъ и гораздо значительнѣйшихъ въ одномъ С.-Петербургѣ? Изъ полученныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно, что запрещенныя книги въ провинцію высылались прямо по почтѣ изъ Риги и Дерпта. Сдѣланный тамъ обыскъ у книго-

продавцевъ равномѣрно открылъ знатное же количество таковыхъ книгъ въ ихъ магазинахъ. Утвердительно можно сказать, что едва ли не каждый изъ этихъ торговцевъ промышляетъ этимъ ядомъ, чему цензура, при существующихъ постановленіяхъ, не вправѣ противодѣйствовать! Это одно обстоятельство, по практическому моему понятію, было достаточнымъ къ *убѣжденію меня* въ послѣдствіяхъ, которыхъ должно ожидать отъ подобныхъ обстоятельныхъ ученій, кружащихъ головы многихъ даже положительныхъ людей, но, къ несчастію, подчинившихся безотчетному фанатизму, что будто бы невозможно противостать духу времени,—плодъ, въ моемъ, можетъ быть, и ложномъ мнѣніи малодушія, которое было единственнымъ поводомъ всѣхъ послѣднихъ безпорядковъ въ Европѣ.

14) Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятіе, что всякій заговоръ раждается въ головѣ одного или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ то же весьма немногихъ. Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны; имъ нужна *физическая сила*, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ. При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать *разными путями* и всегда *пропагандою* возбуждать всѣ классы къ негодованію на правительство, на существующій порядокъ вещей, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду; и такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобъ произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидя, что принимаетъ характеръ серіозный, согласно съ тою степенью, которую тщеславіе ихъ себѣ предначертало. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствіе свое стремленіемъ ввести будто бы порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же подъ рукой произведенной и раздуваемой; и такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. И такъ сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями *физическая сила*, которую составляетъ низшій классъ въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлію грабежа, наживы, личнаго мщенія и даже съ одною мыслію воспользоваться и насладиться хотя минутнымъ только безпочтеніемъ. По принятому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному, правилу настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ кровопролитіи, оставляются ненаказанными, хотя они и были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами. — Ихъ извиняютъ тѣмъ, что они завлекали другихъ — сами бывъ увлечены ложными убѣжденіями, фанатизмомъ молодости, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посѣянію въ массахъ вредныхъ сѣмянъ, которыя рано или поздно неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ? Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разгонять всѣми мѣрами скопляющуюся грозу, прежде чѣмъ она успѣетъ разразиться, есть единственное средство отвратить пагубныя ея послѣдствія. Этому-то убѣжденію слѣдуя, я почиталъ себя въ обязанности слѣдить всѣ нити порученнаго моему наблюденію дѣла, какъ бы онѣ при первомъ взглядѣ ни представлялись ничтожными и незаслуживающими вниманія, ибо только эти нити, взятыя всѣ вмѣстѣ

по моему мнѣнію, могли довести если не до самаго источника зла, то, по крайней мѣрѣ, близко къ оному.

15) Въ этихъ случаяхъ я полагаю, что казнь за политическія преступленія оставляетъ всегда неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ. — Далѣе я молчу [1]).

ПРИЛОЖЕНІЯ [2]).

(Совершенно секретно).

Списокъ лицамъ, посѣщавшимъ съ 11-го марта 1849 года собранія Петрашевскаго по пятницамъ.

20-го апрѣля 1849 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Ястржембскій.
2. Кашкинъ.
3. Толь.
4. Болоссоглу.
5. Головинскій.
6. Дуровъ.
7. Кузьминъ.
8. Кузьминъ.
9. Кайдановъ.
10. Кропотовъ.
11. Львовъ.
12. Плещеевъ.
13. Серебряковъ.
14. Тимковскій.
15. Филипповъ.
16. Ахшарумовъ.
17. Бернардскій.
18. Десбутъ 1 [3]).
19. Десбутъ 2 [3]).
20. Дѣевъ.
21. Григорьевъ.
22. Модерскій.
23. Михайловъ.
24. Момбели.
25. Ольдекопъ.
26. Спѣшневъ.
27. Чириковъ.
28. Берестовъ.
29. Щелковъ.
30. Пальмъ.
31. Достоевскій.
32. Достоевскій.
33. Ламанскій.
34. Антонелли.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Ястржембскій, Иванъ Фердинандъ Львовичъ. Учитель Технологическаго Института, 1-го кадетскаго корпуса и корпуса путей сообщенія. Ястржембскій Осипъ, недавно пріѣхавшій изъ Вильны, и еще братъ, подполковникъ путей сообщенія, бывшій учитель математики, нынѣ куда-то выѣхавшій.	

Примѣчаніе. 11-го и 18-го марта и 8-го апрѣля былъ на собраніяхъ.

11-го марта онъ разсуждалъ о рѣчи Толя и говорилъ краснорѣчиво (см. № 10).

18-го марта Ястржембскій говорилъ рѣчь и раздѣлялъ науки на 3 класса: *естественныя, философскія* и *политическія;* къ этимъ послѣднимъ онъ относилъ и *статистику*, называя ее *общественною, соціальною наукою* и пр. Богословіе

[1]) Напеч. въ „Рус. Старинѣ“ 1872, іюль, стр. 70 — 86 и „Полярной Звѣздѣ“ (VII, 26 — 90). Мы даемъ сводный текстъ.

[2]) На нихъ ссылается Липранди въ своей запискѣ; приложенія эти напечатаны намъ почти цѣликомъ. Подчеркнутыя слова отмѣчалъ Липранди.

(Прим. „Полярной Звѣзды“).

[3]) Дебу.

онъ опредѣлялъ не наукою, а какими-то бреднями и пр. Потомъ предложилъ себѣ
просъ: „что такое идея и *понятія?*“ Вопросъ этотъ онъ развивалъ пространно, мея
прочимъ замѣтилъ, что „Россійское государство имѣетъ цѣлію подчинить достоинство всѣ
людей, его составляющихъ, выгодѣ и пользѣ одного“, и заключилъ рѣчь свою такъ: „Н
науки, въ особенности статистика, показываютъ прямо на *соціальное правленіе, какъ*
наилучшее“. Въ рѣчи этой онъ часто ссылался на Прудона, и въ нѣкоторыхъ мѣста
не соглашался съ нимъ въ составѣ общества, которыя въ понятіи Ястржембскаго бы
очень ограничены. Вообще рѣчь его была усѣяна солью на здѣшнее *чиноманіе*,
чины возвышенныхъ классовъ, на государя, котораго онъ называлъ *богды-ханомъ*,
вообще на все административное и т. д. (см. № 12).

18-го апрѣля, между прочимъ, Ястржембскій, разбирая сочиненія *Фурье*, выражал
съ громкою похвалою; *Прудона* хвалилъ и находилъ тѣ же недостатки, что и вы
Ламартина разбиралъ съ самой дурной стороны и пр. Потомъ выразился такъ: „ч
онъ полякъ душей и тѣломъ, что за свободу Польши готовъ позволить выпустить се
всю кровь по каплѣ, но еслибы былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вред
развитію *общечеловѣческой идеи*, то онъ первый бы однимъ взмахомъ топора отр
билъ ей голову“. Потомъ старался убѣдить присутствовавшихъ, что *„простой наро*
принципомъ зла непремѣнно понимаетъ государя“. Усиливался доказать з
разговоромъ своимъ съ извозчикомъ, котораго научилъ не платить господамъ подать,
какъ будутъ требовать, то давать имъ колотушку, и заключилъ этотъ разговоръ
извозчикомъ такъ: „вотъ видишь, нѣмцы нехристи, да не беруть оброка; какъ з
православные-то деруть съ васъ, мужиковъ?“ Приводя тутъ отвѣтъ извозчика, сказа
шаго, что „хотѣли было ихъ освободить, да государь не захотѣлъ“,—выводилъ, что он
Ястржембскій, былъ въ сношеніи съ *польскими, малороссійскими* и *бѣлорусскими*
мужиками, что у всѣхъ ихъ одинъ и тотъ же взглядъ, т.-е. что *принципъ зла он*
видятъ въ царѣ; ему возражали частію на это (см. № 27); о немъ, какъ о близ
знакомомъ Петрашевскому, имѣлись уже и прежде свѣдѣнія.

15-го апрѣля былъ на собраніи и при прочтеніи письма *Бѣлинскаго* выражал
часто восторгъ, приговаривая: „отто-такъ, отто-такъ“ и пр. (см. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Кашкинъ. Въ Азіатскомъ департаментѣ.	Московской части, ...квартала, против Владимирской церкви, въ домѣ Берхман

Примѣчаніе. 8-го апрѣля былъ на собраніи. Принималъ живое участіе въ преній
а 7-го апрѣля, въ четвергъ, обѣдалъ съ Петрашевскимъ у Нагорнаго, *фурьериста* (sic
дѣлавшаго обѣдъ въ честь *Фурье* (см. № 27). Кашкинъ находился въ высшемъ обще
ствѣ, получилъ образованіе въ лицеѣ, и чрезвычайно свободныхъ мнѣній.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Толь, Феликсъ Густавовичъ. Учитель русской словесности въ главномъ инженерномъ училищѣ, а въ школѣ кантонистовъ преподаетъ исторію.	1. Адмиралтейской части, 2 квартала, в углу Гороховой и Большой Морской, в домѣ Штрауха, въ отелѣ Боса.

Примѣчаніе. 11-го, 18-го и 25-го марта и 1-го апрѣля былъ на собраніяхъ
11-го марта онъ говорилъ рѣчь по предложенному вопросу: *„нужна ли религі*

въ соціальномъ смыслѣ?“ Разбирая подробно этотъ предметъ въ пользу соціализма, онъ заключилъ, что „фиктивная (sic) религія, дѣйствуя на мораль человѣка, не только не нужна въ соціальномъ смыслѣ, но даже вредна, потому что она подавляетъ развитіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному его убѣжденію, а по чувству страха и наказанія, слѣдственно: *она убиваетъ нравственность*“. Нѣкоторые дѣлали замѣчанія, а Петрашевскій защищалъ мнѣніе Толя, но признавалъ только, вопреки Толю, *возможность убѣжденія*, и заслужилъ общее одобреніе (см. № 10).

25-го марта Толь, между другими преніями, читалъ свою статью о *религіи* въ томъ же духѣ. Диссертація эта породила много жаркихъ споровъ (см. № 16).

Толь разсказывалъ объ одномъ настоятелѣ воронежскаго монастыря Колесниковѣ, раздѣляющемъ ихъ мнѣнія; разсказъ этотъ пространенъ (см. № 17); о *славянофилахъ* Толь говорилъ, „что общество ихъ основано на глупѣйшихъ началахъ, потому что отвергаетъ заслуги *Петра В.*, говоря, что онъ отнялъ у русскихъ бороды и кафтаны, вмѣстѣ съ этимъ отнялъ у нихъ и національность. Общество это стремится къ соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ вмѣстѣ, къ составленію отдѣльнаго совершенно *не общеевропейскаго, но особеннаго славянскаго элемента*. Правительство же преслѣдуетъ это общество за то, что оно въ этомъ смыслѣ не *ортодоксально*, что думаетъ *завести правленіе въ родѣ древне-новгородскаго, съ его вѣчемъ и посадниками*“. Толь сожалѣетъ, „что общество это включаетъ въ себѣ людей очень образованныхъ и ученыхъ, которые бы въ другомъ направленіи могли принести великую пользу. Общество это, по его словамъ, *разсѣяно по всѣмъ уголкамъ Европы, и представителемъ онаго есть Мицкевичъ* (см. № 17). Описывалъ характеръ Дурова и Черносвитова; говорилъ, что посѣщаетъ собранія Плещеева. Говорилъ, что, читая исторію кантонистамъ, ему нужно было развертывать идеи, но что онъ представилъ проектъ барону Зедлеру о новой программѣ, которую думаетъ, что утвердятъ, и тогда онъ будетъ читать исторію не по самой ортодоксальной книгѣ, а будетъ разсказывать ее сообразно съ планомъ общества“. Говорилъ, что „лица, которымъ ввѣрена власть присмотра за воспитаніемъ, всѣ, по большей части, дураки и поступками своими приносятъ пользу не правительству, а нашимъ же идеямъ, вооружая молодыхъ людей противу себя и глупыхъ уставовъ, ими же самими составленныхъ“. Особенно онъ нападалъ на *ген.-ад. Ростовцова*, называя его скотомъ и пр. Говорилъ, что „общество ихъ много хлопотало, чтобъ ввести въ собранія Петрашевскаго нѣсколько умныхъ женщинъ, которыми, по мнѣнію Толя и Петрашевскаго, идеи скорѣй расходятся и присвоиваются“, и пр. (см. № 17). Толь говорилъ, что Кропотовъ представлялъ въ общество Петрашевскаго Толя (не родственника этому), двоюроднаго брата графа Толя. Оба Толя были различныхъ мнѣній насчетъ Остзейскихъ губерній. Толь 2-ой утверждалъ, что высшее правительство поступаетъ тамъ слабо, а Толь 1-ый утверждалъ противное, присовокупивъ, что былъ бы очень радъ видѣть тамъ даже какое-нибудь движеніе,“ потому что это движеніе было бы полезно и для Россіи, давъ ей въ нѣкоторомъ смыслѣ толчокъ“. Толь 2-ой опровергалъ возможность оттолоска „возмущенія Остзейскихъ губерній въ Россіи“. Толь 1-ый доказывалъ ему это тѣмъ, что „всѣ высшія должности въ Россіи, какъ военныя, такъ и гражданскія, ввѣрены дворянамъ Остзейскихъ губерній; слѣдовательно, еслибы тамъ что произошло, то для поддержки своего отечества, вѣроятно, всѣ эти лица страшились бы затѣять что-нибудь подобное и въ Россіи“, и пр. (см. № 22).

согласію ихъ сіятельствъ, возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца, въ полномъ значеніи этого слова, разсказывали о немъ множество анекдотовъ и между прочимъ указывали на изданную имъ, подъ именемъ Кириллова, книгу (Карманный словарь иностранныхъ словъ, входящихъ въ составъ русскаго языка. С.-Петербургъ, 1846 года и проч.; первый выпускъ былъ въ 1845 году до буквы *М*, а второй болѣе замѣчательный дерзостью — въ 1846 году до буквы *О* включительно) — книгу, которая по напечатаніи и выпускѣ въ продажу отобрана была изъ лавокъ, подъ рукою, по распоряженію цензурнаго комитета, замѣтившаго всю преступность ея содержанія и направленія, при чемъ издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено даже было о лицахъ, доставившихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее употребленіе и т. д. Не трудно было также узнать, что у него впродолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ бываютъ постоянныя, по пятницамъ, собранія, на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, *онъ пишетъ новые законы*. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непремѣнно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какого-либо благонадежнаго лица. Кто обращался съ подобными дѣлами, тотъ знаетъ, съ какими затрудненіями это послѣднее сопряжено. Тутъ недостаточно было ввести въ собранія человѣка только благонамѣреннаго: агентъ этотъ долженъ былъ, сверхъ того, стоять въ уровень въ познаніяхъ съ тѣми лицами, въ кругъ которыхъ онъ долженъ былъ вступить, имѣть въ этой новой роли путеводителя болѣе опытнаго и, наконецъ, стать выше предразсудка, который въ молвѣ столь несправедливо и потому безнаказанно пятнаетъ ненавистнымъ именемъ *доносчиковъ* даже такихъ людей, которые, жертвуя собою въ подобныхъ дѣлахъ, даютъ возможность правительству предупреждать тѣ безпорядки, которые могли бы послѣдовать при большей зрѣлости подобныхъ зловредныхъ обществъ. Такіе агенты за деньги не отыскиваются. Но я былъ столь счастливъ, что, наконецъ, вполнѣ успѣлъ въ этомъ, и такимъ образомъ устроилъ постоянныя наблюденія, о которыхъ почти ежедневно, а въ послѣднее время и по нѣскольку разъ въ день доносилось, что продолжалось до 23 апрѣля 1849 г. Изъ сего можно усмотрѣть, что *не я открылъ и не я донесъ*, а мнѣ указанъ былъ предметъ, который я долженъ былъ только разузнать ближе. Не знаю, успѣлъ ли я оправдать довѣренность помянутыхъ двухъ сановниковъ, но по крайней мѣрѣ *я не могу себя упрекнуть* въ томъ, чтобы я упустилъ что-либо изъ виду въ этомъ для меня вовсе новомъ порученіи первой государственной важности, требовавшей вмѣстѣ съ тѣмъ особеннаго сохраненія тайны, которая впродолженіе болѣе года и была непроницаемою, несмотря на огромную переписку, которую я долженъ былъ вести независимо словесныхъ сношеній съ множествомъ разныхъ лицъ.

2) Здѣсь не упоминаю уже о какихъ-то женскихъ литературныхъ обществахъ, коихъ слѣды найдены въ бумагахъ Серебрякова, о двухъ кругахъ, образованныхъ въ Ревелѣ Тимковскимъ, о найденныхъ у разныхъ лицъ рѣчахъ, читанныхъ или только приготовленныхъ къ чтенію на собраніяхъ и, наконецъ, о литературномъ обществѣ *пропаганды*, упоминавшемся не разъ Петрашевскимъ, о таковыхъ же обществахъ, упоминавшихся Каменевымъ и Толстовымъ, и проч. Все это я полагалъ себя обязаннымъ не упускать изъ виду впослѣдствіи, на первый же разъ главное мое вниманіе было сосредоточено

на обществѣ Петрашевскаго. 23 апрѣля арестовано было 33 человѣка (независимо другихъ пяти), которыхъ агентъ лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ (Виттъ, учитель технологическаго института, избѣгъ этой участи). Въ донесеніяхъ же моихъ упоминается свыше ста человѣкъ, которые, по моему тогдашнему мнѣнію, болѣе или менѣе должны были сочувствовать помянутому обществу. Но степень ихъ участія въ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не могла быть мною опредѣлена за скоростію послѣдовавшаго ареста. Впрочемъ, если можно было и тогда вникнуть въ тайны этого общества и, такъ сказать, ощупью достигнуть до нѣкоторыхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ дѣлу, то въ настоящее время по имѣющимся фактамъ, почерпнутымъ изъ бумагъ арестованныхъ лицъ, равно какъ и изъ ихъ допросовъ, уликъ, очныхъ ставокъ и т. д., конечно, дѣло это развернется въ самой удовлетворительной степени.

3) То же можно сказать, кажется, и объ Аристовѣ въ Костромѣ.

4) Вообще всѣ письма Кайданова изъ Ростова казались мнѣ особенно замѣчательными по тому рвенію, которое онъ высказывалъ къ изученію *апостоловъ нынѣшней западной пропаганды*, и по восторгу, въ который онъ приходилъ отъ одного чтенія оныхъ.

5) Такъ, французскіе энциклопедисты XVIII вѣка, ослабивъ религіозныя чувства въ народѣ, приготовили революцію 1789 года. Если приготовленіе этого страшнаго переворота требовало тогда довольно долгаго времени, то единственно потому, что просвѣщенье или, правильнѣе сказать, грамотность не была еще достаточно распространена во Франціи. Германія же, напримѣръ, не требовала уже такого промежутка времени отъ появленія подобныхъ проповѣдниковъ до безумства, въ которое она впала въ прошломъ 1848 году. Въ настоящемъ случаѣ, казалось мнѣ, важно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь злоумышленные поджигатели мятежей, видимо, принимали за основаніе успѣха своихъ замысловъ разрушеніе религіозныхъ чувствъ, которыя одни еще въ силахъ бороться съ нелѣпыми, чудовищными порожденіями нынѣшнихъ зловредныхъ идей. Рѣчи: Петрашевскаго, Толя, Бѣлецкаго, Ястржембскаго и т. п., рукописи Татенева (одна изъ таковыхъ найдена была также у кого-то изъ арестованныхъ членовъ Петрашевскаго общества); мнѣніе и розглась Петра Григорьева, Шапошникова, Толстова и другихъ, — все это служило въ моихъ глазахъ явнымъ доказательствомъ ихъ взаимнаго согласія въ этомъ главномъ началѣ ихъ предначертанія.

6) Средства, употребляемыя обществомъ для распространенія своихъ идей, замѣчательны. Члены онаго вступали въ разговоръ съ легковыми извощиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противу помѣщиковъ и высшаго правительства. Таковыя свѣдѣнія получены изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ, которые независимо многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ не подлежатъ никакому сомнѣнію.

7) Слѣдуя за этимъ дѣломъ, я не могъ не принимать въ соображеніе и того, что съ нѣкотораго времени начали находить въ разныхъ губерніяхъ разбрасываемыя, вреднаго содержанія, записки, что между народомъ появляются разные толки, конечно, не безъ цѣли распускаемые, что поступали даже доносы и о разныхъ зловредныхъ затѣяхъ и заговорахъ (изъ коихъ одинъ, по моему мнѣнію, совпадалъ съ дѣломъ, которое я имѣлъ тогда въ рукахъ). Конечно, при первомъ взглядѣ, доносы эти могли казаться

и не заслуживающими особеннаго вниманія; не менѣе того я думалъ, что они не могли же породиться сами собою (и это я вправѣ былъ основывать на развитіи настоящаго дѣла, къ чему послужила вначалѣ едва-ли многими замѣченная причина). Впрочемъ, въ послѣднее время нападали и на нѣсколько, въ полномъ уже смыслѣ, неблагонамѣренныхъ людей, искавшихъ распространить безпорядокъ, которые и были за то подвергнуты справедливой карѣ. Въ Вильнѣ же, Минскѣ и Лидѣ открытъ уже настоящій заговоръ, имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками, и въ этомъ заговорѣ участвуютъ дворане, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущественно же учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту, и слѣдствіе дѣятельно продолжается и т. п. Въ особенности поражало меня тогда, какъ и теперь поражаетъ, что здѣсь и въ другихъ городахъ молодежь и даже учащіеся въ школахъ позволяютъ себѣ разсуждать слишкомъ дерзко о предметахъ, вовсе до нихъ не относящихся, и проч. Наконецъ, не могъ я не принять въ соображеніе и той ужасающей прогрессіи, въ какой въ послѣдніе годы представляется возрастающимъ число преступныхъ посягательствъ на власти въ народѣ, а также и число народныхъ бѣдствій, производящихъ въ массѣ безпокойства и волненія. Такъ, напримѣръ, *случаевъ убійства помѣщиковъ своими крестьянами* въ 1846 году было *12*, а въ 1848—*18*. Случаевъ *неповиновенія крестьянъ* массами въ 1846 году было *27*, а въ 1848—45 (изъ нихъ въ казенныхъ селеніяхъ въ первый годъ только *2*, а въ послѣдній *4*); одинаково замѣчательно также и изумительное ежегодное увеличеніе прогрессіи наказываемыхъ здѣсь въ столицѣ, въ съѣзжихъ домахъ за грубость, буйство, неповиновеніе и т. п. дворовыхъ людей, посылаемыхъ ихъ господами.

Наконецъ: *пожаровъ* въ 1846 году въ *городахъ* было *92*, въ *селеніяхъ 6496*, а въ 1848 году *въ городахъ 199*, а *въ селеніяхъ 10312*, обнаруженныхъ поджоговъ въ селеніяхъ въ 1846 г. было *84*, а въ 1848—*102*. (Обстоятельство это невольно напоминаетъ пренія въ обществѣ Петрашевскаго о необходимости распространенія пауперизма и *о* средствахъ достигать того). Такое необыкновенное усиленіе несчастій было причиною особеннаго волненія въ народѣ, для успокоенія котораго отъ разныхъ властей были посланы довѣренные люди. А какими послѣдствіями можетъ сопровождаться подобное волненіе массъ, обнаружилось въ предпрошломъ году почти поголовнымъ движеніемъ всей Витебской губерніи къ Петербургу, остановленнымъ уже на половинѣ пути подъ Порховымъ при посредствѣ благовременнаго и рѣшительнаго дѣйствія вооруженной силы, — обстоятельство, показывающее вмѣстѣ, какъ легко производить подобныя увлеченія въ толпахъ, ибо въ то же самое время такія же движенія обнаружились еще въ трехъ губерніяхъ — Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, я думалъ, не могло происходить безъ *двигателя*, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата — безпорядка, анархіи.

8) Впослѣдствіи, какъ я слышалъ, открыто комиссіею, что была заготовлена и тайная типографія, долженствовавшая скоро начать работу и дѣйствовать, конечно, для удобства распространенія идей, а, можетъ быть, уже и для печатанія воззваній.

9) Подобными фактами объясняются многіе и разные безпорядки, возникавшіе въ послѣднія десять лѣтъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ между учениками всѣхъ состояній и всѣхъ сословій. Спрашивается однако невольно: что же имъ было дѣлать, когда нормальное умственное ихъ положеніе такъ приготовляется? Предметъ этотъ, какъ я смѣю думать, и до сихъ поръ весьма важенъ и требовалъ бы полнаго и совершенно

безпристрастнаго обслѣдованія и изложенія, чтобы показать высшему правительству настоящее положеніе этого обстоятельства и дать ему возможность, если есть еще время, излѣчить эту язву, заразившую въ корнѣ всѣ отрасли нашего училищнаго преподаванія, какъ о томъ будетъ сказано ниже нѣсколько подробнѣе.

10) Въ бумагахъ у нѣкоторыхъ лицъ найдено было нѣсколько лекцій и даже цѣлые литографированные курсы. На меня было возложено пробѣжать нѣсколько таковыхъ, что я слегка и сдѣлалъ, представивъ замѣчанія мои г. статсъ-секретарю князю Голицыну отъ 17 мая, 17, 18 и 19 іюня. Нынѣ считаю нужнымъ сказать объ этихъ курсахъ вообще, что они представлялись мнѣ наполненными самыхъ вредныхъ, въ моемъ понятіи, правилъ, которыя какъ бы съ умысломъ разбросаны по всему ихъ тексту, иногда и отъ лица самаго сочинителя, а чаще въ видѣ цитатъ изъ другихъ сочиненій: правилъ, развивающихъ идеи, которыя гораздо полезнѣе было бы вовсе не знать молодымъ людямъ, пока головы ихъ не сформировались. Всего же хуже, что правила эти, кстати и не кстати приставленныя, оставляются большею частію безъ всякой оговорки преподавателемъ, и если иногда и встрѣчаются таковыя, то они такъ слабы, такъ ничтожны (а иногда и двусмысленны), что никакъ не могутъ изгладить первоначальнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго тою рѣзкостью, съ какою они большею частію высказываются. Такимъ щитомъ, думалъ я, можно, пожалуй, прикрываться отъ тѣхъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понимать сущности дѣла, но ученикъ, съ жадностію слушающій преподавателя, легко проникаетъ за эту слишкомъ прозрачную завѣсу. Такъ, напр., въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ много курсовъ (найденномъ въ бумагахъ Бѣлецкаго) находятся слѣдующіе отзывы о республиканскомъ правленіи: „При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ (а объ нихъ ни слова), республика имѣетъ то особенное свойство, что, несмотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ, она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней *всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи* и, слѣдовательно, долженъ получать образованіе, *достойное* этого участія. Отъ того республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. *Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа*“. Вслѣдъ за тѣмъ преподаватель укрѣпляетъ это примѣрами слѣдующимъ образомъ: „это объясняетъ, какимъ образомъ въ небольшихъ греческихъ республикахъ искусства и науки могли достигнуть столь высокой степени совершенства, какъ мы ихъ получили, и т. д.“ Въ другомъ подобномъ литографированномъ курсѣ (въ бумагахъ Филиппова) авторъ, говоря, какъ республиканское правленіе изъ Соединенныхъ Штатовъ перешло во Францію, вдается въ слѣдующія предсказанія: „Это распространеніе европейскаго духа еще продолжается и вѣроятно, прекратится уже тогда, когда просвѣщеніе разольется по всему міру и такимъ образомъ соединитъ всѣ части въ одну великую государственную систему“, а далѣе, говоря о XVIII столѣтіи, называетъ его по преимуществу *временемъ революціонернымъ*, потому что въ этотъ вѣкъ религія потеряла свое значеніе, что образовались республики, и выводитъ изъ того заключенія, что *„государственная система*, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско, не прочно потому, что разъ войско разбито — все пропало и т. д.“. Вслѣдъ за такими

блестящими и заманчивыми изображеніями преподаватель, для огражденія себя, можетъ, пожалуй, сказать, что у насъ правленіе не республиканское, а монархическое и притомъ прибавитъ нѣсколько сухихъ фразъ о пользѣ монархіи (чего, впрочемъ, я не встрѣтилъ) и т. п. Снисходительное училищное начальство будетъ тѣмъ довольно и не привяжется къ преподавателю; но изъ учениковъ, конечно, большая часть или всѣ невольно спросятъ себя: „да отъ чего же у насъ монархія, а не такая прекрасная и заманчивая вещь, какъ республика?“ Такая мысль тѣмъ естественнѣе можетъ пробудиться въ слушающихъ, когда *Исторія революціоннаго времени* оканчивается, напримѣръ, слѣдующею вызывательною фразою: „Еще *не настало время*, въ которое возможно бы было дать совершенно *чистое и непринужденное* сужденіе о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, коими ни одинъ еще періодъ всемірной исторіи не былъ такъ богатъ“ и за тѣмъ представляется каждому произнести *самому свое сужденіе*. Приведу другой примѣръ. Въ лекціяхъ, найденныхъ у Пальки, замѣчательныхъ уже тѣмъ, что въ нихъ подъ придуманнымъ заглавіемъ. *„Законовѣдѣніе“* излагается *естественное право*, встрѣчаются слѣдующія мѣста:“ Самое главное свойство человѣка есть то, что онъ лицо, т. е. существо, одаренное разумомъ и свободою. Это свойство дѣлаетъ человѣка цѣлью для самого себя и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ разсматривать его, какъ средство, какъ цѣль. Личность есть сознаніе самого себя, какъ существа свободноразумнаго; изъ понятія личности проистекаетъ понятіе права: я могу дѣлать все, что мнѣ угодно, потому что всякое дѣло мое будетъ слѣдствіе моей разумности. Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода. Существуетъ одна только природа человѣческая, слѣдовательно, во всѣхъ людяхъ природа одна и та же. Это единство человѣческой природы служитъ источникомъ равенства людей между собою“. Приводя затѣмъ вполнѣ мѣсто изъ Аристотеля, въ которомъ доказывается, что *равенства никакъ быть не можетъ*, сочинитель лекцій, вмѣсто того, чтобъ поддержать это ученіе древняго мудреца, столь важное для сохраненія общественнаго порядка, рѣшительно опровергаетъ его такъ:

„Но это совершенно несправедливо потому, что природа человѣческая не такъ различна, какъ душа и тѣло. Мы сказали, что люди по природѣ всѣ равны, а, слѣдовательно, и рабства быть не должно. Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому, что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ“. Затѣмъ, продолжая разсуждать въ подобномъ же духѣ, что причина неравенства людей есть *феодальное и крѣпостное владѣніе*, находятъ, что то и другое не имѣетъ нравственной необходимости и было слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ. Наконецъ, вотъ и статья самаго *законовѣдѣнія:* „когда законы наказываютъ преступника, то этимъ не лишаютъ его общественнаго уваженія“. По такимъ образчикамъ можно судить объ общемъ духѣ преподаванія. Могутъ сказать, что я разсуждаю слишкомъ пристрастно, но таково мое убѣжденіе. Кому говорятъ съ каѳедры, когда онъ еще не въ силахъ разсуждать самъ собою, что *равенство есть слѣдствіе единства человѣческой природы, а природа во всѣхъ людяхъ одна;* что и то *„не имѣетъ нравственной необходимости“* (а это то и то существуетъ у насъ и имѣетъ законную силу), что *лицо можетъ дѣлать все, что ему угодно и ни въ какомъ случаѣ не должно позволять разсматривать себя, какъ средство, что законное наказаніе преступника не лишаетъ его общественнаго уваженія“* и т. д. — тому не дико будетъ впослѣдствіи чтеніе какого-либо *Фурье*

или *Прудона*, не трудно будетъ усвоить себѣ *соціализмъ*, *коммунизмъ*, а тамъ дальше и дальше. Разительное доказательство тому представляется въ выше помянутомъ мною словарѣ *Кирилова*, гдѣ издатель имѣлъ дерзость напечатать между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ явнымъ ядомъ *соціализма*, *коммунизма* и прочихъ современныхъ безумствъ слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (на стр. 294):

„Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всевозможнымъ Ииоіямъ и Прорицателямъ, изобличало ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ и въ противоположительность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлію — *водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности* (подчеркнутыя слова и въ подлинникѣ напечатаны курсивнымъ шрифтомъ), съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ... Какъ ни прекрасно начало его ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія“... Что на это сказало бы самое хладнокровное безпристрастіе? Вообще, по моему понятію, всѣ эти курсы безъ изъятія требуютъ строгаго пересмотра людьми не только благонамѣренными, но и спеціальными, понимающими дѣло. Это тѣмъ болѣе необходимо, что все сказанное выше совершенно согласуется съ предположеніями Петрашевскаго, Толстого, Бѣлецкаго, Поля, Ястржембскаго и другихъ дѣйствовать чрезъ учителей на юношество. Трое изъ упомянутыхъ выше сами уже были учителями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ и хвастали въ успѣхѣ своей *пропаганды*, а Петрашевскій и Толстой искали быть тѣмъ же, какъ видно изъ донесеній, сдѣланныхъ прежде разбора сказанныхъ курсовъ и самаго разсмотрѣнія бумагъ, вполнѣ подтвердившихъ это предположеніе.

11) Можетъ быть, мнѣ, повторяю, какъ новому и неопытному въ подобныхъ изслѣдованіяхъ сущность этого дѣла казалась болѣе важною, чѣмъ она показалась для тѣхъ, которые чаще имѣютъ возможность изучать подобныя дѣла. Но таковъ мой образъ мыслей и таково мое внутреннее убѣжденіе, вслѣдствіе котораго я не могъ позволить себѣ разсматривать это обстоятельство легче и снисходительнѣе того, какъ разсматривалъ. Совѣсть и долгъ службы мнѣ того не позволяли, а, сверхъ того, я и самъ отецъ трехъ сыновей.

12) Впрочемъ, едва ли не эта самая неоффиціальность и была главною причиною, что глубокая тайна была схоронена впродолженіе столь долгаго времени, что при оффиціальномъ дѣйствіи, какъ бы оно секретно ни производилось, соблюсти было бы невозможно, въ особенности, когда размѣръ собиранія свѣдѣній обнималъ такъ много лицъ.

13) Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, весьма примѣчательно, что всевозможныя зловредныя сочиненія нынѣшней западной пропаганды продавались у насъ въ книжныхъ лавкахъ безнаказанно и разсылались по всему пространству государства. Случай доставилъ мнѣ поводъ учредить наблюденіе за однимъ только книгопродавцемъ (Лури), и у него найдено 2,500 томовъ подобныхъ книгъ, и гдѣ? просто на полкахъ въ магазинѣ! Изъ корреспонденціи же его и изъ конторскихъ книгъ, взятыхъ за десять лѣтъ, видно, что всѣ эти запрещенныя книги требовались и разсылались въ значительномъ количествѣ по всему пространству государства. И это только отъ одного книгопродавца, а сколько ихъ и гораздо значительнѣйшихъ въ одномъ С.-Петербургѣ? Изъ полученныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно, что запрещенныя книги въ провинцію высылались прямо по почтѣ изъ Риги и Дерпта. Сдѣланный тамъ обыскъ у книго-

продавцевъ равномѣрно открылъ знатное же количество таковыхъ книгъ въ ихъ магазинахъ. Утвердительно можно сказать, что едва ли не каждый изъ этихъ торговцевъ промышляетъ этимъ ядомъ, чему цензура, при существующихъ постановленіяхъ, не вправѣ противодѣйствовать! Это одно обстоятельство, по практическому моему понятію, было достаточнымъ къ *убѣжденію меня* въ послѣдствіяхъ, которыхъ должно ожидать отъ подобныхъ обстоятельныхъ ученій, кружащихъ головы многихъ даже положительныхъ людей, но, къ несчастію, подчинившихся безотчетному фанатизму, что будто бы невозможно противостать духу времени,—плодъ, въ моемъ, можетъ быть, и ложномъ мнѣніи, малодушія, которое было единственнымъ поводомъ всѣхъ послѣднихъ безпорядковъ въ Европѣ.

14) Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятіе, что всякій заговоръ раждается въ головѣ одного или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ то же весьма немногихъ. Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны; имъ нужна *физическая сила*, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ. При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать *разными путями* и всегда *пропагандою* возбуждать всѣ классы къ негодованію на правительство, на существующій порядокъ вещей, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду; и такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобъ произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидя, что принимаетъ характеръ серіозный, согласно съ тою степенью, которую тщеславіе ихъ себѣ предначертало. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствіе свое стремленіемъ ввести будто бы порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же подъ рукой произведенной и раздуваемой; и такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. И такъ сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями *физическая сила*, которую составляетъ низшій классъ въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлію грабежа, наживы, личнаго мщенія и даже съ одною мыслію воспользоваться и насладиться хотя минутнымъ только безпочтеніемъ. По принятому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному, правилу настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ кровопролитіи, оставляются ненаказанными, хотя они и были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами. — Ихъ извиняютъ тѣмъ, что они завлекали другихъ — сами бывъ увлечены ложными убѣжденіями, фанатизмомъ молодости, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посѣянію въ массахъ вредныхъ сѣмянъ, которыя рано или поздно неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ? Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разгонять всѣми мѣрами скопляющуюся грозу, прежде чѣмъ она успѣетъ разразиться, есть единственное средство отвратить пагубныя ея послѣдствія. Этому-то убѣжденію слѣдуя, я почиталъ себя въ обязанности слѣдить всѣ нити порученнаго моему наблюденію дѣла, какъ бы онѣ при первомъ взглядѣ ни представлялись ничтожными и незаслуживающими вниманія, ибо только эти нити, взятыя всѣ вмѣстѣ,

по моему мнѣнію, могли довести если не до самаго источника зла, то, по крайней мѣрѣ, близко къ оному.

15) Въ этихъ случаяхъ я полагаю, что казнь за политическія преступленія оставляетъ всегда неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ. — Далѣе я молчу [1]).

ПРИЛОЖЕНІЯ [2]).

(Совершенно секретно).

Списокъ лицамъ, посѣщавшимъ съ 11-го марта 1849 года собранія Петрашевскаго по пятницамъ.

20-го апрѣля 1849 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Ястржембскій.
2. Кашкинъ.
3. Толь.
4. Болоссогду.
5. Головинскій.
6. Дуровъ.
7. Кузьминъ.
8. Кузьминъ.
9. Кайдановъ.
10. Кропотовъ.
11. Львовъ.
12. Плещеевъ.
13. Серебряковъ.
14. Тимковскій.
15. Филипповъ.
16. Ахшарумовъ.
17. Бернардскій.
18. Десбутъ 1 [3]).
19. Десбутъ 2 [3]).
20. Дѣевъ.
21. Григорьевъ.
22. Модерскій.
23. Михайловъ.
24. Момбели.
25. Ольдекопъ.
26. Сѣшневъ.
27. Чириковъ.
28. Берестовъ.
29. Щелковъ.
30. Пальмъ.
31. Достоевскій.
32. Достоевскій.
33. Ламанскій.
34. Антонелли.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Ястржембскій, Иванъ Фердинандъ Львовичъ. Учитель Технологическаго Института, 1-го кадетскаго корпуса и корпуса путей сообщенія. Ястржембскій Осипъ, недавно пріѣхавшій изъ Вильны, и еще братъ, подполковникъ путей сообщенія, бывшій учитель математики, нынѣ куда-то выѣхавшій.	

Примѣчаніе. 11-го и 18-го марта и 8-го апрѣля былъ на собраніяхъ.

11-го марта онъ разсуждалъ о рѣчи Толя и говорилъ краснорѣчиво (см. № 10).

18-го марта Ястржембскій говорилъ рѣчь и раздѣлялъ науки на 3 класса: *естественныя, философскія* и *политическія;* къ этимъ послѣднимъ онъ относилъ и *статистику*, называя ее *общественною, соціальною наукою* и пр. Богословіе

---

[1]) Напеч. въ „Рус. Старинѣ“ 1872, іюль, стр. 70 — 86 и „Полярной Звѣздѣ“ (VII, 26 — 90). Мы даемъ сводный текстъ.

[2]) На нихъ ссылается Липранди въ своей запискѣ; приложенія эти напечатаны нами почти цѣликомъ. Подчеркнутыя слова отмѣчалъ Липранди.

(Прим. „Полярной Звѣзды“).

[3]) Дебу.

онъ опредѣлялъ не наукою, а какими-то бреднями и пр. Потомъ предложилъ себѣ
просъ: „что такое идея и *понятія?*“ Вопросъ этотъ онъ развивалъ пространно, мес
прочимъ замѣтилъ, что „Россійское государство имѣетъ цѣлію подчинить достоинство всѣ
людей, его составляющихъ, выгодѣ и пользѣ одного“, и заключилъ рѣчь свою такъ: „В
науки, въ особенности статистика, показываютъ прямо на *соціальное правленіе, какъ*
наилучшее“. Въ рѣчи этой онъ часто ссылался на Прудона, и въ нѣкоторыхъ мѣста
не соглашался съ нимъ въ составѣ общества, которыя въ понятіи Ястржембскаго бы
очень ограничены. Вообще рѣчь его была усѣяна солью на здѣшнее *чиноманіе*,
чины возвышенныхъ классовъ, на государя, котораго онъ называлъ *богды-ханомъ*,
вообще на все административное и т. д. (см. № 12).

18-го апрѣля, между прочимъ, Ястржембскій, разбирая сочиненія *Фурье*, выражал
съ громкою похвалою; *Прудона* хвалилъ и находилъ тѣ же недостатки, что и въ
Ламартина разбиралъ съ самой дурной стороны и пр. Потомъ выразился такъ: „ч
онъ полякъ душей и тѣломъ, что за свободу Польши готовъ позволить выпустить се
всю кровь по каплѣ, но еслибы былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вред
развитію *общечеловѣческой идеи*, то онъ первый бы однимъ взмахомъ топора отр
билъ ей голову“. Потомъ старался убѣдить присутствовавшихъ, что „*простой наро*
принципомъ зла непремѣнно понимаетъ государя“. Усиливался доказать э
разговоромъ своимъ съ извозчикомъ, котораго научилъ не платить господамъ подать,
какъ будутъ требовать, то давать имъ колотушку, и заключилъ этотъ разговоръ с
извозчикомъ такъ: „вотъ видишь, нѣмцы нехристи, да не берутъ оброка; какъ а
православные-то дерутъ съ васъ, мужиковъ?“ Приводя тутъ отвѣтъ извозчика, сказа
шаго, что „хотѣли было ихъ освободить, да государь не захотѣлъ“,—выводилъ, что он
Ястржембскій, былъ въ сношеніи съ *польскими*, *малороссійскими* и *бѣлорусскими*
мужиками, что у всѣхъ ихъ одинъ и тотъ же взглядъ, т.-е. что *принципъ зла он*
видятъ въ царѣ; ему возражали частію на это (см. № 27); о немъ, какъ о близк
знакомомъ Петрашевскому, имѣлись уже и прежде свѣдѣнія.

15-го апрѣля былъ на собраніи и при прочтеніи письма *Бѣлинскаго* выражал
часто восторгъ, приговаривая: „отто-такъ, отто-такъ“ и пр. (см. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Кашкинъ. Въ Азіатскомъ департаментѣ.	Московской части, ...квартала, против Владимирской церкви, въ домѣ Берхман

Примѣчаніе. 8-го апрѣля былъ на собраніи. Принималъ живое участіе въ преніи
а 7-го апрѣля, въ четвергъ, обѣдалъ съ Петрашевскимъ у Нагорнаго, *фурьериста* (sic)
дѣлавшаго обѣдъ въ честь *Фурье* (см. № 27). Кашкинъ находился въ высшемъ обще
ствѣ, получилъ образованіе въ лицеѣ, и чрезвычайно свободныхъ мнѣній.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Толь, Феликсъ Густавовичъ. Учитель рус- ской словесности въ главномъ инженер- номъ училищѣ, а въ школѣ кантонистовъ преподаетъ исторію.	1. Адмиралтейской части, 2 квартала, н углу Гороховой и Большой Морской, в домѣ Штрауха, въ отелѣ Боса.

Примѣчаніе. 11-го, 18-го и 25-го марта и 1-го апрѣля былъ на собраніяхъ
11-го марта онъ говорилъ рѣчь по предложенному вопросу: „*нужна ли религія*

въ соціальномъ смыслѣ?“ Разбирая подробно этотъ предметъ въ пользу соціализма, онъ заключилъ, что „фиктивная (sic) религія, дѣйствуя на мораль человѣка, не только не нужна въ соціальномъ смыслѣ, но даже вредна, потому что она подавляетъ развитіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному его убѣжденію, а по чувству страха и наказанія, слѣдственно: *она убиваетъ нравственность*“. Нѣкоторые дѣлали замѣчанія, а Петрашевскій защищалъ мнѣніе Толя, но признавалъ только, вопреки Толю, *возможность убѣжденія*, и заслужилъ общее одобреніе (см. № 10).

25-го марта Толь, между другими преніями, читалъ свою статью о *религіи* въ томъ же духѣ. Диссертація эта породила много жаркихъ споровъ (см. № 16).

Толь разсказывалъ объ одномъ настоятелѣ воронежскаго монастыря Колесниковѣ, раздѣляющемъ ихъ мнѣнія; разсказъ этотъ пространенъ (см. № 17); о *славянофилахъ* Толь говорилъ, „что общество ихъ основано на глупѣйшихъ началахъ, потому что отвергаетъ заслуги *Петра В.*, говоря, что онъ отнялъ у русскихъ бороды и кафтаны, вмѣстѣ съ этимъ отнялъ у нихъ и національность. Общество это стремится къ соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ вмѣстѣ, къ составленію отдѣльнаго совершенно *не общеевропейскаго, но особеннаго славянскаго элемента*. Правительство же преслѣдуетъ это общество за то, что оно въ этомъ смыслѣ не *ортодоксально*, что думаетъ *завести правленіе въ родѣ древне-новгородскаго, съ его вѣчемъ и посадниками*“. Толь сожалѣетъ, „что общество это включаетъ въ себѣ людей очень образованныхъ и ученыхъ, которые бы въ другомъ направленіи могли принести великую пользу. Общество это, по его словамъ, *разсѣяно по всѣмъ уголкамъ Европы, и представителемъ онаго есть Мицкевичъ* (см. № 17). Описывалъ характеръ Дурова и Черносвитова; говорилъ, что посѣщаетъ собранія Плещеева. Говорилъ, что, читая исторію кантонистамъ, ему нужно было развертывать идеи, но что онъ представилъ проектъ барону Зедлеру о новой программѣ, которую думаетъ, что утвердятъ, и тогда онъ будетъ читать исторію не по самой ортодоксальной книгѣ, а будетъ разсказывать ее сообразно съ планомъ общества“. Говорилъ, что „лица, которымъ ввѣрена власть присмотра за воспитаніемъ, всѣ, по большей части, дураки и поступками своими приносятъ пользу не правительству, а нашимъ же идеямъ, вооружая молодыхъ людей противу себя и глупыхъ уставовъ, ими же самими составленныхъ“. Особенно онъ нападалъ на *ген.-ад. Ростовцова*, называя его скотомъ и пр. Говорилъ, что „общество ихъ много хлопотало, чтобъ ввести въ собранія Петрашевскаго нѣсколько умныхъ женщинъ, которыми, по мнѣнію Толя и Петрашевскаго, идеи скорѣй расходятся и присвоиваются“, и пр. (см. № 17). Толь говорилъ, что Кропотовъ представлялъ въ общество Петрашевскаго Толя (не родственника этому), двоюроднаго брата графа Толя. Оба Толя были различныхъ мнѣній насчетъ Остзейскихъ губерній. Толь 2-ой утверждалъ, что высшее правительство поступаетъ тамъ слабо, а Толь 1-ый утверждалъ противное, присовокупивъ, что былъ бы очень радъ видѣть тамъ даже какое-нибудь движеніе,“ потому что это движеніе было бы полезно и для Россіи, давъ ей въ нѣкоторомъ смыслѣ толчокъ“. Толь 2-ой опровергалъ возможность отголоска „возмущенія Остзейскихъ губерній въ Россіи“. Толь 1-ый доказывалъ ему это тѣмъ, что „всѣ высшія должности въ Россіи, какъ военныя, такъ и гражданскія, ввѣрены дворянамъ Остзейскихъ губерній; слѣдовательно, еслибы тамъ что произошло, то для поддержки своего отечества, вѣроятно, всѣ эти лица страшились бы затѣять что-нибудь подобное и въ Россіи“, и пр. (см. № 22).

Изъ разсказовъ Толя видно, что это человѣкъ, который много жилъ, много кутилъ, много игралъ, однимъ словомъ, много дѣлалъ глупостей, которыя, какъ слѣдуетъ, и не обходились ему даромъ, а потому онъ и говоритъ о себѣ, что „много страдалъ, много перенесъ ударовъ судьбы, силы его истощились, свѣтъ и люди надоѣли, что онъ ни во что не вѣруетъ, готовъ на все, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы поскорѣе прервалась нить, привязывающая его къ жизни (отецъ и мать), а потомъ пулю въ лобъ— и все кончено“ (см. № 10). Я смѣю думать, что, взявшись за него ловко, сколько я могъ его постигнуть, онъ будетъ сознателенъ. 16 апрѣля былъ на собраніи у Кузьмина.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Болоссоглу, Александръ Пантелеймоновичъ. Надворный совѣтникъ, въ Азіатскомъ департаментѣ.	1 части, 4 кварт., въ домѣ Музея графа Румянцова, № 229/46.

Примѣчаніе. 11, 18 и 25 марта и 1 апрѣля былъ на собраніяхъ Петрашевскаго. 25 марта онъ принималъ участіе въ преніяхъ о мѣрахъ, какія должно предпринять, чтобы вооружить народъ, служащихъ и т. д. противъ начальства, читалъ предисловіе ко вновь изданнымъ сочиненіямъ *Хмельницкаго*, сочиненіе Дурова, указывая на многія либеральныя идеи и пр. (см. № 16). 15 апрѣля былъ на собраніи и, при чтеніи письма *Бѣлинскаго*, приходилъ отъ восторга въ изступленіе (№ 31). Вообще онъ не только принималъ участіе въ преніяхъ всѣхъ собраній, но при вторичномъ чтеніи рѣчи Толя о *религіи* говорилъ рѣчь и пр. Общая черта заключается въ томъ, какъ и у многихъ другихъ, что „признаетъ *религію не нужною для благосостоянія человѣчества*“ (№ 31). 16 апрѣля былъ на собраніи у Кузьмина.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Головинскій, Василій Андреевичъ. Титулярный совѣтникъ, въ 3 департ. правительст. сената.	Васильевской части, 5 квартала, въ домѣ княгини Голицыной.

Примѣчаніе. 1 апрѣля былъ на собраніи и возражалъ на рѣчь Петрашевскаго въ самыхъ зловредныхъ выраженіяхъ; излагалъ планъ, которымъ вѣрнѣе можно достигнуть до разрушенія настоящаго порядка вещей, и вообще отличался краснорѣчіемъ, дерзостію выраженій и самымъ зловреднымъ духомъ, разбирая три главные вопроса: *освобожденіе крестьянъ, свободу книгопечатанія и преобразованіе судопроизводства;* имѣетъ надежду скоро быть профессоромъ училища *правовѣдѣнія*, гдѣ и учился, и предварительно на время ѣдетъ стряпчимъ въ Казань. Направленіе его чисто *противо-административное* (см. № 21). Это было замѣчено еще прежде и о другихъ *правовѣдахъ*. 15 апрѣля былъ на собраніи, принималъ сторону Петрашевскаго о *главныхъ трехъ вопросахъ;* читалъ указъ 1841 года; говорилъ, *что болѣе прочихъ противенъ освобожденію крестьянъ графъ Панинъ;* сказалъ, что въ слѣдующія двѣ пятницы предполагаетъ сказать о *законной возможности крестьянъ требовать освобожденія*, и пр. (№ 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Дуровъ, Сергѣй Федоровичъ. Отставной коллежскій асс. Литераторъ.	Московск. части, 4 квартала, въ домѣ Ефимова, № 471/64.

Примѣчаніе. 11, 18, 25 марта и 1 апрѣля былъ на собраніяхъ. 25 марта онъ

принималъ живое участіе въ преніи о средствахъ вооружить народъ и подчиненныхъ противъ властей, утверждая, что „должно показывать зло въ самомъ его началѣ — *законъ и государь*“, и пр. Въ это же засѣданіе Петрашевскій благодарилъ Дурова за предисловіе къ сочиненіямъ Хмельницкаго — все общество рукоплескало. Дуровъ жаловался, что цензура многое не пропустила, но Петрашевскій прибавилъ: „всѣ должны стараться писать въ подобномъ духѣ, потому что хотя цензура вымаретъ десять, двадцать мыслей и идей, но хотя пять, да все-таки останутся“ (см. № 16). Характеръ Дурова, по засвидѣтельствованію Толя, изложенъ въ №№ 17 и 21, гдѣ говорится о собраніяхъ у Плещеева. 15 апрѣля былъ на собраніи (№ 32). Дуровъ былъ уже извѣстенъ давно, какъ знакомый Петрашевскаго (№ 1).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Кузьминъ, Павелъ Алексѣевичъ. Штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба.	Васильевск. части, 2 кварт. въ 11 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ домѣ Траншеля, въ кварт. учителя исторіи Бѣлецкаго.

Примѣчаніе. 1 апрѣля, на другой день возвращенія изъ командировки, былъ на собраніи, а 8 апрѣля ввелъ еще своего брата, служившаго въ 15-мъ флотскомъ экипажѣ и около 1842 года вышедшаго въ отставку. 1 апрѣля принималъ участіе въ преніи о трехъ главныхъ вопросахъ: *освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, свободное книгопечатаніе и преобразованіе судопроизводства*, и пр. (См. № 21). 8 апрѣля тоже входилъ въ подобныя пренія. (См. № 27). 15 апрѣля былъ на собраніи, приглашалъ къ себѣ въ субботу 16 числа на собраніе, сказавъ, что у него „между прочими людьми либеральными будетъ одинъ пожилой, который всю нашу іерархію держитъ въ рукахъ и который, будучи еще въ гимназіи, говорилъ, что съ нетерпѣніемъ ждетъ минуты, когда получитъ власть, чтобъ перевернуть все на свой ладъ“, и пр. У него 16 апрѣля было собраніе изъ многихъ новыхъ лицъ. (См. № 32).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Кузьминъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Отставной офицеръ 15-го экипажа.	Въ гостинницѣ Кулонъ, № 38.

Примѣчаніе. 8 апрѣля представленъ въ первый разъ въ собраніе Петрашевскаго съ братомъ своимъ и принималъ участіе въ преніи. (См. № 27).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Кайдановъ, Николай Ивановичъ 9, класса. Воспитывался въ Лицеѣ.	Васильевск. части, 2 квартала, въ домѣ Ростовцова № 177/25.

Примѣчаніе. 18 и 25 марта былъ на собраніяхъ. Въ послѣдній день онъ принималъ вмѣстѣ съ другими участіе въ преніи о средствахъ вооружить народъ и подчиненныхъ противъ властей. (См. № 16). 15 апрѣля былъ на собраніи. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Кропотовъ, Дмитрій Андреевичъ, поручикъ 1-го кадетскаго корпуса.	Въ зданіи этого корпуса.

Примѣчаніе. 1 апрѣля былъ на собраніи и прежде посѣщалъ оныя. Онъ-же прежде вводилъ и другихъ лицъ на это собраніе. (См. № 22).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Львовъ, Петръ Сергѣевичъ. Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.	Нарвской части, 1 кварт., въ домѣ Моховой, № 147.

Примѣчаніе. 11, 18 и 25 марта былъ на собраніяхъ. Онъ хотя самъ въ это время и не говорилъ особенныхъ рѣчей, но принималъ живое участіе въ преніяхъ на всѣхъ вечерахъ и много говорилъ. 15 апрѣля былъ также на собраніи. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Плещеевъ.	. . . . .

Примѣчаніе. 25 марта былъ на собраніи. (См. № 16). (См. № 17 и 21). У него бываютъ также собранія, но дней для сего особенныхъ не назначено.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Серебряковъ, Николай Алексѣевичъ. Коллежскій секретарь въ департ. податей и сборовъ по гербовому казначейству. Изъ московскихъ студент.	4 части, 5 кварт., на Фонтанкѣ, въ домѣ барона Кистера, въ кварт. мѣщанина Максимова.

Примѣчаніе. 25 марта былъ на собраніи. (См. № 16). По прежнимъ свѣдѣніямъ съ марта 1848 г. извѣстно, что онъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Петрашевскимъ.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Тимковскій.	. . . . .

Примѣчаніе. 25 марта былъ на собраніи. (См. № 16). 8 апрѣля также былъ. (См. № 27). Прежде еще было извѣстно, что онъ знакомъ съ Петрашевскимъ. Говоря о намѣреніи принести жалобу въ Правительствующій сенатъ на неправильное его увольненіе отъ службы, присовокупилъ, что этимъ единственно хочетъ подать примѣръ и другимъ, подобно ему отставленнымъ отъ службы, которые теряютъ вмѣстѣ съ службою и свое пропитаніе. 15 апр. былъ на собраніи (№ 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Филипповъ, Павелъ Егоровичъ.	Васильевск. части,... кварт. по 9 линіи, между Большимъ и Малымъ проспектомъ, въ д. Матисена.

Примѣчаніе. 11, 25 марта и 1 апрѣля былъ на собраніяхъ. 25 марта онъ въ преніяхъ о средствахъ вооружить народъ и подчиненныхъ противъ начальства поддерживалъ съ Кайдановымъ, Болоссоглу и пр., что „должно вооружать подчиненныхъ противъ ближайшей власти или начальства и, вооруживъ ихъ противъ нея, тогда уже показать, что самое это зло происходитъ *не отъ этой ближайшей власти*, но отъ *высшей*, и переходя, такимъ образомъ, отъ низшихъ до высшихъ, наконецъ, невольно, ощупью, довести и *до самаго начала зла*“ и пр., и пр.; далѣе Филипповъ заключилъ: „*наша система пропаганды есть наилучшая, и отступать отъ нея значитъ отступать отъ возможности исполненія нашихъ идей*“. (См. № 16). 15 апрѣля былъ на собраніи; ему принадлежитъ читанное въ этотъ вечеръ письмо *Бѣлинскаго*, и пр. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Ахшарумовъ. Въ институтѣ Восточныхъ языковъ.	Въ Большой Морской, въ домѣ мин. иностр. дѣлъ, гдѣ помѣщается инст. Восточ. языковъ, возлѣ дома оберъ-полиц.; институтъ помѣщается на Канаву.

Примѣчаніе. 25 марта въ пятницу былъ на собраніи: онъ былъ прежде въ здѣшнемъ университетѣ вольнослушателемъ, а теперь въ институтѣ восточныхъ языковъ. 15-го апрѣля былъ на собраніи и послѣ Петрашевскаго говорилъ, что вопросы о *судопроизводствѣ* и объ *освобожденіи крестьянъ* должны разрѣшаться въ одинъ и тотъ же день и пр. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Бернардскій Евстафій. Художникъ.	1 части, 4 квартала, въ домѣ музея гр. Румянцова, № 229/46.

Примѣчаніе. 11-го марта и 1-го апрѣля, по пятницамъ былъ на собраніяхъ Петрашевскаго.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Десбутъ 1, Константинъ Матвеевичъ. Въ азіатскомъ департаментѣ.	Литейной части, 4 кварт., въ домѣ Голе № 12/496.

Примѣчаніе. 18-го марта былъ на собраніи Петрашевскаго.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Десбутъ 2, младшій братъ вышеупомянутаго, въ азіатскомъ департаментѣ.	Тамъ же, вмѣстѣ съ братомъ.

Примѣчаніе. 18-го марта былъ на собраніи Петрашевскаго. По собственнымъ словамъ его видно, что онъ въ понедѣльникъ, 11-го числа, вечеромъ былъ на собраніи вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ у Нагорнаго-*фурьериста* (sic). 15-го апрѣля былъ на собраніи. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Дѣевъ, Платонъ Алексѣевичъ.	4 части, 4 квартала, въ д. Петрашевскаго.

Примѣчаніе. 11-го, 18-го, 25-го марта, 1-го и 8-го апрѣля былъ на собраніяхъ. 15-го апрѣля былъ на собраніи. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Григорьевъ, Александръ Петровичъ. Офицеръ конно-гвардейск. полка.	3 части, 2 квартала, на Гороховой, въ домѣ Савостьянова.

Примѣчаніе. Посѣтитель собраній у Петрашевскаго. Принималъ участіе 1-го апрѣля на собраніи въ преніяхъ объ освобожденіи крестьянъ, излагая по сему предмету свое мнѣніе. (См. № 21 и 27).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Мадерскій. Учитель.	4 Адмиралтейской части, 4 квартала, въ домѣ Петрашевскаго.

Примѣчаніе. Былъ на всѣхъ собраніяхъ, живетъ у Петрашевскаго и во время собранія хозяйничаетъ, со включеніемъ 15-го апрѣля.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Михайловъ. До сихъ поръ нельзя было узнать о его имени и званіи. Въ № 12 сказано только:	Неизвѣстно еще.

Примѣчаніе. 18-го марта былъ на собраніи и во многомъ не соглашался съ изложеніями Ястржембскаго. (См. № 12).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Монбели, Николай Алексѣевичъ. Поручикъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка.	Въ зданіи казармы полка.

Примѣчаніе. 11-го, 18-го и 25-го марта и 1-го апрѣля былъ на собраніяхъ. Въ этотъ послѣдній день принималъ участіе въ преніяхъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. (См. № 21). И на прежнихъ собраніяхъ одинаково предлагалъ свои мнѣнія. 15-го апрѣля былъ на собраніи. (См. № 31). Не только принималъ участіе въ преніяхъ на всѣхъ собраніяхъ, но когда Толь вторично читалъ рѣчь о религіи, то Монбели говорилъ рѣчь, не соглашаясь во многомъ съ первымъ. Вообще онъ, какъ и многіе другіе, признаетъ *религію ненужною для благосостоянія человѣчества.* (№ 31). 16-го апрѣля былъ на собраніи у Кузьмина. (См. № 32).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Ольдекопъ, Карлъ Карловичъ. Коллежскій асессоръ.	2 части, 3 квартала, въ домѣ Селизаровой № 13/110.

Примѣчаніе. 1-го апрѣля былъ на собраніи.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Спѣшневъ, Николай Александровичъ. Курскій помѣщикъ.	Литейной части, 4 кварт., въ Каторжной улицѣ, въ собств. домѣ.

Примѣчаніе. 18-го марта былъ на собраніи. (См. № 12).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Чириковъ. Надворн. совѣтн., въ Коммерч. банкѣ. Чиновникъ особыхъ порученій.	4 части, 4 квартала, въ домѣ Петрашевскаго.

Примѣчаніе. 11-го, 18-го и 25-го марта и 1-го апрѣля былъ на собраніяхъ. Въ это время онъ особенныхъ рѣчей не говорилъ, но подавалъ свой голосъ въ утвержденіи мнѣній того или другого оратора. Онъ также преимущественно звонилъ въ колокольчикъ, когда нужно бывало водворить тишину, для вниманія въ словахъ оратора. (См. № 10, 12, 16 и 21). По свѣдѣніямъ марта 1848 года было уже извѣстно, что Чириковъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей собраній Петрашевскаго, въ домѣ котораго и живетъ. 15-го апрѣля былъ на собраніи, и при чтеніи письма Бѣлинскаго улыбался и *про себя что-то говорилъ.* (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Берестовъ. Онъ, по незнанію, до сего времени назывался *Дестовъ*.	. . . . .

Примѣчаніе. 11-го, 18-го и 25-го марта былъ на собраніяхъ и 25-го марта принималъ участіе въ преніяхъ о средствахъ вооружить народъ и подчиненныхъ противъ

властей, утверждая мнѣніе Филиппова и другихъ. (См. № 16). Въ прежнихъ донесеніяхъ онъ былъ именованъ *Достовъ;* нынѣ же фамилія его узнана. (См. № 31). 15-го апрѣля былъ на собраніи. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Щелковъ, Алексѣй Дмитріевичъ, коллежскій секр., въ канцеляріи с.-петербургск. военнаго генералъ-губернатора.	Московской части, 4 кварт., на Гороховой улицѣ, въ домѣ № 471/64.

Примѣчаніе. 11-го марта былъ въ собраніи. (См. № 11). Недавно получилъ наслѣдство 100,000 рублей. Въ прежнихъ донесеніяхъ онъ именовался *Шелховскій*, потому что положительно фамилію узнать было трудно. (См. № 31). 15-го апрѣля былъ на собраніи. См. тотъ же.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Пальмъ, Александръ Ивановичъ. Подпоручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.	Московской части, 4 кварт., въ домѣ Ефимова, на Гороховой.

Примѣчаніе. Былъ на собраніяхъ 11-го, 18-го и 25-го марта. Но фамиліи его до сихъ поръ нельзя было узнать. Повидимому, онъ находился въ короткихъ сношеніяхъ съ литераторомъ Достоевскимъ. (См. № 31). Фамилію же его Петрашевскій однажды упомянулъ и упомянулъ такъ, что можно было заключить, что онъ съ нимъ находится въ близкихъ сношеніяхъ, и что Пальмъ долженъ быть извѣстенъ и многимъ. (См. № 27). 15-го апрѣля былъ на собраніи. (См. № 31).

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Достоевскій, Федоръ Михайловичъ. Отставной инженеръ-поруч. Литераторъ.	1 Адмиралтейск. части, 2 квартала, на углу Малой Морской и Вознесенск. проспекта, въ домѣ Шиля, въ 3 этажѣ, въ кварт. Бремера.

Примѣчаніе. 11-го и 25-го марта и 1-го апрѣля былъ на собраніяхъ, принималъ участіе 1-го апрѣля въ превіяхъ о трехъ главныхъ вопросахъ: *свобода книгопечатанія, освобожденіе крестьянъ и преобразованіе судопроизводства*, соглашаясь съ мнѣніемъ Головинскаго. (См. № 21). 15-го апрѣля былъ на собраніи и читалъ въ засѣданіи письмо Бѣлинскаго въ отвѣтъ Гоголю; письмо это въ самыхъ дурныхъ и преступныхъ выраженіяхъ и пр. Оно принадлежитъ Филиппову. (См. № 31). По словамъ Петрашевскаго, братья Достоевскіе и Майковы разыгрываютъ первую роль въ обществѣ литераторовъ.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Достоевскій, Андрей Михайловичъ. Губернскій секретарь; въ департаментѣ разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ корпуса путей сообщ.—тоже пишетъ.	Нарвской части, 1 кварт., въ домѣ Нестерова № 19/1.

Примѣчаніе. 18-го марта былъ на собраніи. Есть еще 3-й братъ, Михайло, отставной прапорщикъ; живетъ въ Литейн. части, 3 квартала, въ домѣ Нелидова № 190. Неизвѣстно, находится ли онъ въ тайнѣ съ прочими братьями.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Ламанскій. Дознано только, что онъ сынъ служащаго у графа Вронченко, въ канцеляріи, по кредитной части.	Есть два: одинъ Павелъ Алексѣевичъ въ соб. домѣ на Петерб. сторонѣ, 3 квар тала, у Сытнаго рынка. Другой Александр Ивановичъ, коллежск. секретарь, служ. гр. Вронченко по кредитной части. Петерб части, 3 кварт., въ домѣ Абросимова

Примѣчаніе. 15-го апрѣля былъ на собраніи.

Имя, званіе и гдѣ служитъ.	Жительство.
Антонели, Петръ Дмитріев. Служитъ въ министерствѣ иностр. дѣлъ.	На углу Большой Морской и Торгов., в д. Штрауха вмѣстѣ съ Толемъ.

Примѣчаніе. Съ 11-го марта по 15-е апрѣля былъ каждую пятницу на собра ніяхъ Петрашевскаго, а 16-го у Кузьмина 1-го.

Обязательная подписка, найденная 19 мая въ бумагахъ Спѣшнева, его рукой писанная.

Совершенно секретно.

Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которы въ точности исполнять буду:

1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ — т.-е. что, по извѣщенію отъ комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и, какъ только могу, споспѣшествовать успѣху возстанія.

2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти (5) не афильировать.

3) Афильировать, т.-е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не на-обумъ, а по строгомъ соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, еслибы даже и отступились послѣ отъ меня; что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ. Вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, всѣ съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильетеру для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяцій другихъ.

Совершенно секретно.

Выдержка на удачу изъ дневника поручика Монбели.

...Служба наша такъ нелѣпо обставлена, что при самомъ искреннемъ желаніи исполнять свои обязанности добросовѣстно, при самомъ педантическомъ взглядѣ на вещи, нѣтъ никакой возможности въ точности исполнять всѣ служебныя обязанности согласно предписаніямъ; на это не достанетъ ни силъ человѣческихъ, ни здоровья, хотя бы то былъ спартанецъ или самъ Геркулесъ; служба наша въ самое короткое время разрушаетъ здоровье [1]), останавливаетъ и притупляетъ умственныя способности, истощаетъ карманъ — и все это переносишь съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы, ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена на общественныя пользы, *разумѣется, если уничтожатъ достоинство императора; въ противномъ случаѣ онъ, по обыкновенію, употребитъ все на свои прихоти, распорядится по своему..... слѣдовательно, службою не принесемъ пользы никому и вредимъ въ особенности себѣ. Деспоты, подчиняя служебную жизнь нашу такимъ дикимъ условіямъ, руководствовались своими соображеніями — деспотизмъ враждебенъ всякому умственному образованію и всякому истинному праву. Потому стараются всѣми средствами унизить обыкновенныхъ смертныхъ, еще болѣе ихъ поработить, если то еще возможно, дѣйствуя безпрерывнымъ страхомъ. Офицеръ — за неисполненіе служебныхъ обязанностей, подвергается страшнымъ взысканіямъ*, между тѣмъ какъ строго исполнять ихъ нѣтъ физической возможности: слѣдовательно, онъ безпрерывно трепещетъ отъ страха, судьба его всегда на волоскѣ; когда только захотятъ, его могутъ законно уничтожить, законно стереть съ лица земли, минуту нашествія на несчастнаго выбрать удачно не трудно, шпіоны, которыхъ въ Россіи такъ много, могутъ...

... О Россія! ради Бога, опомнись, пока еще не всѣ средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гопа и К° сравнительно съ богатствомъ Россіи еще не такъ значительны, хотя огромны — и теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи: мука вовсе не вошла въ его составъ: онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою. Хотя противникъ всякаго физическаго наказанія, но желалъ бы чадолюбиваго императора впродолженіе нѣсколькихъ недѣль посадить на пищу витебскихъ крестьянъ. Какъ странно устроенъ свѣтъ: одинъ

---

[1]) Относительно здоровья и во всемъ другомъ выгоды тирана совершенно противоположны нашимъ: напр., маневры страшнымъ образомъ разрушаютъ наше здоровье, а императоръ часто затѣваетъ маневры именно для поправленія своего здоровья; ему прописали это лѣкарство Арендтъ и другіе доктора, какъ лучшее средство для развлеченія, зная его особенную наклонность къ военнымъ экзерциціямъ; такъ и здѣсь здоровье императора укрѣпляется на счетъ разрушенія и страданія тысячъ (на нашихъ маневрахъ, когда соединится гвардейскій корпусъ и гренадерскій, думаю, что бываетъ войска до 150,000 человѣкъ).

мерзкій человѣкъ, и сколько зла онъ можетъ сдѣлать, и по какому праву? Но мои стенанія за истину и плачъ о бѣдствіяхъ рода человѣческаго, кажется, не сильнѣе гласа вопіющаго въ пустынѣ...

... Но все же мнѣ кажется, что сенатъ римскій имѣлъ болѣе основанія поднести Ромулу прозваніе „мудраго“, чѣмъ русскій сенатъ Николаю. Первый заботился объ общемъ благѣ гражданъ, второй же заботился, съ дьявольскимъ постоянствомъ, объ уничтоженіи блага подданныхъ и объ увеличеніи собственнаго своего...

... Во главѣ возраждающейся Италіи становится глава католицизма, папа Пій IX; въ 50 съ чѣмъ-то лѣтъ, съ умомъ свѣтлымъ и душою возвышенною, новый папа заботится объ успѣхахъ цивилизаціи. Намѣстникъ св. Петра, непремѣнный защитникъ и распространитель предразсудковъ, главная опора деспотизма и всякихъ несправедливостей, вдругъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, страдавшихъ подъ ультра-деспотизмомъ, вводитъ новыя постановленія, конституціонное правленіе, и за руководство беретъ кодексъ Наполеоновъ. Да здравствуетъ новый папа, дай Богъ ему много лѣтъ! Вліяніе папы не ограничивается одною Италіею, оно распространяется на весь католическій міръ; въ Европѣ же при 250 милліонахъ жителей слишкомъ 100 милліоновъ католиковъ. Глава католицизма пренебрегаетъ заманчивостію самодержавія, вводитъ конституцію и принимаетъ дѣятельное участіе въ прогрессіи развитія идей; чѣмъ всѣ теперь австрійскіе католики объяснятъ и оправдаютъ свое безчувственное раболѣпство? Съ другой стороны, въ случаѣ сознанія австрійскими подданными своихъ правъ, какая опора на Пиринейскомъ полуостровѣ? Вліяніе Франціи неоспоримо; большая часть мелкихъ германскихъ государствъ сочувствуетъ идеямъ Франціи и ждетъ только удобнаго случая, чтобы освободиться отъ незаконнаго притѣсненія и основать господство правды. Пруссія усвоила основныя идеи Франціи и развиваетъ ихъ по-своему: въ ней право гражданской свободы, нравственное передъ закономъ, скоро восторжествуетъ надъ притѣсненіемъ и беззаконностію...

... Начавшійся споръ Турціи съ Пруссіею, при малѣйшей неосторожности со стороны первой, подастъ поводъ Россіи къ вмѣшательству, и вмѣстѣ, слѣдовательно, приблизитъ къ разрѣшенію труднѣйшей задачи новѣйшаго времени: что перевѣситъ: звено зла или начало добра, т.-е. деспотизмъ или гражданство свободы...

... Но зачѣмъ допускать дурныя мысли, хочу вѣрить хорошимъ, отдаю преимущество нравственнымъ... *)

... То государство часть здѣсь, за исключеніемъ злоупотребленій, дѣйствительно обезпечиваетъ права каждаго; но самое то право большинства такого рода, что обезпеченіе ихъ уже предполагаетъ угнетеніе въ пользу меньшинства и храненія правъ котораго на самой сущности дѣла есть уже злоупотребленіе; здѣсь при поддержаніи государственной связи каждый старается различными путями, простыми и косвенными, увеличить благосостояніе членовъ своего семейства во вредъ другихъ членовъ государства; но цивилизація не дремлетъ, понемногу просвѣщеніе распространяется, рядъ революцій измѣняетъ, улучшаетъ государственное устройство, союзъ семействъ падаетъ, провозглашается равенство правъ; уже цѣлое государство составляетъ одно семейство, члены государства, братья, сближаются...

---

*) Пропуски находятся въ оригиналѣ. Вѣроятно, и неясности текста принадлежатъ Ливанди и его „образованному агенту“. *(Прим. „Полярной Звѣзды“).*

Что видимъ мы въ Россіи? Десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнію, лишены правъ человѣческихъ—или ради плебейскаго происхожденія, или ради ничтожности общественнаго положенія своего, или по недостатку средствъ существованія; зато въ то же время небольшая каста привилегированныхъ счастливцевъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ изъисканій—тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью.

Совершенно секретно.

Письмо Плещеева къ Дурову.

Сергѣй Ѳедоровичъ. Москва. 20-го марта 1849 года.

Исполняю обѣщаніе свое и шлю къ вамъ эпистолу. Я уже написалъ разъ Ѳ. М. Достоевскому, не знаю, дошло ли до него мое письмо, а если дошло, то говорилъ ли онъ вамъ о немъ и передалъ ли отъ меня поклонъ всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ, собирающимся у васъ по субботамъ. Я еще не получалъ отвѣта, и мнѣ это очень досадно, потому что слова хорошаго человѣка и еще пріятеля были бы для меня здѣсь большой отрадой. А, впрочемъ, можетъ быть, я самъ писалъ слишкомъ недавно. Время идетъ здѣсь такъ вяло, такъ медленно, что мнѣ *кажется*, будто я скучаю, скажете вы... Трудно отвѣчать на это положительно; я и самъ хорошенько не знаю. Веду я жизнь такую же, какъ и въ Петербургѣ, такъ же нашелъ здѣсь *хорошихъ людей, раздѣляющихъ мой образъ мыслей*, вѣжливо и даже ласково принимающихъ меня къ себѣ, но все чего-то недостаетъ мнѣ. Все, этотъ городъ, огромный и людный, кажется мнѣ чѣмъ-то дикимъ съ своими нелѣпыми разстояніями, съ своимъ безконечнымъ мѣднымъ гуломъ, и какъ-то ужасно скучно становится, когда пойдешь бродить по его подлымъ тротуарамъ, на которыхъ можно каждую минуту споткнуться и расквасить себѣ носъ. Все чувствую я себя такъ не на мѣстѣ, въ этихъ *кружкахъ*, съ *которыми, кажется, я симпатизирую понятіями*. Хочется чего-то еще.... и это что-то—есть, кажется, дружескій, откровенный разговоръ, въ которомъ пища не одному уму, но и сердцу. А онъ возможенъ только съ людьми, которыхъ я хорошо знаю, и которые меня знаютъ вдоль и поперекъ, слѣдовательно, возможенъ только въ Петербургѣ. Да, господа, иногда мучитъ меня здѣсь хандра неотступная. Плакать хочется. Назовите это, какъ хотите, романтизмомъ что ли, благо уже это слово въ модѣ, сантиментальностію, глупостью, пожалуй, мнѣ все равно, только мнѣ жаль всего—и людей, и улицъ, и мерзкой петербургской погоды, и Невскаго проспекта, и кондитерской Иванова, гдѣ получаются каждый день газеты, гдѣ я имѣлъ безконечный кредитъ и отъ которой я жилъ въ двухъ шагахъ, а здѣсь долженъ пройти верстъ пять, если не больше, затѣмъ, чтобъ узнать, что „нынче не приходили газеты“. Ужасно хочется поскорѣй назадъ. А когда я вернусь, не знаю. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Очень бы желалъ выѣхать отсюда хоть въ половинѣ апрѣля; нѣтъ ничего въ свѣтѣ несноснѣе такъ называемыхъ домашнихъ обстоятельствъ.

Одно могло бы меня нѣсколько развлечь въ Москвѣ, это женское общество. Но я еще съ пріѣзда не видалъ женскаго лица (если я говорю „женскаго“, разумѣю, во-первыхъ—молодое, а во-вторыхъ—не бл...ское). Знакомые, которые женаты, не показываютъ своихъ женъ; должно быть, или слишкомъ хороши, или, напротивъ, только для

домашняго обихода годятся; а, можетъ быть, и сами они не хотятъ показываться, имѣя больше склонности къ холопской жизни. Кто ихъ знаетъ! только все одни мужскія лица, право, надоѣдятъ. Даже на улицѣ женщины рѣдко попадаются; чортъ знаетъ, отчего. Одинъ старыя салопницы шмыгаютъ къ вечернѣ да къ всенощной. Уличной, будничной жизни несравненно меньше, чѣмъ въ Петербургѣ. Видно, что здѣсь любятъ развратничать тайно, келейнымъ образомъ. Московская скандалезная хроника обильна грязными исторіями, совершающимися въ нѣдрахъ частныхъ семействъ; есть и романтическія исторіи; не хотите ли я вамъ разскажу двѣ, которыя теперь ходятъ по Москвѣ и дѣлаютъ страшный скандалъ.

Исторія первая. Есть здѣсь гвардіи полковница Н. Н., которая была страшная богачка, но прожила все имѣніе на монаховъ. Теперь кредиторы потребовали, чтобъ ее посадили въ яму, и внесли, какъ водится, кормовыя деньги; въ яму полковница идти никакъ не хотѣла; ее однако же привезли какъ-то обманомъ, увѣривъ, что везутъ въ надворный судъ. Когда она увидѣла, что это не судъ, а яма, то, вылѣзши изъ кареты, сѣла на снѣгъ и начала кричать: *„не пойду!“* Призвали будочника и казаковъ. Полковница рвется, казаки тащатъ. Дворянство здѣшнее просто внѣ себя отъ негодованія, а въ клубѣ то и дѣло толкуютъ объ этомъ—зачѣмъ вишь привели будочниковъ, а не коллежскихъ ассесоровъ какихъ-нибудь. Но это же гуманное дворянство нисколько не негодуетъ на то, что, напримѣръ, одинъ изъ ихъ сословія завелъ у себя въ деревнѣ гаремъ и изнасильничалъ одну дѣвушку въ глазахъ ея отца и матери. Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, Закревскій хорошо поступилъ, хоть и нарушилъ право, т.-е. наказалъ безъ суда, непосредственно, отпустивъ тотчасъ же на волю весь гаремъ, отдавъ барина подъ строжайшій надзоръ полиціи. Баринъ этотъ нѣкто Смирновъ.

Но всѣ эти исторійки ничего; а вотъ что особенно интересно, а главное оригинально. Одинъ гусаръ офицеръ волочился за женой красильщика. Мужъ, возвратясь однажды изъ клуба ранѣе обыкновеннаго, застаетъ его у себя пьющаго чай съ его женой и облаченнаго въ его халатъ; красильщикъ не отвѣчалъ ни слова на сказку, выдуманную офицеромъ для истолкованія такого пассажа, и самъ присоединился къ чаю. Часа два спустя красильщикъ зоветъ офицера посмотрѣть его фабрику. Офицеръ, обрадованный, что мужъ ничего не подозрѣваетъ, согласился. Въ красильной въ это время стоялъ огромный чанъ съ синей краской, на изобрѣтеніе которой красильщикъ только что получилъ привилегію. Когда они подошли къ чану, оскорбленный супругъ схватилъ офицера за шею и трижды окунулъ его лицомъ въ краску. По окончаніи этого процесса офицеръ былъ совершенно *небесный*. „Ну, давайте, я васъ вытру“, сказалъ, разсмѣявшись красильщикъ и, помочивъ тряпку въ какую-то жидкость, стоявшую на окнѣ въ мискѣ, сталъ вытирать ею лицо офицера. Но это была не вода, а такой составъ, послѣ котораго краска ужъ не могла никогда сойти. Офицеръ въ отчаяніи бросился въ клинику, но что ни дѣлали доктора, все напрасно. Призвали красильщика, онъ отвѣчалъ, что получилъ привилегію и не откроетъ своего секрета никому; но что перекрасить въ черную краску можетъ. Теперь бѣдный офицеръ лежитъ, облѣпленный шпанскими мухами и не имѣя довольно денегъ, чтобы заплатить красильщику за открытіе секрета. Красильщикъ—французскій подданный, и наказать его нельзя. Не правда ли, славная исторія? Напоминаетъ Гоголевскаго поручика Пирогова, съ которымъ Шиллеръ и Лессингъ такъ же распорядились домашнимъ образомъ. Этотъ фактъ составляетъ предметъ разговоровъ, куда ни приди. Но довольно и сплетнямъ. Поживи съ сплетниками, самъ сдѣ-

лается такимъ. Отъ сплетниковъ перехожу къ умнымъ людямъ. Ихъ здѣсь много. Всѣ они, какъ выразился кто-то, лежатъ за общее дѣло. Впрочемъ, есть и такіе, которые *дѣлаютъ*. Къ этимъ людямъ отнесу Грановскаго и Кудрявцева, профессоровъ исторіи въ университетѣ; они оба превосходно читаютъ и имѣютъ большое вліяніе на студентовъ. Они обходятся съ студентами, какъ съ равными себѣ, зовутъ ихъ на домъ, даютъ имъ книги и вообще стараются развить въ нихъ хорошія сѣмена. Я всю эту недѣлю ходилъ къ нимъ на лекціи и попалъ очень счастливо, на интересные эпизоды, составлявшіе нѣчто цѣлое; я буду имѣть, вѣроятно, ихъ записки. Соловьевъ также очень дѣльный профессоръ, читаетъ теперь эпоху Петра, что было для меня также весьма любопытно; но онъ не любимъ студентами и считается гордымъ. Съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ я познакомился и былъ у нихъ. Грановскій—человѣкъ чрезвычайно живой, энергическій, бойкій, вѣчно держащій оппозицію здѣшнему университетскому начальству, которое до того подло и гнусно, что трудно вообразить себѣ. Попечитель Голохвастовъ ненавидимъ всѣми. Чтобы показать вамъ, что это за человѣкъ, приведу вамъ одинъ фактъ: на-дняхъ онъ не удостоилъ учительскаго званія одного молодого человѣка, прекрасно выдержавшаго экзаменъ, за то, что онъ по метрическому свидѣтельству оказался сыномъ дворовой дѣвки!?

Для двора будетъ здѣсь маскарадъ, въ которомъ всѣ аристократы, такъ называемые, будутъ изображать разныя историческія лица и города русскіе. Мнѣ очень жаль, что я продалъ свой овчинный дубленый тулупъ; можетъ быть, меня взяли бы изображать городъ *Клинъ* или *Вышній Волочокъ*.

О московскомъ обществѣ можно замѣтить, что здѣсь гораздо больше начитанныхъ и правильно смотрящихъ на вещи людей, чѣмъ въ Петербургѣ. Славянофильство имѣетъ весьма ограниченный кругъ прозелитовъ. Ихъ свѣтила: 1) Хомяковъ, которому по дару болтать не сыщется подобный на всей Руси. Человѣкъ безъ серьезныхъ убѣжденій, какъ говорятъ, но очень образованный, очень умный, умѣющій заставить себя слушать. Типъ энциклопедиста. 2) Аксаковъ, фанатикъ, ходитъ съ бородою по колѣно, какъ царь Берендей; носитъ зипунъ, штаны въ сапоги и ходитъ въ церковь едва ли не каждый день. Считаетъ все грѣхомъ, и театры, и литературу; отца онъ также обратилъ, и отецъ въ такомъ же платьѣ ходитъ. 3) Самаринъ, о немъ извѣстно. Рукописная литература въ Москвѣ въ большомъ ходу. Теперь всѣ восхищаются письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, піеской Искандера „Передъ грозой“ и комедіею Тургенева „Нахлѣбникъ“. Все это вы, вѣроятно, будете читать. Передайте Милюкову, что нетерпѣливо жду того, что онъ обѣщалъ мнѣ; чѣмъ скорѣе онъ пришлетъ, тѣмъ лучше. Не ѣдетъ ли сюда скоро нашъ общій знакомый, Головинскій? Онъ ему можетъ поручить это. Здѣсь есть люди, сочувствующіе нашимъ мыслямъ о способахъ дѣятельности. Даже говоруны здѣшніе, любящіе въ клубѣ поспорить кое-о-чемъ, хоть для процесса спора, не совсѣмъ безполезны. Все же лучше преферанса. Впрочемъ, онъ здѣсь то же отчасти господствуетъ; но, кажется, не такъ сильно.

Кошевскаго брата я все еще не видалъ; три раза былъ въ университетѣ, и все его не было тамъ; наконецъ, узналъ его адресъ и отправляюсь къ нему на дняхъ. Единственный человѣкъ, у котораго мнѣ здѣсь пріятно, это Арнольди; я еще зналъ его въ Петербургѣ, человѣкъ съ душой и вкусомъ. Нашелъ я также поэта Григорьева, онъ женатъ и звалъ меня къ себѣ; но я еще не успѣлъ быть. Въ кондитерской встрѣтилъ я на дняхъ одного Зубова (Достоевскіе его знаютъ). — Прощайте и прочее.

Вашъ отъ всего сердца *А. Плещеевъ*.

Совершенно секретно.

Выписка изъ писемъ Кайданова изъ Ростова къ брату въ С.-Петербургъ.

I.

8 мая 1848.

Посылаю тебѣ 10 руб. сер. Ежели возможно, доставь мнѣ какъ-нибудь: 1) Considerant, Déstinée sociale — и кого еще знаешь изъ учениковъ *Фуррье* (напр. Mairon); впрочемъ, въ этомъ отношеніи я совершенно полагаюсь на тебя. Всего болѣе я желалъ бы имѣть *Фурьеристовъ*, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого-нибудь изъ другихъ соціалистовъ, напр., *Прудона*, *Луи-Блана*. Не худо бы мнѣ прочесть Saint Simon. Что же касается до Кабе, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что-нибудь получше Voyage en Ycarie и пр. Не останавливайся на цѣнѣ; напр., я за Considérant готовъ всегда дать втрое и вчетверо противъ обыкновенной цѣны.

II.

12 іюня 1848.

Увѣдомляетъ, что получилъ книги и прочиталъ только Mairon и Bastiat и началъ читать *Прудона:* „но и то, что я прочиталъ, слишкомъ довольно для того, чтобы быть тебѣ очень, очень благодарнымъ за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ меня *и всей здѣшней небольшой паствы*... Ты мнѣ пришлешь Considérant или Phalange. Деньгами не стѣсняйся, я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ *Апостоловъ Фуррье*. Когда я прочитаю всѣ книги, тогда напишу тебѣ что-нибудь подробнѣе о нихъ. За твои хлопоты, по дѣлу *Рудакова*, я тебѣ очень благодаренъ и сообщаю тебѣ, что рукопись его *Магнетическіе Сеансы* послана изъ Ростова 15 мая этого года (1848). Мнѣ очень пріятно бы было чѣмъ-нибудь услужить ему, потому что онъ прекраснѣйшій человѣкъ, какихъ рѣдко случалось встрѣтить.

III.

16 октября 1848.

Книги, посланныя тобою, я получилъ 8 октября; не знаю, гдѣ онѣ провалялись на почтѣ. Очень и очень благодаренъ тебѣ и доброму П-у за ваши хлопоты. Riedermann'a я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, и мнѣ такъ понравился ясный и безпристрастный взглядъ его на *соціализмъ и соціальныя теоріи, что я началъ переводить его, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка*. За Phalange я не знаю какъ и благодарить тебя, хотя успѣлъ прочитать только первый livraison, но почти могу составить о ней мнѣніе. Твои опасенія о questions religieuses оправдались. Не стану скрывать отъ тебя, что Doherty мнѣ не нравится. „La querre des paysans“ я прочиталъ съ самымъ живымъ интересомъ. Статья „Les trois nuits internes“ превосходна. Я еще не читалъ Cosmogonie, а только взглянулъ на оглавленіе, и признаюсь, оно меня нѣсколько пугаетъ, несмотря на то, что это манускриптъ Фуррье. Это не покажется тебѣ страннымъ потому, что ты знаешь, что я, *будучи совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фуррье, вовсе не считаю себя обязаннымъ свято вѣрить* à toutes

les extravagances de notre maître. Documents phalansteriens и l'introduction, вѣроятно, статьи Консидерана, привели меня въ такой восторгъ, что я не могъ ихъ вдругъ прочитать. Нѣсколько разъ я долженъ былъ бросать книгу и по получасу ходить по комнатѣ, чтобы успокоиться отъ волненія и быть въ состояніи опять читать. Изъ всего этого ты видишь, что я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы быть на тебя въ претензіи за присылку этихъ книгъ.

IV.

15 декабря 1848.

Вчера я получилъ Phalange, за которую тебѣ пришлю благодарность. Кажется, что этотъ годъ еще лучше 45-го; получилъ я и письмо Петрашевскаго, но я едва ли могу быть полезнымъ: во-первыхъ, потому что *помѣщичьи крестьяне* Ростовскаго уѣзда принадлежатъ по большой части *Панину, Шереметьеву, Орлову и другимъ богачамъ, живущимъ въ Петербургѣ; а въ Ростовѣ живутъ только 4 разорившіеся помѣщика и то такіе, съ которыми можно еще играть въ карты, но никакъ не говорить о какомъ-нибудь дѣлѣ, во-вторыхъ, потому, что я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую*, а я не могу сочувствовать его проекту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ.

Найденныя въ бумагахъ студента Филиппова десять заповѣдей.

Господь Богъ открылъ намъ волю свою въ десяти заповѣдяхъ, которыя далъ Онъ Моисею на горѣ Синайской, для того, чтобы люди исполняли и свято соблюдали ихъ. Этихъ заповѣдей 10, вотъ онѣ:

1) Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бози инїи, развѣ мене.

2) Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею: да не поклонишися имъ, да не послужиши имъ.

(Корысть, низкопоклонничество, угожденіе власти и богатству).

3) Не возьмеши имени Господа Бога твоего всуе.

(Клевета, беззаконіе въ судѣ, царь земли — Богъ. Всѣ власти отъ Бога. То, что на божницахъ основали права свои цари земные).

4) Помни день субботній, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, день же седьмой — суббота, Господу Богу твоему.

(Что значитъ положеніе крестьянъ, не соблюдающихъ?)

5) Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на землѣ.

6) Не убій.

(Убійство безъ нужды, обида ближняго, притѣсненія помѣщиковъ, убійство на войнѣ).

7) Не прелюбы сотвори.

(Что значитъ прелюбодѣяніе?)

8) Не укради.

(Что значитъ красть собственную помѣщичью собственность, первоначально пользовались благами міра?)

9) Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

10) Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего.

Что говорится въ первой заповѣди?

Въ первой заповѣди говорится, что есть только одинъ Богъ — и что кромѣ Него нѣтъ иного Бога. Этотъ сильный Богъ создалъ все, и безъ Него не было бы ничего— ни неба, ни земли, никакихъ тварей, живущихъ на землѣ; не было бы и человѣка. И такъ, человѣкъ долженъ любить Господа Бога, своего Творца, всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями и всегда жить по Его святой волѣ. Кто преступилъ законъ человѣческій, виноватъ только предъ людьми и правъ предъ Богомъ, ибо законъ человѣческій положенъ людьми, а, стало быть, люди и перемѣнить его могутъ. А кто нарушитъ законъ Божій, того покараетъ Богъ муками вѣчными, ибо божественный законъ данъ отъ Бога, и человѣкъ не властенъ перемѣнить его.

Что показываетъ вторая заповѣдь?

Показываетъ, чтобы для насъ ничего не было дороже воли и правды Господней. Кто возлюбилъ мірскія блага паче правды Божіей, тотъ сотворилъ себѣ кумира, преступилъ вторую заповѣдь. (Нельзя служить двумъ господамъ, у насъ одинъ Господь). Кто несправедливыми путями собираетъ богатство: воровствомъ, обманомъ, грабежомъ, тотъ возлюбилъ богатства паче Бога и Его святой правды. Горе вамъ, господа и начальники жестокосердые, что забываете заповѣди Божіи, ради мірскихъ благъ обижаете подвластныхъ вамъ. Горе тому, кто въ угоду начальству или господину творитъ всякія беззаконія, ибо ради воли начальника. Горе и тѣмъ, кто можетъ, но не хочетъ защищать бѣдныхъ и утѣсненныхъ. Горе вамъ, люди робкіе, что боитеся защищать братій, ибо вы возлюбили плоть больше правды Господней. Горе вамъ, ибо придетъ день суда, и примете всѣ по дѣламъ вашимъ.

Что повелѣваетъ третья заповѣдь?

Третья заповѣдь запрещаетъ призывать Господа Бога напрасно.

Кто клянется и божится, всуе пріемлетъ имя Господа Бога, ибо въ законѣ сказано: „Я же говорю вамъ: вовсе не клянитесь ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ градъ великаго царя (Бога); ни головою своею не клянитесь, потому что не можете ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ и чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да-да, нѣтъ-нѣтъ; а что сверхъ того, то отъ лукаваго“. И такъ начальники, приводя народъ къ присягѣ, поступаютъ не по закону Божію и примутъ тяжкое осужденіе.

Кто скажетъ: царь земный—Богъ, тотъ всуе пріемлетъ имя Господа Бога, затѣмъ, что есть только одинъ Богъ. Онъ одинъ царь неба и земли; а цари земные такъ же люди, какъ и мы грѣшные, и когда всѣ мы предстанемъ на судъ Господень, не спроситъ Богъ: кто былъ царь, кто господинъ, кто крестьянинъ—а каждому воздастъ по дѣламъ его. Царь долженъ быть первый слуга Богу и людямъ, ибо въ Писаніи сказано: „большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“, а также сказано: „кто хочетъ быть у васъ первымъ, будетъ вамъ рабъ“. Царь, который забылъ свой долгъ, не хочетъ заступиться

за народъ, унять господъ и начальниковъ, тотъ врагъ Богу и людямъ, и власть его не отъ Господа Бога, а отъ сатаны.

Въ четвертой заповѣди сказано: „Помни день субботній, святи его, шесть дней дѣлай и сотвори въ нихъ вся дѣла, а день седьмый, суббота, Господу Богу твоему". Что значитъ „святить день субботній" (а по нашему воскресенье)? Это значитъ оставить въ праздникъ Господень всѣ дѣла мірскія и обратиться сердцемъ къ Творцу и Господу. А кто оставитъ дѣла свои ради пьянства и всякихъ богопротивныхъ забавъ, не по божескому закону справляетъ праздникъ Господень, служитъ не Богу, а сатанѣ. Лучше бы ему было, кабы не оставлялъ свои дѣла, ибо меньше бы грѣхъ сотворилъ.

Видали мы господъ, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняютъ бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Придетъ праздникъ Господень, и радъ бы мужикъ справить его по-христіански, да глядишь, то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно и голодно. Какъ быть? Нешто, станешь дѣлать! пошелъ мужикъ на работу, и въ праздникъ ему не праздникъ. А кто причина, что мужикъ не справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тяжкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ, что ввелъ мужика въ соблазнъ, ибо въ Писаніи сказано: „Горе міру отъ соблазновъ, но горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ происходитъ".

Въ пятой заповѣди сказано: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на землѣ.

Надо любить родителей; но ради любви къ нимъ не должно оставлять заповѣдей Божіихъ. И такъ, коли отецъ или мать стали посылать тебя на дѣло, противное заповѣдямъ Божіимъ, или стали удерживать отъ дѣла, угоднаго Богу, можешь не послушать ихъ, ибо воля Господня паче воли родителей. Самъ Спаситель, Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ:

„Любящій отца или матерь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня; любящій сына или дочь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня".

Въ шестой заповѣди сказано: Кто убьетъ ближняго своего безъ нужды, того осудитъ Господь Богъ на тяжкія мученія: Богъ даетъ жизнь человѣку, Богъ *одинъ* можетъ отнять ее и послать смерть на человѣка; падетъ кровь неповинная на господъ.

И какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани? Забыли они слово Божіе и не соблюдаютъ святой его заповѣди. Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій; пора унять беззаконниковъ, да перестанутъ гнѣвить Господа Бога, ибо коли не уймемъ ихъ, гнѣвъ Господень падетъ на всѣхъ насъ. Мало того, чтобъ не убивать человѣка, надо и не обижать ближняго, ибо обижающій ближняго подлежитъ суду, а кто скажетъ брату своему „рака" (пустой человѣкъ), подлежитъ верховному судилищу; кто же скажетъ „безсовѣстный", подлежитъ геенѣ огненной. Нарушающій слово Божіе—смертію да умретъ. Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію, и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники? а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?

Не должно быть и войнѣ, ибо всѣ люди, по слову евангельскому, должны жить, какъ братья, и потому начинающій войну дастъ отвѣтъ на судѣ страшномъ, а кто защищается, тотъ не повиненъ въ крови братьевъ. И такъ, если пойдемъ войной на чужой

народъ, осуждаемъ; но всѣхъ болѣе осуждаетъ царь, что начинаетъ войну и ведетъ народъ свой на убійство, ибо въ Писаніи сказано: „за начинающаго Богъ". Отвѣтитъ и народъ, который пустилъ своихъ братій на убой.

Въ седьмой заповѣди сказано: не прелюбодѣйствуй. Сообщеніе должно быть по любви и должно быть освящено Богомъ. Бракъ по разсчету не освятится Богомъ, и потому—прелюбодѣяніе, ибо живетъ во время обряда; бракъ по принужденію родителей—прелюбодѣяніе; бракъ по вліянію помѣщика—прелюбодѣяніе, и еще большій грѣхъ и для помѣщика и для женика съ невѣстой. (Объ насилованіи, кстати и объ насилованіи помѣщиковъ).

Выписка изъ тетради Ламанскаго 1841 г.

Какъ чудно возрастала слава Рима, какой благородный народъ обиталъ въ немъ. Все удивляетъ насъ въ судьбѣ этого народа. Эта любовь къ свободѣ, которая подняла римлянъ на высшую степень славы, удивляетъ всѣхъ своимъ долговременнымъ пребываніемъ въ сердцахъ римлянъ. Какъ ни почитали они героевъ, однако никогда не могли позволить никому изъ великихъ полководцевъ возвыситься надъ собою. Свобода была единственною цѣлью гражданъ, и всегда они защищали ее до послѣдней капли крови. Народъ былъ въ пренебреженіи и погибалъ. Но и среди этого ужаснаго времени являлись, подобно метеорамъ, смѣлые и отважные мужи, которые силою своего краснорѣчія возбуждали народъ къ возстанію. Римляне, пробудитесь [1]), они не совсѣмъ еще забыли свободу; они не совсѣмъ еще забыли счастливые дни республики; и когда Юлій Цезарь, любимецъ народа, явился предъ нимъ въ коронѣ, то онъ съ недовѣрчивостью смотрѣлъ на него, и глухой ропотъ показалъ ему всеобщее неудовольствіе. Римляне увидѣли свое положеніе и не могли равнодушно смотрѣть на честолюбца; онъ былъ опасенъ для республики, и они умертвили его.

Только несчастія народа заставили римлянъ избрать Августа въ императоры и предоставить (ему) управленіе имперіею одному человѣку; и нельзя оставаться равнодушнымъ при видѣ Капитолія, при видѣ замка св. Ангела, гдѣ тысячи несчастныхъ жертвъ томились по волѣ безумныхъ властей. (Подъ сими словами учитель подписалъ карандашемъ: очень хорошо).

Выписка изъ учебной тетради Ламанскаго 1842 г., январь.

Русскія сочиненія Ламанскаго.

Александръ Невскій былъ не что иное, какъ низкое орудіе татарскихъ хановъ противъ своего отечества; онъ искалъ только пользы, получилъ довѣренность въ ханской ордѣ, умѣлъ обратить милость хана только на себя, и, довольный своимъ положеніемъ, способствовалъ угнетать свое отечество, вовсе не заботясь о бѣдномъ народѣ. Онъ не старался возбудить въ народѣ ненависть къ татарамъ, не побуждалъ ихъ къ возстанію, не соболѣзновалъ въ душѣ своему отечеству, хотя старался это выказать предъ народомъ въ войнѣ противъ шведовъ и ливонцевъ. Однимъ словомъ, одно воспоминаніе объ этомъ ужасномъ времени татарскаго ига возбуждаетъ негодованіе и мщеніе. И какія пагубныя слѣдствія произошли отъ того: деспотизмъ глубоко пустилъ свои корни, и униженное рабство надолго осталось въ народѣ. Князья по сверженіи татарскаго ига увидѣли

[1]) Пробудились?

для себя выгоду власти деспотической, и съ тѣхъ поръ являются притѣснителями народа, сохранившаго еще благодарныя чувства подъ грубою корою рабства, оставшагося на немъ со времени ига; народъ еще не могъ опомниться отъ бѣдствій и не смѣлъ думать объ улучшеніи своего состоянія, а ждалъ этого отъ князей, которые совершенно не заботились о своихъ подданныхъ. (На подлинной тетради учителемъ написано: очень хорошо).

Выписка изъ дневника штабсъ-капитана Кузьмина.

Тамбовъ, 8 іюня 1848 года.

Я. И. С. Сознаніе его въ необходимости измѣненій, убѣжденіе въ томъ, что оно воспослѣдуетъ, не путемъ непослѣдовательнымъ, а кризисомъ. Недостатокъ централизаціи по причинѣ неразвитія образованія въ дворянствѣ; тѣ же изъ дворянъ, которые образованы, стараются по возможности не о пользѣ своей братіи, имъ подчиненныхъ, но объ угодливости высшимъ для полученія ордена или оффиціальнаго назначенія по службѣ; если же кто рѣшится возстать противъ злоупотребленій, дѣлается жертвою силы всесокрушающей.

Дикость мелкопомѣстныхъ дворянъ, домашнее воспитаніе дѣтей ихъ и пр. Мнѣніе о С.-Петербургѣ. Г. Н. Д. (переворотъ), получившаго образованіе въ Collège Royale, занимавшаго и занимающаго значительныя должности; но въ сущности это человѣкъ допотопный, Я. И. С. это — человѣкъ образованный, весьма отличается если не всегда вѣрнымъ, то почти всегда мѣткимъ взглядомъ; въ связи съ русскою аристократіею, проповѣдуетъ въ пользу необходимости аристократіи въ государствѣ, якобы составляющую силу его; но человѣкъ съ характеромъ сильнымъ и одаренъ смѣлостью.

Давыдовъ ведетъ la vie de château.

Н. П. Г. подаетъ надежды (отецъ Іеронимъ).

Н. Е. Св. доброжелательный человѣкъ и пр.

А. Я. М. образованный человѣкъ, объявляетъ себя поборникомъ.

Попы, вездѣ попы. Попы предложили простому народу говѣть вслѣдствіе циркуляра архіепископа, а между тѣмъ не хоронятъ мертвыхъ безъ полицейскаго свидѣтельства, и трупы лежатъ по нѣскольку дней и пр.

Историческое развитіе секты молоканъ, и ученье ихъ написано Орестомъ Новицкимъ въ Кіевѣ, по источникамъ митрополита Евгенія, бывшаго членомъ комиссіи изслѣдованія ересей.

Въ Тамбовѣ они ходятъ въ церковь, чтобы скрыть свою сущность, но пріобрѣтаютъ прозелитовъ.

Описываетъ Булгакова и жену и пр.

Ф. А. К. полковникъ 26-ти лѣтъ. Je n'aime pas le parquet glissant, c'est pour cela que je suis presque toujours absent de Pétersbourg, говоритъ онъ; эти нѣсколько словъ рекомендуютъ его comme un très brave garçon, и дѣйствительно кажется, что весьма достойный молодой человѣкъ, въ человѣческомъ отношеніи и пр.

27 іюля. Графъ Толстой правъ въ своихъ запискахъ о польской кампаніи, тысячу разъ правъ; въ польской кампаніи Паскевичъ хвалился, что въ Персіи самъ занимался продовольствіемъ, это несправедливо, хлопоталъ безпрестанно о продовольствіи. Сабуровъ, несмотря на образованность и на начитанность современную, имѣетъ довольно дикій и

допотопный взглядъ на помѣстное право. Зная неправильность порядка, въ которомъ люди имѣютъ право на личность подобныхъ себѣ — старается доказать, что допущеніе купцовъ къ владѣнію населенными землями съ тѣмъ, чтобы дѣлать крестьянъ обязанными, и вообще, кромѣ дворянъ, другихъ классовъ, имѣющихъ на то и средства и досугъ заниматься лично, будетъ несправедливо и даже вредно, потому что разстроитъ существующій порядокъ, организацію работъ, вопросъ, занимающій западъ Европы, но у насъ окончательно рѣшенный. Вопросъ объ улучшеніи быта рабочаго класса имѣетъ 2 человѣческія цѣли: 1) обезпеченіе существованія трудящагося и 2) возможность путемъ труда улучшить свое положеніе и совершенствоваться.

Близорукіе помѣщики эгоисты скажутъ: у насъ возможно достичь той и другой цѣли: работящій мужикъ не умираетъ съ голоду и даже можетъ разбогатѣть, а потомъ выкупить на волю себя съ семействомъ; а потомъ уже вести дѣтей своихъ, какъ пожелаетъ. Не проникнувши глубоко въ этотъ вопросъ, оно кажется и дѣйствительно такъ, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ; тѣмъ прилежнѣе мужикъ, тѣмъ болѣе достается и работы на его долю; у мужика есть хлѣбъ въ голодный годъ, хлѣбъ, собранный крохами въ лучшіе годы, политый потомъ, и такой мужикъ естественно не получитъ помощи во время голода; лѣнтяй же и пьяница обезпечивается въ случаѣ неурожая. У лѣнтяя нѣтъ лошади, помѣщикъ или даетъ ему лошадь, чтобы тотъ работалъ на барщинѣ и въ домѣ, или даетъ ему другое назначеніе съ обезпеченіемъ содержанія; прилежный мужикъ, собравъ деньженокъ, хочетъ выкупиться на волю, помѣщикъ требуетъ за это сумму, превосходящую собранный мужикомъ капиталъ; но воля такъ заманчива, что мужикъ входитъ въ долгъ и выкупается. И разъ объявивъ себя не бѣднякомъ, онъ подвергается всѣмъ притѣсненіямъ, которыя во власти помѣщика, чтобы заставить мужика предпочесть свободу въ рубищѣ достатку съ притѣсненіемъ; возражайте на это, я опровергну примѣрами.

Сабуровъ самъ говоритъ, что его мнѣніе потому противъ настоящаго порядка, что капитальныя выгоды его страдаютъ; не нравится ему (помѣщику) имѣніе, онъ распродаетъ его по розницѣ: крестьянъ на свозъ, лѣсъ на срубъ, землю особо, и получитъ гораздо болѣе, нежели бы получилъ, продавъ имѣніе цѣлое, какъ было; мало того, купитъ онъ землю въ многоземельной губерніи, напр. въ Саратовской; мужики охотой не идутъ туда (что весьма естественно), онъ назвалъ его Сибирью, выселилъ туда негодяевъ, и саратовское имѣніе, населенное негодями, даетъ ему доходу болѣе при 40 душахъ негодныхъ, нежели тамбовское при 150 хорошихъ крестьянъ. Этотъ взглядъ положителенъ, но онъ же есть взглядъ не человѣческій, не современный и даже недалекъ.

Тамбовское общество раздѣлено на тысячи круговъ и партій; говорятъ, что у старожиловъ тамбовскихъ нѣтъ вовсе соціальности, русскаго радушія; знакомство ведутъ только изъ видовъ; но я не вездѣ это встрѣтилъ, мнѣ кажется, что они люди, какъ люди; я принятъ вездѣ хорошо, гдѣ только бываю и съ кѣмъ ни знакомился, несмотря, что не играю въ карты, а здѣсь это главное отличіе порядочнаго человѣка; вѣрно, что безъ игры въ карты сдѣлаешься всѣмъ и каждому въ тягость, мужчины собираются просто для игры, и игра ведется порядочная; дамы же вездѣ гнѣздятся по своимъ уголкамъ. Что-то скажетъ зима?

Большинство здѣшнихъ помѣщиковъ штабъ-ротмистры или поручики въ отставкѣ, безъ достаточнаго образованія, но съ порядочнымъ запасомъ долговъ, продолжаютъ раз-

зорять свои имѣнія, собачничаютъ и пр. Чего ожидать отъ такихъ господчиковъ? Въ состояніи ли они постигнуть важность дворянскихъ выборовъ и службы по выборамъ? Могутъ ли быть хотя орудіями къ общему улучшенію? Есть изъ стариковъ и дѣльные люди, но съ допотопными, закоренѣлыми понятіями о вещахъ. Это и „жалости подобно“, какъ говорятъ малороссы, особенно въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ необходимо развитіе провинціальныхъ головъ. Но сколько времени надо ждать этого? Слова нѣтъ, если провинціи развились въ духѣ національномъ и человѣческомъ, то государство способнѣе къ принятію лучшихъ формъ; но развитіе провинцій самихъ собою безъ руковожденія ихъ столицею похоже на изученіе какой-либо науки или ремесла самоучкою: тяжело идетъ оно; успѣхъ не вѣренъ, и можно отчаяться въ возможности когда-либо достигнуть результатовъ.

Лебедянская ярмарка! (Въ смыслѣ качества и количества посѣтителей дворянской гостиницы). Прежде дворянская гостиница содержалась Пиватомъ, но на троицкую ярмарку накинулъ цѣну маршанскій откупщикъ Постниковъ; но на покровскую разсчелъ для себя выгоднымъ возобновить содержаніе ея, и дворяне были въ необходимости занять верхній этажъ гостиницы простонародной. При вступленіи моемъ въ сей такъ называемый Капернаумъ, я встрѣтилъ г. Б. П.; зная его въ Петербургѣ, я хотѣлъ видѣть манеру его дѣйствій, и усмотрѣлъ нѣкоторую человѣчность въ его маневрахъ. Григ. забралъ себѣ въ команду пару Новиковыхъ, Дмитрія Наумова и еще кое-кого, и только. Эта компанія протежировала хору цыганокъ, ранѣе пріѣхавшій въ Лебедянь,—хоръ ничтожный, въ которомъ не было ни голосовъ, ни хора; въ гостинницѣ я былъ знакомъ съ Григорьемъ шапочно; хотѣлъ ѣхать въ деревню, чтобы потолковать дѣльно; но онъ увлекся своей ярмарочной ролью, вздумалъ подчинить меня своему вліянію.

Je suis mecontent de votre conduite d'hier, сказалъ онъ мнѣ въ одно прекрасное утро. Moi de même, et j'ai plus des raisons d'être mecontent de vous, отвѣчалъ я: peut-être que vous êtes plus fort en phisique et en moral que moi, сказалъ онъ мнѣ... мы разошлись; но къ вечеру онъ самъ подошелъ ко мнѣ. Уѣхалъ онъ безъ меня, но прислалъ нарочнаго просить къ себѣ въ деревню; я съ сожалѣніемъ долженъ былъ отказаться отъ этого приглашенія въ надеждѣ, что онъ пріѣдетъ въ Тамбовъ на казанскую ярмарку. Онъ меня испыталъ, онъ увидалъ, что моя метода дѣйствій вѣрнѣе, я не насиловалъ, какъ онъ, но успѣхъ вѣнчаетъ дѣло, и его партія сбита съ поля.

Выписки.

1) Изъ письма Петрова къ Михайлову, изъ С.-Петербурга. 1 декабря 1848.

Петровъ, исчисляя въ замѣнъ дурной петербургской погоды, удовольствія здѣшней столицы, говоритъ: „зато у насъ проповѣди Нильсена и пропаганда Петрашевскаго, за то у насъ публичныя лекціи и фельетоны Плещеева, зато... зато... но всѣхъ зато и не перечтешь“.

2) Изъ дневника Серебрякова.

„Прочитавъ послѣднюю свою исповѣдь въ дневникѣ, я нашелъ, что выразился довольно легко о имени Божьемъ. Это доказываетъ мнѣ и напоминаетъ, что я еще недавно посѣщалъ домъ г. Петрашевскаго, гдѣ поневолѣ заразился отъ нихъ этимъ безвѣріемъ“. Далѣе онъ говоритъ: „и удивляюсь невѣжеству нашей первой цвѣтущей молодежи, какъ можно распространять подобныя идеи, какъ, напр., „религія есть страхъ и трусость“,

что Магометъ сдѣлалъ, какъ законодатель, болѣе, чѣмъ Христосъ; онъ, т.-е. Магометъ, достигнулъ своей цѣли въ обращеніи народа воинственнаго, а Христосъ не сдѣлалъ народа духовнымъ; все это есть чистая нелѣпость; религія есть обязательство, возложенное на народъ для исполненія его потребностей души и тѣла.

3) Изъ записки штабсъ-капитана Кузьмина о дворянскихъ выборахъ въ Тамбовѣ.

Много дѣятельности оказали всѣ партіи для своего успѣха; но и выиграла безъ сомнѣнія та, на сторонѣ которой была власть. Выиграла эта партія потому, что хотя всѣ другія были оппозиціонныя этой, но, кромѣ этого общаго, во многомъ были различныхъ убѣжденій et ne pouvaient pas se concerter, и второе потому, что партія, на сторонѣ которой правительство, можетъ сдѣлать многое для усиленія своей партіи и для ослабленія и разъединенія противниковъ; честными, законными будутъ ли средства, на то употребленныя,—это другое дѣло, но успѣхъ вѣроятенъ. Напр., людей ненадежныхъ по мнѣніямъ можно отстранить отданіемъ подъ судъ (положимъ, что правый оправдается, но тогда кончены будутъ выборы), устраненіемъ отъ права избранія за недостаткомъ какимъ-либо, или можно раздать дамскіе шары или отсутствующаго—вѣрнымъ, хотя ничтожнымъ людямъ; прибавленіемъ въ свою партію, дѣйствуя страхомъ на мелочь, а убѣжденіемъ на самостоятельныхъ и имѣющихъ вліяніе. Всѣ эти маневры были употреблены, на сторонѣ побѣжденныхъ оставалась только возможность дѣлать выходки, яко бы и рѣшительныя. Главою губернаторской партіи былъ Сабуровъ съ милліономъ родни и приверженцевъ; противниковъ было много, но каждый изъ нихъ имѣлъ причины быть недовольнымъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ; но связи между ними не было, мало того, что они были недовольны, многіе были ожесточены и имѣли на то полное право. Лица, принадлежащія къ противной партіи, были: Петрово-Соловово, князь Вяземскій, Абловъ, Севастьяновъ, Карачинскій, отчасти Хрущовъ и князь Кугушевъ.

Письмо Петрашевскаго, найденное 25-го мая въ бумагахъ штабсъ-капитана Кузьмина.

Мнѣ было весьма пріятно получить ваше письмо, и какъ хорошее эхо, хотѣлось вполнѣ исполнить ваше требованіе, т.-е. не пожалѣть бумаги и чернилъ. Но поспѣшность г. Олтонскаго заставляетъ меня не вполнѣ исполнить ваше желаніе и удовольствоваться краткою писулькой.

Александръ Пантелеймоновичъ показывалъ ваше письмо. Онъ осудилъ его крутость, что тамъ было много *Простакова Честона*, что это не можетъ быть общимъ правиломъ. Въ отвѣтъ на ваше желаніе сообщить новость, скажу, что Карла Ивановича здоровье, говорятъ, поправилось, вслѣдствіе удачи его оборотовъ съ Европою; но эти успѣхи временные, и кредитъ къ его лицу все болѣе и болѣе падаетъ.

Какъ петербургскую административную новость, слухъ, говорятъ, что с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ Шульгинъ за глупостью сдается въ архивъ, т.-е. дѣлается членомъ государственнаго совѣта; Бибиковъ кіевскій дѣлается министромъ торговли; важнѣе всего, мнѣ кажется, извѣстіе, имъ привезенное, что будто бы въ смежныхъ съ Галиціей губерніяхъ весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ, и эти извѣстія имѣли свое вліяніе на возобновленіе общаго вниманія къ эманципаціи крестьянъ. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія

судоустройства и судопроизводства, т.-е. безъ введенія de la publicité de procédure avec le jury.

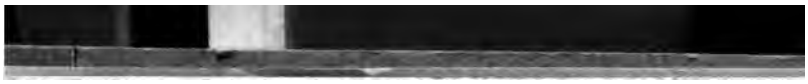
Еще говорятъ, это оффиціальное извѣстіе, что преобразованія, сдѣланныя въ городскомъ устройствѣ въ послѣднее время въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, нашли сочувствіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и что для преобразованія, по сему образцу, управленія губернскихъ и уѣздныхъ городовъ поступило много прошеній изъ разныхъ городовъ, что на сей предметъ обращено вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не прочь помочь развитію муниципальности въ Россіи, какъ благодѣтельнѣйшаго способа улучшить администрацію и внушить къ законамъ и справедливости должное уваженіе. Это содѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ весьма достойно похвалы; но оно не считаетъ себя въ правѣ дѣлать подобныя полезныя измѣненія, пока на сей конецъ не будетъ ясна таковая мѣстная потребность, выраженная въ формѣ прошеній отъ городскихъ обывателей, особенно отъ тѣхъ классовъ городскихъ обывателей, которые, будучи нищи, несутъ повинности, а не принимаютъ участія въ завѣдываніи городскимъ хозяйствомъ чрезъ избранныхъ ими гласныхъ. Особенно же это важно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, какъ мнѣ кажется; ибо въ нихъ, кромѣ купцовъ, учителя училищъ, доктора, аптекаря, попы, отставные небогатые чиновники, которые почему-нибудь не могли служить и не были слишкомъ большими ханалами, чтобы пролѣзть въ столицу; однимъ словомъ, чрезъ это въ завѣдываніи городского хозяйства должны принять участіе тѣ лица въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, которыя сравнительно съ другими, т.-е. съ массою населенія, могли быть названы умственною аристократіею, и ихъ участіе весьма благодѣтельно должно быть для общественнаго развитія.

Этому не мѣшало дать ходъ, тѣмъ болѣе, что пословица русская во всемъ административномъ имѣетъ свое значеніе: „пока дитя не заплачетъ, мать не разумѣетъ.“ Надо, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ было вразумлено, и въ этой потребности выборы представляютъ удобство; къ тому же просить можно обо всемъ, и предметъ прошеній не обозначенъ въ законодательствѣ.

Посылаю при семъ Estafette, который давно думалъ вамъ послать, но какъ-то, самъ не знаю, не состоялось. Газета изъ лучшихъ, въ ней много хорошихъ и наставительныхъ статей, которыя весьма могутъ хорошо служить для просвѣтлѣнія мѣстнаго недоразумѣнія, почему и можете подарить ее, кому хотите.

Вашъ *Петрашевскій.*

27 ноября 1848.



III.

Докладъ генералъ-аудиторіата по дѣлу петрашевцевъ.

Высочайше конфирмованный 19 декабря 1849 г. докладъ генералъ-аудиторіата о тит. сов. Буташевичѣ-Петрашевскомъ и другихъ лицахъ.

По высочайшему Е. И. В. повелѣнію служащій въ департаментѣ внутреннихъ сношеній минист. иностр. дѣлъ тит. сов. Буташевичъ-Петрашевскій и съ нимъ еще 22 человѣка преданы были военному суду, *по полевому уголовному уложенію*, за преступные замыслы противъ правительства. По суду оказалось:

Преступные замыслы подсудимыхъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства возникли *отъ либеральнаго направленія ума и отъ усвоенныхъ ими вредныхъ соціальныхъ идей западной Европы.*

Первый примѣръ къ такимъ замысламъ подалъ Буташевичъ-Петрашевскій, который съ юношества былъ проникнутъ либеральными понятіями, укоренившимися въ немъ еще болѣе по окончаніи въ 1841 году университетскаго курса. Онъ возымѣлъ преступный замыселъ на ниспроверженіе государственнаго устройства. Для этого онъ пытался поселять *зловредныя начала либерализма* въ молодомъ поколѣніи, посредствомъ учителей, самъ развращалъ юные умы зловредными книгами и бесѣдами, а съ 1845 года, дѣйствуя уже въ духѣ пропаганды, собиралъ у себя въ извѣстные дни знакомыхъ ему учителей, литераторовъ, студентовъ и вообще лицъ разныхъ сословій, и постоянно возбуждалъ и направлялъ происходившія на сихъ собраніяхъ сужденія, клонившіяся къ попранію религіознаго убѣжденія, къ осужденію существующаго въ Россіи государственнаго управленія, къ порицанію правительства и даже священной особы е. и. в. Такимъ образомъ, онъ *доводилъ* посѣтителей своихъ *до того*, что они получали на многое новые взгляды и убѣжденія и оставляли собранія его болѣе или менѣе потрясенными въ прежнихъ своихъ вѣрованіяхъ и наклонными къ *преступному направленію*. Не довольствуясь этимъ, Петрашевскій, въ концѣ 1848 года, для скорѣйшаго достиженія переворота, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лицъ, посѣщавшими его, дѣлалъ попытки образовать тайное общество, независимое отъ своихъ собраній, и въ этихъ видахъ имѣлъ совѣщаніе съ помѣщикомъ Спѣшневымъ и отставнымъ подпоручикомъ Черносвитовымъ о возможности возстанія въ восточной Сибири и на Уралѣ, а вслѣдъ затѣмъ участвовалъ въ такихъ же совѣщаніяхъ съ поручикомъ Момбелли и съ другими тремя подсудимыми объ учрежденіи тайнаго общества подъ названіемъ товарищества или братства, съ цѣлью преобразованія гражданскаго быта въ Россіи; однако же общество это, по разногласію совѣщавшихся, не состоялось.

По примѣру Петрашевскаго, въ концѣ того же 1848 и въ началѣ 1849 года учредились подобныя собранія у литератора, отставного кол. ас. Дурова и у служащаго въ Азіатскомъ департаментѣ мин. иностр. дѣлъ тит. сов. Кашкина.

У Дурова читаны были рукописныя сочиненія *въ либеральномъ духѣ*, и, сверхъ того, предполагалось писать статьи противъ правительства, а для распространенія завести тайную литографію, что однако жъ оставлено безъ исполненія.

Собранія у Кашкина, состоявшія изъ круга немногочисленнаго, имѣли цѣлью изученіе системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, и по преимуществу системы Фурье, и видахъ примѣненія ея къ Россіи.

Свойство сихъ системъ, *какъ видно изъ рѣчей и рукописныхъ сочиненій обвиняемыхъ*, клонилось къ ниспроверженію религіозныхъ и политическихъ убѣжденій въ народѣ, къ уничтоженію семейственныхъ отношеній, права собственности, къ произведенію труда и промышленности общественнымъ способомъ, чрезъ соединеніе *помѣщиковъ и крестьянъ* въ одну общину—*слѣдственно, вели къ тому же разрушенію настоящаго порядка.*

Независимо отъ означенныхъ собраній и лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, представлялось еще сомнѣніе на мѣщанина Петра Шапошникова и сына почетнаго гражданина Катенева—въ злоумышленіяхъ противъ правительства и въ намѣреніи приступить къ бунту, но это по изслѣдованію не подтвердилось. Обнаружено только, что Шапошниковъ, *питая вредный образъ мыслей* и будучи подстрекаемъ посѣщавшими его бывшимъ студентомъ Толстовымъ и Катеневымъ, велъ съ ними, *у себя на квартирѣ*, преступные разговоры о религіи, правительствѣ и разсуждалъ о возможности ввести въ Россіи республику.

Впрочемъ, всѣ означенныя собранія, отличавшіяся вообще духомъ, противнымъ правительству, и стремленіемъ къ измѣненію существующаго порядка, не обнаруживали единства дѣйствій; къ разряду организованныхъ тайныхъ обществъ они тоже не принадлежали, и чтобы имѣли сношенія въ Россіи, не доказывается никакими положительными данными. За всѣмъ тѣмъ преступныя начинанія подсудимыхъ, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, *могли бы* имѣть вредныя послѣдствія для спокойствія государства, еслибы оныя не были *своевременно* предупреждены принятыми со стороны правительства мѣрами, тѣмъ болѣе, что *превратныя мысли распространялись* между многими лицами.

Всѣ тѣ лица, кои были въ соприкосновеніи къ сему дѣлу и оказались вовлеченными въ преступные замыслы, или случайно, или чрезъ посредство другихъ, какъ маловиновные, по высочайшему е. и. в. милосердію, освобождены уже отъ преслѣдованія законовъ. Затѣмъ, по свойству виновности признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человѣка.

Изъ числа сихъ подсудимыхъ главнѣйшими виновниками по сему дѣлу признаны: т. с. Буташевичъ-Петрашевскій, помѣщикъ, неслужащій дворянинъ Николай Спѣшневъ и поручикъ Николай Момбелли. Изъ прочихъ подсудимыхъ, одни въ большей, другіе въ меньшей степени были соучастниками въ преступныхъ замыслахъ, или произнесенными ими возмутительными рѣчами на собраніяхъ, или собственными ихъ сочиненіями, или, наконецъ, личнымъ принятіемъ участія въ совѣщаніяхъ о предполагавшемся тайномъ обществѣ.

Обвиненіе каждаго изъ подсудимыхъ основывается на собственныхъ ихъ показаніяхъ, на письменныхъ актахъ, у нихъ найденныхъ, и на другихъ болѣе или менѣе положительныхъ доказательствахъ.

Степень виновности ихъ, по обнаруженнымъ личнымъ дѣйствіямъ въ преступныхъ замыслахъ, излагается въ представляемомъ при семъ спискѣ.

Заключеніе. Генералъ-аудиторіатъ находитъ, что хотя степень виновности подсудимыхъ различна, ибо одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе принимали участіе въ злоумышленіи, но какъ всѣ они суждены по полевому угол. уложенію, въ преступленіяхъ же государственныхъ, по точной силѣ нашихъ законовъ, *не постановлено различія между главными виновниками и соучастниками*, то, на основаніи сего уложенія, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: подсудимыхъ т. с. Буташевича-Петрашевскаго, неслужащаго дворянина Спѣшнева, поручиковъ Момбелли и Григорьева, штабсъ-капитана Львова 2, студента Филиппова, кандидата Ахшарумова, студента Ханыкова, кол. асс. Дурова, поруч. Достоевскаго, кол. сов. Дебу 2, учителя Толля, тит. с. Ястржембскаго, неслужащаго дворянина Плещеева, тит. сов. Кашкина и Головинскаго, поруч. Пальма, тит. сов. Тимковскаго, колл. секр. Европеуса и мѣщанина Шапошникова— подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Генералъ-аудиторіатъ, опредѣливъ мѣру наказанія подсудимымъ, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, не могъ не принять въ уваженіе тѣхъ облегчительныхъ обстоятельствъ, которыя представляются по дѣлу, именно раскаянія многихъ, добровольнаго сознанія въ поступкахъ, кои, безъ ихъ откровенности, могли бы остаться неизвѣстными, юности лѣтъ нѣкоторыхъ и, наконецъ, того, что преступныя ихъ начинанія не достигли вредныхъ послѣдствій, бывъ своевременно предупреждены мѣрами со стороны правительства.

Посему, повергая участь подсудимыхъ монаршему милосердію е. и. в., генералъ-аудиторіатъ, на основаніи правилъ, въ руководство ему данныхъ, осмѣливается всеподданнѣйше *ходатайствовать объ опредѣленіи имъ*, вмѣсто смертной казни, *наказаній по мѣрѣ вины*.

Мѣра полагаемаго генералъ-аудиторіатомъ наказанія подсудимымъ, вмѣсто смертной казни, излагается въ томъ же спискѣ, въ которомъ объясняется ихъ виновность.

Въ заключеніе, генералъ-аудиторіатъ, раздѣляя мнѣніе слѣдственной комиссіи, изложенное во всеподданнѣйшемъ докладѣ Е. И. В., находитъ, что сколь ни безумны были начинанія и замыслы подсудимыхъ и сколь ни чужды оныя правиламъ, понятіямъ и чувствамъ русскаго народа и войска, но что и открытаго уже совершенно достаточно, дабы обратить на себя самое бдительное вниманіе правительства и принять мѣры для предупрежденія, чтобы и впредь не возникли подобные замыслы.

Существенными мѣрами предупрежденія справедливо могутъ быть признаны:

1) Особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ, какъ относительно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія.

2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій, *опаснаго* содержанія, способствующаго *превратному* образу мыслей въ умахъ юныхъ и *неопытныхъ*.

3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями.

4) Возможно строгое наблюденіе, со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ, *за движеніемъ общественнаго состава*, не только въ его цѣломъ, но и въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы при настоящемъ *развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости идей* не могли образоваться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу.

Всеподданнѣйше подвергая все сіе на высочайшее усмотрѣніе, *генералъ-аудито-*

ріатъ полагалъ бы, съ своей стороны, сообщить къ непремѣнному исполненію относительно особеннаго наблюденія за общественнымъ обученіемъ всѣмъ главнымъ начальствамъ учебныхъ заведеній, о строжайшемъ цензурномъ надзорѣ—министерству народнаго просвѣщенія, и о принятіи мѣръ противъ ввоза запрещенныхъ книгъ и о наблюденіи за сборищами и *собраніями въ частныхъ домахъ*, по принадлежности, министерству финансовъ, мин. внутр. дѣлъ *и шефу жандармовъ*.

Высочайшая резолюція:

„Быть по сему, но съ тѣми измѣненіями, которыя означены на выпискѣ".

Извлеченіе изъ доклада генералъ-аудиторіата по военно-судному дѣлу о злоумышленныхъ. Дѣло сіе начато: слѣдствіемъ 29 апрѣля 1849 г., судомъ 30 сентября, кончено 16 ноября, въ Аудиторіатскій департаментъ поступило 18 ноября. Подсудимые содержатся въ С.-Петербургской крѣпости.

Рукою князя Чернышева:

Исполнить по собственноручнымъ отмѣткамъ Государя Императора, въ семъ извлеченіи значащимся.

Кто подсудимые:

1) Служащій въ департаментѣ внутр. сношеній мин. иностр. дѣлъ тит. сов. Михаилъ Буташевичъ-Петрашевскій (27 л.).

2) *Помѣщикъ Курской губерніи*, неслужащій и *неимѣющій чина* Николай Спѣшневъ (28 л.).

3) Поручикъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Николай Момбелли (27 л.).

4) Поручикъ лейбъ-гвардіи конногренадерскаго полка Николай Григорьевъ (27 л.).

5) Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Ѳедоръ Львовъ (25 л.), *состоявшій при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ для исправленія должности репетитора химіи*.

6) Студентъ С.-Петербургскаго университета Павелъ Филипповъ (24 л.).

7) Состоящій при Азіатскомъ департаментѣ въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ кандидатъ *С.-Петербургскаго университета* Дмитрій Ахшарумовъ (26 л.).

8) Студентъ С.-Петербургскаго университета Александръ Ханыковъ (24 л.).

9) Служащій въ Азіатскомъ департаментѣ мин. иностр. дѣлъ колеж. сов. Константинъ Дебу 1 (38 л.).

10) Служащій въ томъ же департаментѣ кол. секр. Ипполитъ Дебу 2 (25 л.).

11) Служащій въ томъ же департаментѣ тит. сов. Николай Кашкинъ (20 л.).

12) Отставной колл. ассес. *литераторъ* Сергѣй Дуровъ (33 л.).

13) Отставной инженеръ-поручикъ Ѳедоръ Достоевскій, литераторъ (27 л.).

14) Неслужащій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ, литераторъ (23 л.).

15) Состоящій при министерствѣ юстиціи тит. сов. Василій Головинскій (20 л.).

16) Учитель *въ главномъ инженерномъ училищѣ*, не имѣющій чина Феликсъ Толь (26 л.).

17) Помощникъ инспектора классовъ въ технологическомъ институтѣ тит. сов. Иванъ Ястржембскій (34 л.).

18) Поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Александръ Пальмъ (27 л.).
19) *Служащій при мин. внутр. дѣлъ* тит. сов. Константинъ Тимковскій (35 л.).
20) Отставной колл. секр. Александръ Европеусъ (22 л.).
21) Мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ (28 л.).
22) Сынъ почетнаго гражданина Василій Катеневъ (19 л.).
23) Отставной подпоручикъ Рафаилъ Черносвитовъ (39 л.). [1])

Что по суду оказалось.

Въ концѣ апрѣля 1849 года, по *предварительному, въ теченіе годичнаго времени*, наблюденію со стороны министерства внутр. дѣлъ, *открыто было подозрѣніе*, что тит. сов. Буташевичъ-Петрашевскій имѣетъ преступные замыслы противъ правительства, что для этой цѣли собирались у него, по пятницамъ, извѣстныя ему лица, и что на этихъ собраніяхъ происходили разсужденія о нравственныхъ и политическихъ вопросахъ, клонящіяся къ перемѣнѣ нынѣ существующаго въ Россіи порядка.

Поэтому, какъ Буташевичъ-Петрашевскій, такъ и нѣкоторыя изъ посѣщавшихъ его лицъ, всего 34 человѣка (въ томъ числѣ изъ поименованныхъ подсудимыхъ 17) по высочайшему повелѣнію 23 апрѣля были арестованы и отправлены въ С.-Петербургскую крѣпость.

Въ то же время были подвергнуты аресту: жившій на Петербургской сторонѣ табачный торговецъ мѣщанинъ Петръ Шапошниковъ и имѣвшіе съ нимъ близкія связи —сынъ почетнаго гражданина Василій Катеневъ, бывшій студентъ Толстовъ и другіе два товарища ихъ, на коихъ, по сдѣланнымъ агентами министерства вн. дѣлъ наблюденіямъ, возникло подозрѣніе въ такихъ же преступныхъ замыслахъ противъ правительства.

Для изслѣдованія о семъ, по высочайшему повелѣнію, учреждена была въ С.-Петербургской крѣпости секретная слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генералъ-адъютанта Набокова; для разбора же бумагъ, у арестованныхъ лицъ опечатанныхъ, составлена особенная комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Голицына.

По предварительнымъ разспросамъ слѣдственною комиссіею взятыхъ лицъ открыты были новыя лица, участвовавшія въ близкихъ сношеніяхъ съ арестованными, а потому, по представленію комиссіи, было арестовано еще 9 человѣкъ, въ томъ числѣ изъ подсудимыхъ Тимковскій, Ханыковъ, Европеусъ и Черносвитовъ.

Изъ показаній лицъ, бывшихъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, открыто, что собранія тѣ начались въ концѣ 1845 года и имѣли характеръ политическій.

На собраніяхъ этихъ читали рѣчи о религіи, въ преступномъ смыслѣ, доказывая, что религія вредна, потому что подавляетъ образованіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ не по собственному убѣжденію, а по чувству страха наказанія; отвер-

---

[1]) Въ опубликованномъ приговорѣ возрастъ подсудимыхъ показанъ иначе, однихъ увеличенъ, другихъ—уменьшенъ—Момбелли, Ханыкова, Пальма, Тимковскаго. Подчеркнутыя слова или измѣнены, или пропущены (въ пространномъ докладѣ означены литераторами Момбелли и Пальмъ). Повышены въ послѣдовательномъ порядкѣ подсудимыхъ Дуровъ, Достоевскій, Толль, Ястржембскій, Плещеевъ (послѣдній противъ Кашкина). Это же перемѣщеніе сдѣлано и въ резолюціи генералъ-аудиторіата. Случайно ли оно выпало во вредъ литераторамъ и наставникамъ? О Львовѣ смотри конфирмацію.

Прим. Герцена.

гали достовѣрность всѣхъ книгъ священнаго Писанія и даже самое бытіе Божіе; приводили, что самъ Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ не богочеловѣкъ, а лишь геніальный нововводитель, умѣвшій воспользоваться своимъ положеніемъ; отрицали семейственность и всѣ ея условія, порицали дѣйствія высшихъ сановниковъ и даже священной особы ваш. вел.; разсматривали разные государственные вопросы въ отношеніи перемѣнъ судопроизводства, освобожденія крестьянъ и свободы книгопечатанія и разсуждали о способахъ вооружать подчиненныхъ противъ начальства.

Въ то же время, именно въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 года, подобныя собранія бывали и у другихъ лицъ, какъ-то: у литератора отставного колл. асс. Дурова и тит. сов. Кашкина, у коихъ собирались большею частью лица, бывавшія и на собраніяхъ у Петрашевскаго.

Собранія у литератора Дурова были немногочисленныя и существовали съ первыхъ чиселъ марта до половины апрѣля сего года, по одному разу въ недѣлю. Они заведены были сначала съ цѣлью музыкально-литературною, но впослѣдствіи и на нихъ начали читать сочиненія въ либеральномъ духѣ, и предположено было заняться общими силами разработываніемъ статей противъ правительства и распространеніемъ ихъ посредствомъ тайной домашней типографіи, что однако жъ не было исполнено.

Собранія у Кашкина начались въ октябрѣ 1848 г. и продолжались до новаго года (по одному разу въ недѣлю). Потомъ, по случаю пріѣзда къ Кашкину родителей, собранія сіи перешли на нѣкоторое время къ товарищу Кашкина, чиновнику Отто, но съ половины февраля 1849 года снова перешли къ Кашкину и продолжались до апрѣля сего года.

Цѣль сихъ собраній состояла въ изученіи системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, преимущественно системы Фурье, и въ примѣненіи ихъ къ быту Россіи, какъ это обнаружилось изъ бумагъ, опечатанныхъ у нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ Кашкина.

Между лицами, собиравшимися у Кашкина, сдѣлано было соглашеніе составить, на общихъ издержкахъ, библіотеку изъ соціальныхъ и либеральныхъ книгъ, которыя и выписывались чрезъ посредство Буташевича-Петрашевскаго. Увлеченіе ихъ системою Фурье *дошло до того*, что положено было сдѣлать на общія деньги обѣдъ въ честь Фурье, который и былъ данъ въ день его рожденія, именно 7 апрѣля, при чемъ нѣкоторыми произнесены были преступныя рѣчи противъ существующаго порядка и положено было, для распространенія ученія Фурье, перевести главныя сочиненія его на русскій языкъ.

Чтобы всѣ сіи собранія имѣли единство дѣйствій или взаимное между собою согласіе и принадлежали къ организованнымъ тайнымъ обществамъ, по дѣлу не открыто, хотя видно, что нѣкоторые изъ посѣтителей бывали попеременно на всѣхъ трехъ собраніяхъ; равно не обнаруживается, чтобы лица тѣ имѣли съ кѣмъ-либо преступныя сношенія внутри Россіи.

Между тѣмъ, въ концѣ 1848 года Буташевичъ-Петрашевскій пытался уже образовать тайныя общества, отдѣльно отъ своихъ собраній, и въ этихъ видахъ, изъ числа лицъ, оказавшихъ болѣе свободомыслія, старался сблизить Спѣшнева съ Черносвистовымъ и имѣлъ съ ними разговоры о возможности возстанія въ Сибири. Потомъ сводилъ Спѣшнева съ Момбелли и участвовалъ съ ними и другими двумя подсудимыми, Львовымъ и Дебу 1, въ совѣщаніяхъ объ учрежденіи тайнаго общества подъ названіемъ, какъ сами они выражались, товарищества или братства взаимной помощи, изъ

прогрессистовъ и людей передовыхъ мнѣній, которые бы могли двинуть гражданскій бытъ впередъ, на новыхъ началахъ, посредствомъ возвышенія другъ друга, при чемъ Спѣшневъ читалъ планъ на возстаніе, а Львовъ опредѣлялъ формы общества; однако жъ это общество, по разномыслію членовъ, не состоялось.

Сверхъ того, изъ найденнаго въ бумагахъ Спѣшнева проекта обязательной подписки открывалось подозрѣніе о дѣйствительномъ существованіи тайнаго общества, подъ названіемъ Русскаго. Въ проектѣ этомъ заключается обязательствомъ, для вступленія въ русское тайное общество, участвовать въ бунтѣ вооруженною рукою, по требованію распорядительнаго комитета, и афильировать въ общество новыхъ членовъ. Но чтобы дѣйствительно существовало такое общество, не открыто. Самъ Спѣшневъ отозвался, что подписка та была имъ написана въ видѣ проекта за нѣсколько лѣтъ назадъ, во время нахожденія его заграницею, когда онъ занимался изученіемъ исторіи тайныхъ обществъ. У другихъ обвиняемыхъ, несмотря на внезапное арестованіе ихъ бумагъ, подобной копіи не найдено, и ни одинъ ни собственнымъ сознаніемъ, ни опечатанными бумагами не уличенъ, чтобы зналъ о существованіи этого обязательства.

Что касается выведеннаго по наблюденію агентовъ подозрѣнія на Петра Шапошникова и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, о *преступныхъ ихъ замыслахъ противъ правительства*, то, при самомъ внимательномъ изслѣдованіи комиссіи, не подтвердилось, чтобы они дѣлали какія-либо покушенія къ злоумышленію. Обнаружено только, что Шапошниковъ, имѣя вредный образъ мыслей и будучи подстрекаемъ посѣщавшими его Толстовымъ и Катеневымъ—людьми развратнаго поведенія,—имѣлъ съ ними у себя въ квартирѣ преступные разговоры о религіи и правительствѣ, при чемъ одинъ разъ Катеневъ сдѣлалъ въ пьяномъ видѣ вызовъ на цареубійство.

Кромѣ подсудимыхъ, были въ соприкосновенности къ сему дѣлу многія лица; но какъ по изслѣдованію оказалось, что они или не принимали прямого участія въ преступныхъ замыслахъ, или вовлечены были къ тому случайно, чрезъ посредство другихъ, то всѣ они, какъ маловиновные, по высочайшему милосердію освобождены уже отъ преслѣдованія законовъ, съ учрежденіемъ за ними секретнаго надзора.

Затѣмъ, по свойству виновности, признаны подлежащими окончательному судебному разбору вышепоименованные 23 человѣка.

Дѣйствія каждаго изъ подсудимыхъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. Буташевичъ-Петрашевскій еще въ 1839 году, бывши воспитанникомъ въ Александровскомъ лицеѣ[1]), былъ замѣченъ въ либеральномъ образѣ мыслей; по выходѣ же оттуда и по окончаніи въ 1841 году курса въ университетѣ, либеральное направленіе въ немъ еще болѣе укоренилось отъ изученія соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье. *Избравъ* изученіе этихъ системъ, какъ *средство* къ достиженію преступнаго замысла на ниспроверженіе настоящаго государственнаго устройства, онъ употреблялъ разныя средства къ осуществленію своего предположенія: раздавалъ знакомымъ, для чтенія, запрещенныя книги и періодическія изданія, которыя выписывалъ тайно изъ-за границы, старался поселять несогласныя съ духомъ правительства мысли въ юношествѣ, посредствомъ знакомыхъ ему учителей, и съ этою же цѣлью самъ, въ 1844 году просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, а когда ему въ томъ было отказано, покушался поселять зловредныя идеи въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ лицея, посѣ-

[1]) По разсчету ему не было тогда и 15 лѣтъ.

щавшихъ его по праздничнымъ днямъ. Трехъ изъ нихъ, имѣвшихъ отъ 14 до 15 лѣтъ, онъ въ самое короткое время *успѣлъ довести до того*, что въ нихъ обнаружилось *скептическое* направленіе мыслей относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка.

Послѣ того, именно въ 1845 году, онъ, для достиженія своей *цѣли*, замыслилъ уже дѣйствовать посредствомъ пропаганды своихъ убѣжденій, и въ этихъ видахъ, имѣя большой кругъ знакомства, началъ собирать у себя по пятницамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, преимущественно изъ воспитателей, литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ, и вообще лицъ разныхъ сословій, въ коихъ обнаруживался одинаковый съ его образъ мыслей. Самъ Буташевичъ-Петрашевскій преимущественно возбуждалъ вопросы о перемѣнѣ судопроизводства и объ освобожденіи крестьянъ, но и въ разговорахъ по прочимъ предметамъ принималъ дѣятельное участіе, высказывая предположенія свои къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка, въ смыслѣ системъ соціальныхъ и коммунистическихъ.

Въ концѣ 1848 года Петрашевскій возымѣлъ замыселъ къ скорѣйшему достиженію переворота уже не посредствомъ пропаганды, а дѣйствіями насильственными, и пытался образовать тайныя общества. Замѣтивъ, что пріѣзжій изъ Сибири Черносвитовъ обнаруживаетъ *свободомысліе*, онъ старался сблизить его со Спѣшневымъ и имѣлъ съ ними сужденіе о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ. Потомъ, узнавъ отъ Момбелли о предположеніи составить тайное общество, Петрашевскій свелъ его со Спѣшневымъ, пригласилъ къ участію въ обществѣ Дебу 1 и имѣлъ съ ними и Львовымъ неоднократныя совѣщанія о способахъ къ образованію общества, при чемъ доказывалъ его необходимость на тотъ конецъ, чтобы, когда придетъ время, были люди готовые. Спѣшневъ же читалъ планъ, предлагая, въ числѣ другихъ средствъ, возстаніе. Когда же общество, по разногласію совѣщавшихся, не состоялось, то Петрашевскій вновь старался возобновить совѣщанія и сходился съ другими въ квартирѣ Львова, что однако также осталось безъ послѣдствій. Вообще Петрашевскій, въ дѣйствіяхъ своихъ въ послѣднее время, показывалъ явную наклонность къ произведенію реформы, а 7 апрѣля, на обѣдѣ въ честь Фурье, произнесъ рѣчь въ духѣ соціальномъ, называя себя старѣйшимъ *пропагаторомъ* въ Россіи, усиливался доказать, что настоящее устройство общественнаго быта не соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ и должно быть преобразовано; въ заключеніе же рѣчи сказалъ такъ: „мы осудили на смерть настоящій бытъ общества; надо же приговоръ намъ исполнить“.

При слѣдствіи Петрашевскій не только не изъявлялъ раскаянія въ поступкахъ, но объявилъ, что, стремясь къ достиженію полной совершенной реформы быта общественнаго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ. Притомъ онъ дѣлалъ многіе дерзкіе и неумѣстные отзывы, покушенія тайнымъ образомъ склонить къ запирательству прочихъ подсудимыхъ и, усиливаясь доказать мнимую благонадежность соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье, сравнивалъ участь свою и единомышленниковъ съ участью первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Вообще Петрашевскій, по замѣчанію слѣдственной коммиссіи, во все время содержанія въ крѣпости, одинъ изъ всѣхъ арестантовъ велъ себя предосудительно, являлся дерзкимъ и и наглымъ, притворялся сумасшедшимъ и старался наговаривать на другихъ, чтобы облегчить свое обвиненіе.

ышеизложенныя преступныя дѣйствія Петрашевскаго, кромѣ показаній многихъ
азываются найденными у него бумагами, изъ коихъ обнаруживается явное
его къ перемѣнѣ существующаго въ Россіи порядка и отсутствіе въ немъ
о чувства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно одно со-
которомъ онъ дерзнулъ назвать Іисуса Христа демагогомъ, нѣсколько не-
ившимъ свою карьеру.

того, Петрашевскій, при разспросахъ въ слѣдственной коммиссіи о связяхъ
ымъ Черносвитовымъ, самъ показалъ, что Черносвитовъ въ концѣ 1848
ратно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, и хотя Петрашевскій не гово-
онъ раздѣлялъ это безумное предложеніе, но объ этомъ начальству въ то
носилъ. Черносвитовъ же въ этомъ не сознался.

левъ, во время четырехлѣтняго пребыванія заграницею (съ 1842 по
будучи проникнутъ духомъ либерализма, возымѣлъ, по собственному со-
слелъ составить тайное общество въ Россіи, съ цѣлью произвести рефор-
ie всѣхъ сословій. По возвращеніи въ 1846 году въ Петербургъ онъ,
чать собранія Петрашевскаго, принималъ участіе въ преступныхъ разгово-
одномъ собраніи читалъ рѣчь о религіи, въ которой, отвергая бытіе Бога,
зланіе распространить соціализмъ, атеизмъ, терроризмъ. Въ концѣ 1848 и
849 годовъ Спѣшневъ, бывая на собраніяхъ Дурова, Кашкина и Плещеева,
бнаруживалъ преступныя предположенія: именно у Плещеева вызвался
раницей запрещенныя книги, что однако не было принято; у Дурова
аствовалъ въ совѣщаніяхъ завести тайную литографію для распространенія
тивъ правительства; когда же предположеніе это не состоялось, то Спѣш-
рился устроить у себя типографію, съ тѣмъ, чтобы, дѣйствуя независимо
другихъ, производить печатаніе по своему произволу; для этого, за день
нія, онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторыя типографскія принадлежности.
лись у Петрашевскаго съ Черносвитовымъ, имѣлъ съ ними преступные
о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ, а вслѣдъ затѣмъ уча-
ю предложенію Момбелли, вмѣстѣ съ нимъ, Петрашевскимъ, Львовымъ и
Дур[illegible] злоумышленныхъ совѣщаніяхъ объ учрежденіи тайнаго общества, съ комитетомъ изъ учредителей. При совѣщаніи Спѣшневъ читалъ написанный имъ планъ о различныхъ внѣправительственныхъ путяхъ дѣйствія (іезуитскомъ, пропагандномъ и чрезъ возстаніе) и, признавая за лучшее соединить всѣ эти пути дѣйствія, предложилъ планъ тайнаго общества на возстаніе.

Кромѣ того, Спѣшневъ участвовалъ въ обѣдѣ, данномъ 7 апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, при чемъ были произнесены въ высшей степени преступныя рѣчи, и положено было, для лучшаго распространенія ученія Фурье, перевести его на русскій языкъ. На обѣдѣ у Спѣшнева читана была Григорьевымъ статья *„Солдатская бесѣда“*, которая потомъ хранилась у Спѣшнева.

При разсмотрѣніи опечатанныхъ у Спѣшнева бумагъ найденъ написанный имъ и неоконченный проектъ подписки для вступающаго въ Русское тайное общество, съ обязательствомъ принимать другихъ въ члены общества и съ изъявленіемъ готовности участвовать въ бунтѣ вооруженною рукою, по требованію распорядительнаго комитета.

Въ отношеніи этой подписки Спѣшневъ показалъ, что она была имъ составлена нѣсколько лѣтъ назадъ, во время пребыванія за границею, когда онъ, занимаясь изу-

щавшихъ его по праздничнымъ днямъ. Трехъ изъ нихъ, имѣвшихъ отъ 14 до 15
онъ въ самое короткое время *успѣлъ довести до того*, что въ нихъ обнару
скептическое направленіе мыслей относительно предметовъ вѣры и существу
общественнаго порядка.

Послѣ того, именно въ 1845 году, онъ, для достиженія своей *цѣли*, зам
уже дѣйствовать посредствомъ пропаганды своихъ убѣжденій, и въ этихъ видахъ
большой кругъ знакомства, началъ собирать у себя по пятницамъ нѣкоторы
своихъ знакомыхъ, преимущественно изъ воспитателей, литераторовъ и студентов
чившихъ или оканчивавшихъ курсъ, и вообще лицъ разныхъ сословій, въ кон
руживался одинаковый съ его образъ мыслей. Самъ Буташевичъ-Петрашевскій
щественно возбуждалъ вопросы о перемѣнѣ судопроизводства и объ осво
крестьянъ, но и въ разговорахъ по прочимъ предметамъ принималъ дѣятельное
высказывая предположенія свои къ измѣненію существующаго въ Россіи поря
смыслѣ системъ соціальныхъ и коммунистическихъ.

Въ концѣ 1848 года Петрашевскій возымѣлъ замыселъ къ скорѣйшему до
переворота уже не посредствомъ пропаганды, а дѣйствіями насильственными, і
образовать тайныя общества. Замѣтивъ, что пріѣзжій изъ Сибири Черносвито
руживаетъ *свободомысліе*, онъ старался сблизить его со Спѣшневымъ и и
ними сужденіе о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ. Потомъ, уз
Момбелли о предположеніи составить тайное общество, Петрашевскій свелъ
Спѣшневымъ, пригласилъ къ участію въ обществѣ Дебу 1 и имѣлъ съ ними
вымъ неоднократныя совѣщанія о способахъ къ образованію общества, при ч
казывалъ его необходимость на тотъ конецъ, чтобы, когда придетъ время, был
готовые. Спѣшневъ же читалъ планъ, предлагая, въ числѣ другихъ средствъ, во
Когда же общество, по разногласію совѣщавшихся, не состоялось, то Петраш
вновь старался возобновить совѣщанія и сходился съ другими въ квартирѣ Ль.
что однако также осталось безъ послѣдствій. Вообще Петрашевскій, въ дѣйств
своихъ въ послѣднее время, показывалъ явную наклонность къ произведенію рефор
а 7 апрѣля, на обѣдѣ въ честь Фурье, произнесъ рѣчь въ духѣ соціальномъ, называя
себя старѣйшимъ *пропагаторомъ* въ Россіи, усливался доказать, что настоящее устрой-
ство общественнаго быта не соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ и должно
быть преобразовано; въ заключеніе же рѣчи сказалъ такъ: „мы осудили на смерть
настоящій бытъ общества; надо же приговоръ намъ исполнить“.

При слѣдствіи Петрашевскій не только не изъявлялъ раскаянія въ поступкахъ, но
объявилъ, что, стремясь къ достиженію полной совершенной реформы быта обществен-
наго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ.
Притомъ онъ дѣлалъ многіе дерзкіе и неумѣстные отзывы, покушенія тайнымъ обра-
зомъ склонить къ запирательству прочихъ подсудимыхъ и, усиливаясь доказать мнимую
благонадежность соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье, сравнивалъ участь свою
и единомышленниковъ съ участью первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Вообще Пе-
трашевскій, по замѣчанію слѣдственной коммиссіи, во всѣ время содержанія въ крѣ-
пости, одинъ изъ всѣхъ арестантовъ велъ себя предосудительно, являлся дерзкимъ
и наглымъ, притворялся сумасшедшимъ и старался наговаривать на другихъ, чтоб
облегчить свое обвиненіе.

Всѣ вышеизложенныя преступныя дѣйствія Петрашевскаго, кромѣ показаній многихъ лицъ, доказываются найденными у него бумагами, изъ коихъ обнаруживается явное стремленіе его къ перемѣнѣ существующаго въ Россіи порядка и отсутствіе въ немъ религіознаго чувства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно одно сочиненіе, въ которомъ онъ дерзнулъ назвать Іисуса Христа демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру.

Сверхъ того, Петрашевскій, при разспросахъ въ слѣдственной коммиссіи о связяхъ съ подсудимымъ Черносвитовымъ, самъ показалъ, что Черносвитовъ въ концѣ 1848 года неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, и хотя Петрашевскій не говоритъ, чтобы онъ раздѣлялъ это безумное предложеніе, но объ этомъ начальству въ то время не доносилъ. Черносвитовъ же въ этомъ не сознался.

2. Спѣшневъ, во время четырехлѣтняго пребыванія заграницею (съ 1842 по 1846 годъ), будучи проникнутъ духомъ либерализма, возымѣлъ, по собственному сознанію, замыселъ составить тайное общество въ Россіи, съ цѣлью произвести реформою уравненіе всѣхъ сословій. По возвращеніи въ 1846 году въ Петербургъ онъ, начавъ посѣщать собранія Петрашевскаго, принималъ участіе въ преступныхъ разговорахъ, а на одномъ собраніи читалъ рѣчь о религіи, въ которой, отвергая бытіе Бога, изъявлялъ желаніе распространить соціализмъ, атеизмъ, терроризмъ. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 годовъ Спѣшневъ, бывая на собраніяхъ Дурова, Кашкина и Плещеева, также обнаруживалъ преступныя предположенія: именно у Плещеева вызвался печатать за границей запрещенныя книги, что однако не было принято; у Дурова Спѣшневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ завести тайную литографію для распространенія сочиненій противъ правительства; когда же предположеніе это не состоялось, то Спѣшневъ вознамѣрился устроить у себя типографію, съ тѣмъ, чтобы, дѣйствуя независимо и тайно отъ другихъ, производить печатаніе по своему произволу; для этого, за день до арестованія, онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторыя типографскія принадлежности. Познакомившись у Петрашевскаго съ Черносвитовымъ, имѣлъ съ ними преступные разговоры о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ, а вслѣдъ затѣмъ участвовалъ, по предложенію Момбелли, вмѣстѣ съ нимъ, Петрашевскимъ, Львовымъ и Дебу 1, въ злоумышленныхъ совѣщаніяхъ объ учрежденіи тайнаго общества, съ комитетомъ изъ учредителей. При совѣщаніи Спѣшневъ читалъ написанный имъ планъ о различныхъ внѣправительственныхъ путяхъ дѣйствія (іезуитскомъ, пропагандномъ и чрезъ возстаніе) и, признавая за лучшее соединить всѣ эти пути дѣйствія, предложилъ планъ тайнаго общества на возстаніе.

Кромѣ того, Спѣшневъ участвовалъ въ обѣдѣ, данномъ 7 апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, при чемъ были произнесены въ высшей степени преступныя рѣчи, и положено было, для лучшаго распространенія ученія Фурье, перевести его на русскій языкъ. На обѣдѣ у Спѣшнева читана была Григорьевымъ статья *„Солдатская бесѣда“*, которая потомъ хранилась у Спѣшнева.

При разсмотрѣніи опечатанныхъ у Спѣшнева бумагъ найденъ написанный имъ и неоконченный проектъ подписки для вступающаго въ Русское тайное общество, съ обязательствомъ принимать другихъ въ члены общества и съ изъявленіемъ готовности участвовать въ бунтѣ вооруженною рукою, по требованію распорядительнаго комитета.

Въ отношеніи этой подписки Спѣшневъ показалъ, что она была имъ составлена нѣсколько лѣтъ назадъ, во время пребыванія за границею, когда онъ, занимаясь изу-

ченіемъ исторіи тайныхъ обществъ вообще, думалъ объ учрежденіи такого же въ Россіи, но впослѣдствіи начатую имъ исторію уничтожилъ, о подпискѣ же, заронившейся между бумагами, забылъ и никому ее не показывалъ.

Чтобы подписка эта была составлена для какого-нибудь существовавшаго общества, по дѣлу не открыто; ни у одного изъ обвиненныхъ подобной подписки не найдено, и ни одинъ ни собственнымъ сознаніемъ, ни опечатанными бумагами не уличенъ, чтобъ зналъ о существованіи этого обязательства.

Слѣдственная комиссія, не убѣждаясь такимъ отрицательствомъ Спѣшнева, требовала откровеннаго объясненія о сей подпискѣ, объявивъ ему 157 статью уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Однако же Спѣшневъ и за симъ положительно утвердилъ, что русское тайное общество не существовало, и что подписка та была лишь проектъ.

Въ доказательство же искренности показанія Спѣшневъ самъ добровольно открылъ о преступныхъ разговорахъ съ Черносвитовымъ и о составленіи, по предложенію поручика Момбелли, тайнаго общества, тогда какъ объ этомъ не представлялось ни малѣйшихъ видовъ по дѣлу; давъ это показаніе, Спѣшневъ кончилъ объясненіе словами: „теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь, я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать“.

3. *Момбелли*, будучи, какъ самъ выражается, самымъ гнуснымъ либераломъ, въ зиму 46—47 годовъ, завелъ у себя еженедѣльные литературные вечера и читалъ на нихъ писанныя и переведенныя сочиненія въ либеральномъ духѣ. По прекращеніи вечеровъ, въ февралѣ 1847 г., Момбелли, познакомившись съ Петрашевскимъ, постоянно посѣщалъ его собранія; однажды, по словамъ Момбелли, при немъ сдѣлались насмѣшки надъ чинами высшихъ классовъ и дерзко отзывались о священной особѣ вашего величества. Самъ Момбелли, сочувствуя, по собственному выраженію, всему либеральному и идеѣ республиканскаго правленія, принималъ участіе въ преступныхъ разговорахъ, слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго и намѣренъ былъ распространить это письмо, для чего и отдалъ списывать съ него копіи. Кромѣ того, въ концѣ 1847 года, Момбелли возымѣлъ умыселъ составить тайное общество съ цѣлью преобразовать гражданскій бытъ Россіи, сдѣлалъ предложеніе Львову, Петрашевскому и Спѣшневу и имѣлъ съ ними и Дебу 1 по этому случаю совѣщаніе, при чемъ предлагалъ составить комитетъ изъ учредителей для управленія обществомъ и произнесъ рѣчь о необходимости хранить все это втайнѣ, упомянувъ, въ видѣ угрозы, про смерть измѣннику; а подсудимый Спѣшневъ читалъ планъ тайнаго общества на возстаніе. Когда же учрежденіе общества не состоялось, по разномыслію совѣщавшихся, то Момбелли, по собственному сознанію, покушался возобновить переговоры о семъ съ Петрашевскимъ, Львовымъ и Дебу 1, однако жъ безуспѣшно.

Всѣ сіи дѣйствія Момбелли, кромѣ собственнаго сознанія, доказываются показаніями другихъ лицъ, участвовавшихъ съ нимъ въ совѣщаніяхъ о тайномъ обществѣ.

Въ рукописныхъ сочиненіяхъ Момбелли заключаются многія демагогическія мысли въ отношеніи Россіи и въ высшей степени дерзкія выраженія противъ священной особы вашего величества и даже воззваніе къ уничтоженію императорскаго достоинства. Впрочемъ, чтобы сочиненія эти были имъ читаны кому-либо, по дѣлу положительно не открыто.

4. Григорьевъ, познакомившись въ концѣ 1848 года съ Петрашевскимъ, бывалъ у него на собраніяхъ, *слушалъ разговоры*. Посѣщалъ собранія у Дурова, гдѣ были читаны сочиненія въ либеральномъ духѣ, и предполагалось писать статьи противъ правительства и распространять ихъ посредствомъ домашней литографіи. Самъ Григорьевъ взялся описывать злоупотребленія военныя и написалъ статью въ высшей степени преступнаго и возмутительнаго содержанія: „*Солдатская Бесѣда*“; читалъ ее на обѣдѣ у Спѣшнева и передавалъ другимъ лицамъ для прочтенія. Сочиненіе это какъ по содержанію, такъ и по слогу, приноровленному къ понятію солдатъ, могло увлекательно дѣйствовать какъ на нихъ, такъ и на народъ.

Въ преступленіяхъ сихъ Григорьевъ самъ признался и, принося раскаяніе, отозвался, что онъ написалъ ее по увлеченію дурными идеями и во время болѣзненнаго припадка, отъ неудовольствія на обиды полкового командира.

5. Львовъ, посѣщая, съ октября 1848 года, собранія Петрашевскаго, слушалъ разговоры, письмо Бѣлинскаго. Въ мартѣ 1849 г. посѣщалъ Дурова, гдѣ читались либеральныя статьи, и предполагалось завести домашнюю литографію. Въ концѣ 1848 года участвовалъ въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества, при чемъ самъ излагалъ формы для общества, а когда оно не состоялось, то Львовъ, по предложенію Петрашевскаго, изъявилъ согласіе возобновить предположеніе о немъ, для чего Петрашевскій, Момбелли и Дебу 1 собрались въ его квартиру и имѣли дальнѣйшія совѣщанія.

Львовъ, сознавая себя виновнымъ во всѣхъ означенныхъ преступленіяхъ, обвиняетъ себя въ гнусной неблагодарности къ благодѣтельствовавшему ему, съ ранняго дѣтства, государю и молилъ Бога о позволеніи умереть, удостоившись великодушнаго прощенія государя.

6. *Филиппов*ъ, посѣщавшій съ 1848 года Петрашевскаго, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ происходившихъ тамъ преступныхъ разсужденіяхъ, осуждалъ образъ правленія и не разъ говорилъ безъ уваженія о царскомъ санѣ, стараясь, какъ самъ объясняетъ, выказать свои либеральныя мысли съ цѣлью поколебать тѣ понятія, на коихъ у насъ основаны отношенія между начальниками и подчиненными. На собраніяхъ Дурова онъ первый сдѣлалъ предложеніе завести домашнюю литографію для распространенія статей противъ правительства; а когда это предложеніе было отвергнуто, то онъ, по соглашенію съ подсудимымъ Спѣшневымъ, вознамѣрился устроить типографію и доставилъ къ Спѣшневу нѣкоторыя типографскія принадлежности. Кромѣ того, на обѣдѣ у Спѣшнева слушалъ „*Солдатскую Бесѣду*“. Въ бумагахъ Филиппова найдено написанное имъ въ возмутительномъ духѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Толкованіе десяти заповѣдей*. Въ сочиненіи этомъ, клонящемся къ разрушенію какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ убѣжденій въ народѣ, Филипповъ истолковалъ въ превратномъ смыслѣ нѣкоторыя изреченія священнаго писанія съ цѣлью возбудить подчиненныхъ противъ начальства, крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Филипповъ, съ перваго допроса сознавшись во всемъ вышеизложенномъ, объяснилъ, что хотя толкованіе десяти заповѣдей написано имъ съ цѣлью распространять ложныя мысли о божественномъ Писаніи, но онъ никому этого сочиненія не показывалъ.

Филипповъ, тронутый назидательнымъ письмомъ своего отца, приноситъ въ преступленіяхъ своихъ раскаяніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „моя послѣдняя надежда остается только на Бога и милосердіе государя. Молю дать мнѣ средство доказать нашему общему отцу на землѣ, что онъ еще можетъ найти во мнѣ вѣрнаго сына“.

7. *Ахшарумовъ*, познакомившись съ Петрашевскимъ въ декабрѣ 1848 года, бывалъ у него на собраніяхъ, участвовалъ въ разговорахъ, *слышалъ разсужденія;* былъ на собраніяхъ у Кашкина, имѣвшихъ цѣлью распространеніе соціальныхъ системъ, на обѣдѣ 7 апрѣля произнесъ рѣчь, въ которой, осуждая настоящее устройство, доказывалъ необходимость переворота, уничтоженіе семейной жизни, собственности, государства, законовъ, войска, городовъ и храмовъ. Такія же мысли, но еще съ большею дерзостью, выражалъ Ахшарумовъ въ рукописныхъ сочиненіяхъ: излагалъ необходимость измѣнить правленіе, сперва въ конституціонное, а потомъ въ республиканское, исчислялъ удобныя средства и выразилъ готовность содѣйствовать къ осуществленію своихъ убѣжденій, презирая всѣ препятствія и жертвуя самою жизнію. Кромѣ того, онъ употреблялъ въ высшей степени дерзкія выраженія о правительствѣ, членахъ императорской фамиліи и священной особѣ в. в. Бумаги эти переданы имъ Дебу 2, у котораго и найдены.

При слѣдствіи, Ахшарумовъ показалъ, что преступныя идеи развились въ немъ при чтеніи соціальныхъ книгъ, которыя онъ получалъ отъ Петрашевскаго, и въ минуты дурного расположенія отъ огорчавшихъ его несправедливо обстоятельствъ; рѣчь же, читанную на обѣдѣ, онъ написалъ изъ одного тщеславія предъ товарищами. Онъ проситъ помилованія въ письмѣ: „Государь мой! прости меня! увлеченный чтеніемъ непозволенныхъ книгъ, въ заблужденіи, въ моихъ мысляхъ даже осуждалъ я тебя, писалъ безразсудныя, безсмысленныя слова, прости мнѣ ихъ въ память заслугъ отца моего!“

8. *Ханыковъ* посѣщалъ собранія Петрашевскаго съ 1846 года, слышалъ разсужденія, участвовалъ съ Петрашевскимъ въ выписываніи запрещенныхъ книгъ и, увлеченный либеральными идеями, особенно Фурье, стремился распространять оныя въ Россіи переводомъ. На обѣдѣ 7 апрѣля произнесъ въ высшей степени преступную рѣчь, клонившуюся къ ниспроверженію существующаго порядка, и увѣщевалъ слушателей стремиться къ преобразованію общественнаяго быта; отвергалъ семейственность и религію.

Во всемъ этомъ Ханыковъ самъ сознался, объясняя, что кромѣ того онъ говорилъ неприличныя рѣчи о правительствѣ, говорилъ и даже думалъ о тайныхъ обществахъ, но потомъ все оставилъ.

9. Дебу 1. Познакомился съ Петрашевскимъ въ концѣ 1848 г., былъ на собраніяхъ, слушалъ разговоры, участвовалъ въ собраніяхъ у Кашкина, гдѣ разсуждали о возможности примѣнить ученіе Фурье къ быту Россіи, и предполагалось составить библіотеку изъ запрещенныхъ книгъ, которыя отданы были въ его распоряженіе. Былъ на обѣдѣ 7 апрѣля, слышалъ рѣчи, изъявилъ согласіе переводить сочиненія Фурье.

Въ декабрѣ 1848 года участвовалъ въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества. При слѣдствіи Дебу объяснилъ, что онъ, узнавъ о сущности предположенія, отказался отъ участія, сказалъ, что ни къ какому тайному обществу принадлежать не хочетъ (это подтвердилъ Петрашевскій и Момбелли, при чемъ Петрашевскій объяснилъ, что Дебу совѣтовалъ и ему отстать отъ этого общества), не донесъ же потому, что общество не состоялось; Дебу показалъ, что онъ ни словомъ, ни дѣломъ не способствовалъ распространенію вредныхъ идей, а всегда былъ преданъ правительству.

10. Дебу 2. Посѣщалъ собранія у Петрашевскаго 1847 года, слышалъ разговоры, бывалъ на собраніяхъ у Кашкина, гдѣ участвовалъ въ составленіи общей библіотеки изъ соціальныхъ и либеральныхъ книгъ; 7 апрѣля, послѣ рѣчей, произнесенныхъ Петрашевскимъ, Ахшарумовымъ и Ханыковымъ, сдѣлалъ предложеніе о переводѣ на русскій языкъ сочиненій Фурье и согласился быть, въ числѣ другихъ, редакторомъ переводовъ.

При обыскѣ у Дебу 2 найдено нѣсколько запрещенныхъ книгъ и выписокъ изъ сочиненій разныхъ соціалистовъ; кромѣ того, у него хранилась тетрадь сочиненій Ахшарумова.

Сочиненіе это, по показанію Ахшарумова, дано было Дебу 2 для прочтенія, а Дебу сознался, что хотѣлъ отвѣчать Ахшарумову, описавъ свою жизнь и свои намѣренія.

11. *Кашкинъ*. Въ послѣдніе 2 мѣсяца 1848 года и въ великомъ посту 1849 дѣлалъ у себя еженедѣльно вечера, на которыхъ бывали нѣкоторые, посѣщавшіе Петрашевскаго. Разсуждали преимущественно о системѣ Фурье, въ видахъ примѣненія и распространенія ея въ Россіи, при чемъ Кашкинъ читалъ рѣчь въ преступныхъ выраженіяхъ противъ Бога и общественнаго устройства, приводилъ мнѣнія атеистовъ, очевидно раздѣляя ихъ; участвовалъ въ учрежденіи библіотеки, присутствовалъ на обѣдѣ 7 апрѣля. На другой день былъ у Петрашевскаго, слушалъ разговоры, но участія въ нихъ не принималъ и послѣ того у Петрашевскаго не былъ.

Въ бумагахъ Кашкина, кромѣ этой рѣчи, найденъ еще проектъ письма, въ которомъ онъ также обнаруживалъ невѣріе словами: „Богъ, если Ты существуешь, помоги мнѣ!“ При допросахъ раскаялся, обратился къ религіознымъ чувствамъ и выразилъ, что въ случаѣ прощенія онъ оправдаетъ довѣріе.

12. *Дуровъ* посѣщалъ Петрашевскаго съ 1847 г., слушалъ разговоры, а на одномъ собраніи самъ говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что родство опутываетъ человѣка. Въ мартѣ 1849 г. самъ завелъ вечера, на которыхъ читались сочиненія въ либеральномъ духѣ, а однажды письмо Бѣлинскаго, и предполагалось завести домашнюю литографію, для распространенія статей противъ правительства. На обѣдѣ у Спѣшнева слышалъ чтеніе *„Солдатской Бесѣды“*.

При слѣдствіи Дуровъ утверждалъ, что умысла противъ правительства не имѣлъ, преступное вкралось на вечера незамѣтно, и потому онъ ихъ тогда же прекратилъ. Въ бумагахъ Дурова ничего, относящагося къ дѣлу, не оказалось, но, по отзыву князя Голицына, сочиненія Дурова *легкомысленны, а въ нихъ проявляются безнравственныя чувства*. Слѣдственная же комиссія, обращая вниманіе на ходъ дѣйствій Дурова, замѣтила въ немъ *либеральное направленіе*.

13. *Достоевскій*, по собственному сознанію, посѣщалъ собранія у Петрашевскаго 3 года, *слушалъ сужденія*, самъ принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры, и на одномъ собраніи въ мартѣ 49 года прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію, у Спѣшнева слышалъ чтеніе *„Солдатской Бесѣды“*.

При слѣдствіи, сознаваясь въ участіи въ разговорахъ о возможности нѣкоторыхъ перемѣнъ и улучшеній, отозвался, что предполагалъ ожидать этого отъ правительства; письмо же Бѣлинскаго читалъ, какъ литературный памятникъ, будучи увѣренъ, что оно не можетъ никого привести въ соблазнъ.

14. *Плещеевъ* бывалъ въ теченіе 3 лѣтъ, разъ или два въ мѣсяцъ, на собраніяхъ у Петрашевскаго, гдѣ, какъ самъ объясняется, были обсуждаемы разныя мѣры противъ правительства, и разсматривалась необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ администраціи. Въ мартѣ 1849 года, находясь въ Москвѣ, прислалъ Достоевскому списокъ съ письма Бѣлинскаго. Кромѣ того, въ письмахъ къ Достоевскому и Дурову

излагалъ вольныя сужденія насчетъ пребыванія въ Москвѣ высочайшаго двора, выражалъ, что будто императорская фамилія встрѣтила въ Москвѣ очень мало симпатіи, и что всѣ желаютъ, чтобъ дворъ поскорѣе уѣхалъ. Въ этихъ же письмахъ Плещеевъ употребилъ дерзкіе отзывы насчетъ *начальства московскаго университета* и вообще обнаружилъ *либеральное направленіе мыслей*.

При слѣдствіи Плещевъ показалъ, что письмо Бѣлинскаго онъ отыскалъ случайно въ библіотекѣ умершаго дяди своего и прислалъ къ Достоевскому, какъ литературное произведеніе. Въ отношеніи же собственныхъ писемъ отозвался, что о недостаткѣ въ жителяхъ Москвы симпатіи къ императорской фамиліи упоминалъ отъ легкомыслія.

Примѣчаніе. По окончаніи суда мать Плещеева въ просьбѣ на высочайшее имя просила объ облегченіи участи ея сына, объясняя, что онъ впалъ въ преступленіе по молодости лѣтъ, и что она имѣла въ немъ единственную подпору. По докладу просьбы Государю послѣдовало повелѣніе: принять просьбу къ дѣлу и представить вмѣстѣ съ докладомъ ген.-аудиторіата.

15. *Головинскій* былъ два раза на собраніяхъ у Петрашевскаго, слышалъ разговоры и самъ принималъ въ нихъ участіе, доказывая необходимость предоставить крѣпостнымъ людямъ свободу; посѣщалъ собранія у Дурова, слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго, а у Спѣшнева „*Солдатскую Бесѣду*“.

Кромѣ того, изъ показаній двухъ подсудимыхъ, Филиппова и Григорьева, видно, что Головинскій, при разсужденіи о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ свободы, доказывалъ, что ихъ можно освободить безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ, и что при этомъ же, говоря объ измѣненіи образа правленія, сказалъ, что правленіе не можетъ измѣниться вдругъ, но прежде должна быть диктатура, какъ необходимое слѣдствіе реформы. Подобно сему показалъ и Пальмъ, объяснивъ, что Головинскій, говоря очень горячо, прибавилъ, что для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши.

Головинскій въ этомъ не признался, отзываясь, что онъ объ освобожденіи крестьянъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство, въ силу самодержавнаго права, а подъ диктатурой разумѣлъ самодержавіе. По засвидѣтельствованію слѣдственной комиссіи Головинскій оказывалъ явное упорство въ объясненіи истины и изворотливость при написаніи отвѣтовъ, которые излагалъ же въ томъ видѣ, какъ объяснялъ на словахъ.

16. *Толль.* Посѣщалъ Петрашевскаго съ 1846 г.; на одномъ изъ собраній самъ говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что религія происходитъ изъ чувства страха и не только не нужна, но даже вредна. Такое же отсутствіе религіознаго чувства въ найденномъ у Толля сочиненіи, написанномъ имъ же: „Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ“. Въ немъ Толль сравниваетъ Іисуса Христа съ основателями языческихъ вѣрованій.

При слѣдствіи Толль сознавался, что говорилъ рѣчь, но утверждалъ, что приводилъ заключеніе о ненадобности религіи не отъ себя, а какъ мнѣніе одного изъ германскихъ философовъ.

17. *Ястржембскій*, бывая неоднократно на собраніяхъ у Петрашевскаго, слышалъ разговоры и чтеніе письма Бѣлинскаго. Самъ онъ, принимая дѣятельное участіе въ сужденіяхъ, читалъ на нѣсколькихъ собраніяхъ лекціи о политической экономіи и статистикѣ *въ либеральномъ духѣ*, *дѣлалъ насмѣшки* надъ чинами высшихъ

классовъ и доказывалъ, что вообще государство не имѣетъ никакой цѣли, но что развитіе человѣчества должно быть по системѣ Фурье.

Все это подтверждается показаніями многихъ прикосновенныхъ лицъ и собственнымъ сознаніемъ Ястржембскаго.

Сверхъ того, двое [1]) изъ прикосновенныхъ къ дѣлу показали, что Ястржембскій, доказывая на одномъ собраніи у Петрашевскаго, что россійское государство имѣетъ цѣлью подчинить всѣхъ власти одного, отзывался рѣзко о сановникахъ и, сравнивая Россію съ Китаемъ, дерзалъ называть ваше величество *богдыханомъ*. Но самъ Ястржембскій въ этомъ не признался.

18. *Пальмъ*. Съ августа мѣсяца 47 года бывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго; участія въ разговорахъ не принималъ. Въ мартѣ 49, живя на одной квартирѣ съ Дуровымъ, участвовалъ въ бывшихъ у послѣдняго собраніяхъ, гдѣ слушалъ преступныя статьи, письмо Бѣлинскаго и предположенія учредить литографію. Слушалъ у Спѣшнева „*Солдатскую Бесѣду*“.

Въ бумагахъ Пальма ничего предосудительнаго не оказалось, напротивъ, въ литературныхъ и историческихъ сочиненіяхъ его, какъ увѣдомилъ князь Голицынъ, видна сильная любовь къ Россіи.

При слѣдствіи Пальмъ изъявилъ раскаяніе въ томъ, что присутствовалъ при чтеніяхъ и разговорахъ; онъ отозвался, что никакихъ преступныхъ замысловъ не имѣлъ и никогда либераломъ не былъ, но виноватъ въ томъ, что терпѣлъ либерализмъ въ другихъ.

Пальмъ проситъ милосердія ваш. вел.:

„Еслибъ я могъ,—говоритъ онъ,—молить о милосердіи того, кто неистощимо милосердъ къ несчастнымъ! Но я не стою ничего, я ничего не заслужилъ!“

19. *Европеусъ*. Посѣщалъ собранія у Кашкина, участвовалъ въ составленіи библіотеки и въ квартирѣ своей дѣлалъ, на общія деньги, обѣдъ 7 апрѣля. Избранъ, въ числѣ другихъ, редакторомъ переводовъ.

При слѣдствіи Европеусъ отозвался, что къ политическимъ перемѣнамъ никакого желанія не имѣлъ, а въ военномъ судѣ, изъявивъ искренное и совершенное раскаяніе, объяснилъ, что дѣйствія его произошли не отъ злонамѣренности, а отъ легкомысленія, по его молодости.

20. *Тимковскій*. Познакомился съ Петрашевскимъ въ октябрѣ 1848 года, бывалъ на 6 собраніяхъ. На одномъ изъ нихъ онъ читалъ рѣчь въ похвалу коммунистскихъ и соціальныхъ системъ, совѣтовалъ изучать ихъ для примѣненія къ Россіи, приглашалъ всѣхъ дѣйствовать и распространять ихъ, въ особенности ученіе Фурье, предлагалъ солидарность, чтобъ подвигать другъ друга и, достигнувъ значительныхъ мѣстъ по службѣ, имѣть вліяніе на правительство, для осуществленія своихъ намѣреній. Въ заключеніе совѣтовалъ устроить кружки для пропаганды фурьеризма. Отправившись въ декабрѣ 1848 г. въ Ревель, на службу, началъ распространять и тамъ ученіе Фурье и переводить соціальныя сочиненія на русскій языкъ. Но, встрѣтивъ со всѣхъ сторонъ возраженія и убѣдившись въ лживости ученія, прекратилъ распространеніе его и переводы.

При слѣдствіи Тимковскій, раскаиваясь, объяснилъ, что все это произошло по вліянію собраній у Петрашевскаго, и что тамъ онъ былъ доведенъ даже до безбожія:

---

[1]) Въ заключеніи ген.-аудиторіата трое.

но потомъ, убѣдившись во вредности этого ученія, ведущаго прямымъ путемъ къ безбожію, прекратилъ свои дѣйствія.

Хотя въ отношеніи означенной рѣчи Тимковскаго, Момбелли, Львовъ и Толль показывали, что въ рѣчи Тимковскій дѣлалъ возмутительныя предложенія, а Толль объяснилъ, что Тимковскій требовалъ безотлагательнаго исполненія своихъ предположеній къ возмущенію,—но самъ Тимковскій, отвергая это, объяснилъ, что онъ говорилъ въ смыслѣ возможности постепеннаго преобразованія государства по системѣ Фурье и неоднократно повторялъ, чтобы идти путемъ мира и убѣжденія. Самой же рѣчи не оказалось. Притомъ показанія Тимковскаго подтверждаютъ отчасти подсудимые Спѣшневъ и Достоевскій. Спѣшневъ показалъ, что хотя форма рѣчи Тимковскаго была нѣсколько горяча, но онъ положительно и добросовѣстно отклонялъ въ ней отъ всякаго политическаго переворота. Это подтвердилъ и Достоевскій. Равнымъ образомъ никто изъ прочихъ подсудимыхъ не показалъ, чтобы рѣчь Тимковскаго была въ возмутительномъ духѣ, въ томъ смыслѣ, какъ объяснили Момбелли, Львовъ и Толль.

21. *Шапошниковъ.* По собственному показанію Шапошниковъ, начитавшись разныхъ вредныхъ сочиненій, усвоилъ самый либеральный образъ мыслей и, находясь въ короткихъ отношеніяхъ съ бывшимъ студентомъ Толстовымъ и сыномъ почетнаго гражданина Катеневымъ, имѣлъ съ ними, у себя въ квартирѣ, преступные разговоры о религіи и правительствѣ, о преимуществахъ свободы и равенства и о возможности ввести въ Россіи республиканское правленіе, при чемъ одинъ разъ Катеневъ, бывъ въ пьяномъ видѣ, при немъ, Шапошниковѣ, и Толстовѣ, вызывался на цареубійство. О дѣйствительности такихъ разговоровъ *подтвердили Толстовъ* (впослѣдствіи прощенный) и Катеневъ; изъ нихъ Катеневъ, *кромѣ того, показалъ*, что Шапошниковъ, внушая ему развратныя мысли противъ религіи и правительства, разрушилъ его религіозныя убѣжденія, и что одинъ разъ Шапошниковъ произносилъ два дерзкіе стиха противъ священной особы в. в.

Самъ Шапошниковъ, при слѣдствіи, отозвался, что въ бесѣдѣ съ Толстовымъ и Катеневымъ дѣйствительно были разговоры о французской революціи, равенствѣ, о свободѣ человѣка и республикѣ, что изъ нихъ Толстовъ, выражая ненависть къ правительству, говорилъ, что въ Россіи можетъ быть республика; когда же Толстовъ узналъ, что Шапошниковъ хочетъ поступить въ актеры, то, совѣтуя оставить это намѣреніе, говорилъ, что можетъ дать ему другую дѣятельность, и что его ждетъ участь лучшая, ибо даръ слова его нуженъ на площади; однако-жъ онъ, Шапошниковъ, всегда противорѣчилъ въ этомъ Толстову. Самъ онъ никогда преступнаго противъ правительства не говорилъ и считалъ себя виновнымъ лишь въ томъ, что по страсти къ театру и чтенію имѣлъ разные дурные стихи, въ которыхъ находилось, можетъ быть, и повторенное имъ дерзкое выраженіе о священной особѣ в. в. Когда Катеневъ, въ пьяномъ видѣ, сказалъ, что убьетъ Царя, то онъ замѣтилъ Катеневу, что онъ нездоровъ и просилъ его уйти домой.

Въ военномъ судѣ Шапошниковъ, изъявляя раскаяніе въ своихъ поступкахъ, объявилъ, что не донесъ на Катенева потому, что не имѣлъ доказательствъ.

Кромѣ того, Шапошниковъ, *по показанію агента и одного изъ знакомыхъ*, навлекаетъ на себя подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ священной особы в. в., но самъ онъ въ томъ не сознавался, и положительныхъ доказательствъ къ изобличенію его не открыто.

22. *Катеневъ.* Участвовалъ съ Шапошниковымъ и Толстовымъ въ преступныхъ разговорахъ о правительствѣ и, желая, какъ самъ показываетъ, перемѣны общественнаго быта въ Россіи, разсуждалъ о возможности ввести въ ней республиканское правленіе; отзывался рѣзко о священной особѣ в. в. и одинъ разъ, въ пьяномъ видѣ, изъявилъ даже готовность на цареубійство. Кромѣ того, не признавая христіанской религіи и отвергая существованіе Бога, произносилъ богохульныя слова, публично, въ трактирѣ, и говорилъ, что религія выдумана.

Во время слѣдствія Катеневъ подвергся разстройству ума и былъ отправленъ въ больницу всѣхъ скорбящихъ. На запросъ военнаго суда, управляющій этой больницею увѣдомилъ, что Катеневъ одержимъ явнымъ помѣшательствомъ ума. Поэтому онъ спрошенъ не былъ.

23. *Черносвитовъ.* Прибылъ въ концѣ 1848 года въ Петербургъ изъ Сибири, гдѣ имѣлъ жительство; вскорѣ познакомился съ подсудимыми Петрашевскимъ и Спѣшневымъ и бывалъ неоднократно на собраніяхъ у перваго, при чемъ, какъ самъ сознался, говорилъ довольно свободно и рѣзко о своемъ начальствѣ и даже правительствѣ. Независимо отъ разговоровъ на собраніяхъ, Черносвитовъ имѣлъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ особыя свиданія и при этомъ разсказывалъ имъ о состояніи Сибирскаго края, о бывшемъ въ 1841 году частномъ возмущеніи въ Оренбургской и Пермской губерніяхъ и о возможности на будущее время подобныхъ возмущеній въ восточной Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго. Однако жъ всѣ эти разговоры остались безъ всякихъ послѣдствій, и Черносвитовъ вскорѣ затѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга. Во время же производства по сему дѣлу слѣдствія, по поводу показаній Спѣшнева и Петрашевскаго, что они имѣли съ Черносвитовымъ совѣщанія о произведеніи возстанія въ Сибири, Черносвитовъ былъ арестованъ близъ г. Омска особо командированнымъ жандармскимъ офицеромъ. Сдѣланныя на Черносвитова подсудимыми Спѣшневымъ и Петрашевскимъ показанія заключались въ томъ, что Черносвитовъ, въ разговорахъ съ ними, наводя ихъ на мысль о существованіи тайнаго общества въ Россіи, выѣдывалъ, нѣтъ ли такого общества въ Москвѣ и Петербургѣ; что онъ, похваляясь вліяніемъ своимъ на дѣла Сибири и на раскольниковъ и называя страну эту отдѣльной имперіей, говорилъ о возможности произвести возмущеніе въ восточной Сибири, на горныхъ заводахъ и на Уралѣ и излагалъ планъ дѣйствій при возмущеніи, присовокупляя, что на Пермскихъ заводахъ 400,000 народу, оружіе подъ рукою и все только ждетъ первой вспышки, а, наконецъ, сказалъ, что для приготовленія къ возмущенію нуженъ годъ, но что можно и въ теперешнемъ положеніи продержать лѣтъ пять, шесть.

Петрашевскій же, кромѣ того, добавилъ, что Черносвитовъ, во время означеннаго разговора, сказалъ: „надо всѣхъ запереть и разомъ хватить", относя это къ высшему правительству, и что вообще направленіе рѣчей Черносвитова всегда было проникнуто возмутительнымъ духомъ. А въ особомъ показаніи Петрашевскій объяснилъ, что Черносвитовъ неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества, и совѣтовалъ ему заводить такія же общества въ высшемъ кругу.

Черносвитовъ, не отвергая, что онъ, въ разговорахъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, сообщалъ имъ свѣдѣнія о состояніи Сибири и о бывшемъ въ Пермской губерніи возмущеніи, отозвался, что разговоры его не имѣли преступной цѣли, и что о возмущеніи въ Сибири говорено было въ смыслѣ возможности, но плана для дѣйствій онъ

никогда не предполагалъ и, зная Сибирь, твердо убѣжденъ, что идея возстанія тамъ и на Уралѣ никогда осуществиться не можетъ. За всѣмъ тѣмъ онъ чувствуетъ себя виновнымъ въ томъ, что его разсказы, *объясненія и фантазіи* навели Петрашевскаго и Спѣшнева на ту мысль, и видитъ, что безъ столкновенія съ нимъ ни Спѣшневу, ни тѣмъ болѣе Петрашевскому не пришло бы на мысль составить планъ разрушенія.

Доказательствъ къ тому, чтобы Черносвитовъ имѣлъ вредные замыслы противъ правительства и разсказывалъ Петрашевскому и Спѣшневу о возможности возстанія съ цѣлью преступною, по дѣлу не открыто; однако же на него падаетъ подозрѣніе въ томъ, по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Подсудимые Спѣшневъ и Петрашевскій сдѣлали одинаковыя показанія *совершенно* согласно между собою, *объяснивъ* притомъ въ подробности всѣ случаи, *бывшіе* при разговорахъ ихъ съ Черносвитовымъ.

2) Черносвитовъ, при изложеніи доводовъ насчетъ Спѣшнева и Петрашевскаго, самъ высказывалъ факты или одинъ другому противорѣчащіе, или несообразные съ существомъ дѣла: говоря о прибытіи Спѣшнева и Петрашевскаго, показалъ, *что прежде пріѣхалъ Спѣшневъ, а потомъ Петрашевскій*; но Спѣшневъ и Петрашевскій показали, что они пріѣхали *вмѣстѣ*. Потомъ Черносвитовъ, объясняя поводъ къ знакомству со Спѣшневымъ, сначала упомянулъ, что Петрашевскій *рекомендовалъ* ему Спѣшнева, какъ *человѣка умнаго и высокообразованнаго*, а потомъ утверждалъ, что *будто бы* Петрашевскій постоянно *отзывался дурно* о Спѣшневѣ. Наконецъ, при исчисленіи препятствій къ возстанію въ Сибири Черносвитовъ писалъ, что тамъ не можетъ быть *единства дѣйствій и что всякое предпріятіе напрасно*. Въ другомъ же показаніи, описывая заслуги свои при усмиреніи въ 1841 году возмущенія въ Пермской губерніи, гдѣ онъ былъ исправникомъ, писалъ, что возмущеніе въ Сибири можетъ распространиться отъ самаго ничтожнаго *повода*, присовокупивъ, „за что поручится и за горные заводы“.

3) На очной ставкѣ съ подсудимымъ Спѣшневымъ, при объясненіи имъ всѣхъ подробностей разговора, Черносвитовъ, какъ видно изъ журнала слѣдственной коммиссіи, обнаружилъ *нѣкоторое замѣшательство*, тогда какъ Спѣшневъ объяснялся положительно и съ твердостью. Равнымъ образомъ, на очной ставкѣ съ Петрашевскимъ, Черносвитовъ также показалъ замѣшательство и далъ *неудовлетворительный отвѣтъ* насчетъ сказанныхъ имъ въ разговорѣ съ Спѣшневымъ и Петрашевскимъ: „Ну, господа, теперь надо дѣло вести на чистоту“. Хотя Черносвитовъ, испросивъ высочайшее разрѣшеніе явиться въ коммиссію военнаго суда, старался въ свое оправданіе объяснить, что слова тѣ сказаны имъ въ желаніи выпытать политическія убѣжденія Спѣшнева, но когда судъ, имѣя въ виду показаніе Черносвитова, что онъ пріѣхалъ изъ Сибири въ Петербургъ единственно по собственнымъ дѣламъ, касающимся золотопромышленности, и другого интереса не имѣлъ,—предложилъ ему дополнительный вопросъ: *по какому поводу и съ какою цѣлью* онъ, Черносвитовъ, такъ настоятельно желалъ знать политическія убѣжденія Спѣшнева? — то Черносвитовъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, а, напротивъ, при объясненіи, обнаружилъ *новое замѣшательство*.

4) Черносвитовъ въ показаніяхъ своихъ при слѣдствіи обнаружилъ *либеральный образъ мыслей* и, между прочимъ, сознался, что считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ общественныхъ учрежденіяхъ, особенно освободить крестьянъ.

Въ бумагахъ Черносвитова ничего, относящагося къ изобличенію его въ злоумышленіи, не оказалось.

Главное начальство восточной и западной Сибири и Оренбургскаго края отозвалось, что о распространеніи Черносвитымъ вредныхъ толковъ свѣдѣній получаемо не было, и что въ странѣ поводовъ къ нарушенію спокойствія и общественнаго порядка нѣтъ. Командированный для арестованія Черносвитова офицеръ корпуса жандармовъ донесъ, что на границѣ Пермской губерніи, гдѣ Черносвитовъ служилъ исправникомъ, всѣ отзываются о немъ съ отличною похвалою.

Подписали: генералъ-отъ-инфантеріи князь *Шаховскій*, генералъ-отъ-артиллеріи *Игнатьевъ*, генералъ-отъ-инфантеріи *Княжнинъ*, генералъ-отъ-инфантеріи *Штезманъ*, генералъ-отъ-инфантеріи *Мандерштернъ*, генералъ-лейтенантъ *Гельвихъ*, генералъ-лейтенантъ *Карпенко*, генералъ-аудиторъ *Ноинскій*, въ должности начальника отдѣленія *Полянскій*.

Приговоръ военнаго суда.

Военный судъ, по соображеніи приведенныхъ имъ узаконеній со степенью виновности подсудимыхъ, приговорилъ:

1) Буташевича-Петрашевскаго, за богохуленіе, за злоумышленное покушеніе произвести реформу быта общественнаго въ Россіи, за участіе въ совѣщаніяхъ съ подсудимыми Момбелли, Спѣшневымъ и Львовымъ о составленіи тайнаго общества, съ цѣлью произвести возстаніе, и за недонесеніе о предположеніяхъ Черносвитова насчетъ возстанія въ Сибири и на Уралѣ и объ умыслахъ Черносвитова на цареубійство, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

2) Поручика Момбелли, за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ священной особы вашего императорскаго величества, за злоумышленіе къ уничтоженію императорскаго достоинства, за распространеніе сочиненій противъ правительства и за покушеніе составить тайное общество, съ цѣлью преобразовать гражданскій бытъ въ Россіи, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

3) Спѣшнева, за богохульство, умыселъ произвести бунтъ, за покушеніе къ учрежденію съ этой цѣлью тайнаго общества, за составленіе предположеній къ произведенію возстаній и за недонесеніе о слышанныхъ имъ злоумышленныхъ предположеніяхъ подсудимаго Черносвитова, о произнесенныхъ подсудимыми Петрашевскимъ, Ахшарумовымъ и Ханыковымъ преступныхъ рѣчахъ о религіи и правительствѣ и въ особенности о злоумышленномъ сочиненіи Григорьева, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

4) Григорьева, за составленіе и распространеніе своего злоумышленнаго сочиненія, съ употребленіемъ въ высшей степени дерзкихъ выраженій противъ священной особы вашего императорскаго величества, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

5) Шапошникова, за участіе въ совѣщаніяхъ о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи, произнесеніе дерзкихъ словъ противъ священной особы вашего императорскаго величества и недонесеніе объ умыслѣ подсудимаго Катенева на цареубійство, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

6) О подсудимомъ Катеневѣ, который, хотя и подлежалъ бы той же казни, но по случаю умопомѣшательства не могъ быть военнымъ судомъ спрошенъ, приговора не постановлять.

7) Ахшарумова, за умыселъ къ преобразованію общественнаго быта въ Россіи и перемѣнѣ образа правленія, дерзкія выраженія противъ правительства, членовъ императорскаго дома и въ особенности противъ священной особы вашего императорскаго величества, за изложеніе предположеній къ произведенію возстанія и изъявленіе готовности участвовать въ немъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

8) Львова, за недонесеніе о распространеніи Григорьевымъ его сочиненія и за участіе въ совѣщаніяхъ какъ о распространеніи запрещенныхъ цензурою сочиненій, такъ и о составленіи тайнаго общества, съ цѣлью произвести возстаніе и преобразовать гражданскій бытъ въ Россіи, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

9) Филиппова, за порицаніе дѣйствій правительства вашего императорскаго величества, за покушеніе къ распространенію сочиненій противъ правительства, за написаніе съ возмутительною цѣлью толкованія десяти заповѣдей и недонесеніе о распространеніи преступнаго письма литератора Бѣлинскаго и сочиненія Григорьева, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

10) Дурова, за допущеніе у себя въ собраніи читать письмо Бѣлинскаго, за намѣренное распространеніе сочиненій противъ правительства и за недонесеніе о сочиненіи Григорьева, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

11) Дебу 2, за *недонесеніе* о рѣчахъ Петрашевскаго, Ахшарумова и Ханыкова, произнесенныхъ въ квартирѣ Европеуса, и храненіе у себя сочиненій Ахшарумова, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

12) Головинскаго, Достоевскаго, Пальма, *за недонесеніе о распространеніи письма Бѣлинскаго и сочиненія Григорьева*, лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

13) Дебу 1, за *недонесеніе объ* умыслахъ Петрашевскаго, Спѣшнева, Момбелли и Львова составить тайное общество съ цѣлью поносить всѣ мѣры правительства, о составленномъ Спѣшневымъ предположеніи къ произведенію возстанія и о произнесенныхъ Петрашевскимъ, Ахшарумовымъ и Ханыковымъ рѣчахъ, лишить чиновъ, знака отличія безпорочной службы и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

14) Толля, за порицаніе религіи, богохуленіе и недонесеніе о рѣчи Тимковскаго, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

15) Ястржембскаго, за участіе въ преступныхъ разсужденіяхъ о религіи и правительствѣ, *недонесеніе* о письмѣ Бѣлинскаго, лишить правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 6 лѣтъ, и въ произношеніи дерзкихъ словъ противъ священной особы вашего величества оставить, за неимѣніемъ доказательствъ, въ подозрѣніи.

16) Ханыкова, за произнесеніе, на бывшемъ у Европеуса обѣдѣ, рѣчи, въ коей порицалъ Бога, церковь и государственное устройство, а Кашкина и Европеуса *за недонесеніе какъ объ рѣчи Ханыкова, такъ и о произнесенныхъ тогда рѣчахъ Петрашевскаго и Ахшарумова*, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

17) Плещеева, за распространеніе письма Бѣлинскаго, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

18) Тимковскаго, за умыселъ составить общество съ цѣлью измѣнить общественное устройство посредствомъ неуказанныхъ и недозволенныхъ дѣйствій, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а въ склоненіи Тимковскимъ къ возмущенію оставить его, за неимѣніемъ доказательствъ, въ подозрѣніи.

10) Черносвитова, въ злоумышленномъ изъясненіи подсудимымъ Петрашевскому и Спѣшневу средствъ къ произведенію возстанія въ Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго и въ умыслѣ на цареубійство, за неоткрытіемъ доказательствъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи.

Заключеніе генералъ-аудиторіата, 19 декабря 1849 года.

Степень виновности подсудимыхъ, по обнаруженнымъ личнымъ дѣйствіямъ въ преступныхъ замыслахъ, заключается въ слѣдующемъ:

1. Сущность и важность падающихъ на Буташевича - Петрашевскаго обвиненій изложены выше, но вина его еще усиливается:

1) Зловреднымъ примѣромъ, увлекшимъ многихъ другихъ къ подраженію и развращенію;

2) тѣмъ, что онъ не только не изъявилъ въ поступкахъ своихъ раскаянія, но еще во время производства слѣдствія употреблялъ дерзкія выраженія въ своихъ объясненіяхъ и покушался тайнымъ образомъ склонить къ запирательству другихъ подсудимыхъ.

Изложеніе о степени виновности другихъ подсудимыхъ списано съ отдѣла подъ заглавіемъ: „что по суду оказалось“. При этомъ они перечислены въ томъ порядкѣ, который соблюденъ и въ приговорѣ генералъ-аудиторіата, и въ опубликованномъ. Относительно нѣкоторыхъ лицъ сдѣланы генералъ-аудиторіатомъ замѣчанія, а именно:

Относительно *Спѣшнева*:

„Хотя Спѣшневъ показываетъ, что означенное обязательство написано имъ еще въ бытность за границей, но такому показанію вѣрить сомнительно, ибо послѣдующія дѣйствія его, по возвращеніи въ Россію, обнаруживаютъ въ немъ явно *направленіе злоумышленное*“.

Относительно *Головинскаго*:

Приведя отзывъ его на показаніе трехъ подсудимыхъ о произнесенной у Петрашевскаго рѣчи,—будто объ освобожденіи крестьянъ онъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство, въ силу самодержавнаго права, а подъ диктатурой разумѣлъ самодержавіе,—генералъ-аудиторіатъ прибавилъ: „Но такому отрицательству вѣрить нельзя, такъ какъ понятіе о диктатурѣ и самодержавіи совершенно противоположны“.

Относительно *Черносвитова*:

Сознавшись, что къ изобличенію Черносвитова въ томъ, что онъ питалъ вредные замыслы противъ правительства и разсказывалъ о возможности возстанія въ Сибири съ цѣлью преступною, *нѣтъ положительныхъ доказательствъ*,—генералъ-аудиторіатъ добавилъ: „Тѣмъ не менѣе Черносвитовъ обращаетъ на себя сильное сомнѣніе въ этомъ, сколько по неумѣстности подобныхъ разговоровъ съ людьми, въ которыхъ онъ видѣлъ вредное направленіе, столько и по своему *свободному образу мыслей*, который онъ обнаружилъ въ самихъ показаніяхъ своихъ въ слѣдственной комиссіи“.

Далѣе по подлинному:

Генералъ-аудиторіатъ, объяснивъ сущность вины каждаго изъ подсудимыхъ, заключаетъ, что хотя степень ихъ виновности различна, ибо одни изъ нихъ болѣе, другіе менѣе принимали участіе въ злоумышленіи, но какъ всѣ они суждены по полевому уголовному уложенію, въ преступленіяхъ же государственныхъ, по точной силѣ нашихъ законовъ, *не поставлено различія между главными виновниками и соучастниками*, то, на основаніи сего уложенія, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: титулярнаго совѣтника Буташевича-Петрашевскаго, неслужащаго дворянина Сѣшнева, поручиковъ Момбелли и Григорьева, штабсъ-капитана Львова 2, студента Филиппова, кандидата Ахшарумова, студента Ханыкова, колл. асс. Дурова, поручика Достоевскаго, колл. сов. Дебу 1, колл. сек. Дебу 2, учителя Толля, тит. сов. Ястржембскаго, неслужащаго дворянина Плещеева, тит. сов. Кашкина и Головинскаго, поручика Пальма, тит. сов. Тимковскаго, колл. сек. Европеуса и мѣщанина Шапошникова подвергнуть смертной казни разстрѣлянiемъ.

Что касается Черносвитова, какъ онъ въ соучастіи въ злоумышленіи не признался и къ изобличенію его положительныхъ доказательствъ *не представляется, то оставить его*, по приведеннымъ выше обстоятельствамъ, *въ сильномъ подозрѣніи* и, какъ человѣка, *обнаруживающаго либеральный образъ мыслей*, отослать на жительство въ г. Вятку, подъ строгій полицейскій надзоръ, не лишая его получаемой за раны пенсіи. Сына почетнаго гражданина Катенева, за открытыя по дѣлу преступленія, такъ какъ надъ нимъ, по случаю помѣшательства его въ умѣ, не былъ исполненъ *обрядъ* военнаго суда, по выздоровленіи вновь предать военному суду, для поступленія съ нимъ по законамъ.

Генералъ-аудиторіатъ, опредѣливъ мѣру наказанія подсудимымъ, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, не могъ не принять въ уваженіе тѣхъ облегчительныхъ *обстоятельствъ*, которыя представляются по дѣлу, именно: раскаянія многихъ, добровольное сознаніе въ поступкахъ, кои, безъ ихъ откровенности, могли бы остаться неизвѣстными, юность лѣтъ нѣкоторыхъ и, наконецъ, то, что преступныя ихъ начинанія не достигли вредныхъ послѣдствій, быв своевременно предупреждены мѣрами со стороны правительства.

Посему, повергая участь подсудимыхъ монаршему милосердію его императорскаго величества, генералъ-аудиторіатъ, на основаніи правилъ, въ руководство ему данныхъ, осмѣливается всеподданнѣйше *ходатайствовать объ опредѣленіи имъ*, вмѣсто смертной казни, *наказаній по мѣрѣ вины*, въ слѣдующей постепенности.

1. Титул. сов. Буташевича-Петрашевскаго, за преступный замыселъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго званія, большею частію молодыхъ людей, распространеніе между ними злоумышленныхъ идей противъ религіи, возбужденіе въ нихъ ненависти къ правительству и, наконецъ, за покушеніе составить для этой же преступной цѣли тайное общество, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.

Рукою императора:

„Быть по сему".

2. Неслужившаго дворянина Спѣшнева и поручика Момбелли, за злоумышленное намѣреніе произвести реформу быта общественнаго въ Россіи, въ отношеніи религіозномъ и политическомъ и покушеніе, для той же цѣли, составить тайное общество, а поручика Момбелли и за помѣщеніе въ рукописныхъ сочиненіяхъ своихъ въ высшей степени дерзкихъ отзывовъ о священной особѣ вашего величества, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ: Момбелли на 15 лѣтъ, а Спѣшнева, *во вниманіе къ тому, что о преступныхъ разговорахъ съ Черносвитымъ и о составленіи тайнаго общества, по предложенію Момбелли, открылъ онъ добровольно, тогда какъ объ этомъ не представлялось ни малѣйшихъ видовъ по дѣлу,—на 12 лѣтъ.*

Противъ Спѣшнева рукою императора: „На десять лѣтъ". Противъ Момбелли ничего не написано.

3. Поручика Григорьева, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и за написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содержанія, подъ заглавіемъ *„Солдатская Бесѣда"*, которая *по смыслу и увлекательному слогу, приспособленному къ понятію солдатъ*, предназначалась къ поколебанію въ нижнихъ чинахъ преданности къ престолу и повиновенія начальству, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 15 лѣтъ.

Рукою императора:

„Быть по сему".

4. Львова, Филиппова и Ахшарумова, за непосредственное участіе въ такихъ же преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію реформъ быта общественнаго, въ особенности изъ нихъ Львовъ, принятіемъ участія въ совѣщаніяхъ и въ составленіи тайнаго общества, а прочіе покушеніемъ къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ.

Рукою императора противъ Филиппова и Ахшарумова:

„Филиппова и Ахшарумова на 4 года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые на Кавказъ"; внизу подъ статьей, относительно Львова: „Быть по сему".

5. Студента Ханыкова, за такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе *на обѣдѣ, данномъ въ честь Фурье*, возмутительной рѣчи, въ которой порицалъ Бога и государственное наше устройство, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ.

Рукою императора:

„Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны".

6. Дурова за участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя на квартирѣ собраній для этой цѣли и покушеніе къ распространенію сочиненій противъ правительства, посредствомъ домашней литографіи, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ.

Рукою императора:

„На четыре года, а потомъ рядовымъ".

7. Достоевскаго, за такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, полнаго дерзкихъ выраженій противъ православной

церкви и верховной власти, и за покушеніе, вмѣстѣ съ прочими, къ распространенію сочиненій противъ правительства, посредствомъ домашней литографіи, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ.

Рукою императора:

„На 4 года, а потомъ рядовымъ".

8. Дебу 1, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества, *во вниманіе къ тому, что онъ, увидѣвъ преступную цѣль этихъ совѣщаній, личнаго согласія на предположенныя мѣры не подавалъ и даже совѣтовалъ Петрашевскому оставить это общество*—лишивъ чиновъ, знака отличія безпорочной службы и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на 8 лѣтъ.

Рукою императора: „На 4 года въ военные арестанты, а потомъ въ рядовые".

9. Дебу 2, за такое же участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе зловреднаго *соціальнаго ученія Фурье* и храненіе у себя въ высшей степени возмутительнаго сочиненія *Ахшарумова*, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

Рукою императора: „Въ военные арестанты на 2 года, а потомъ рядовымъ".

10. Толля и Ястржембскаго, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе, на собраніяхъ у Петрашевскаго, первымъ рѣчи, *доказывающей отсутствіе въ немъ религіозныхъ убѣжденій*, а послѣднимъ *лекцій политической экономіи въ либеральномъ духѣ*, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года.

Рукою императора: „Ястржембскаго на 6 лѣтъ *), а Толля на 2".

11. Плещеева, за участіе въ преступныхъ замыслахъ и въ происходившихъ на собраніяхъ у Петрашевскаго непозволительныхъ разсужденіяхъ о правительствѣ, равно за высылку къ Достоевскому преступнаго *письма литератора Бѣлинскаго*, наполненнаго дерзкихъ выраженій противъ верховной власти и православной церкви, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

Рукою императора: „Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны".

12. Кашкина, за участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію реформы быта общественнаго въ Россіи, примѣненіе къ оному *зловредной системы Фурье* и учрежденіе у себя на квартирѣ собраній для этой цѣли, во вниманіе къ весьма молодымъ его лѣтамъ и раскаянію, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на житье Архангельской губерніи въ г. Холмогоры, подъ строгій полицейскій надзоръ.

Рукою императора: „Рядовымъ въ кавказскіе линейные баталіоны".

13. Головинскаго, за участіе въ либеральныхъ разговорахъ на собраніяхъ *у Петрашевскаго и Дурова, изъ коихъ у перваго самъ онъ объяснилъ возможность освобожденія крестьянъ безъ воли правительства*, въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства, записать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса.

Рукою императора:

„Быть по сему".

*) Это за недоказанное называніе государя „богдыханомъ"?

14. Пальма, за участіе въ преступныхъ собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова, во вниманіе къ тому, *что онъ лично въ разговорахъ не участвовалъ* и принесъ въ необдуманныхъ поступкахъ своихъ раскаяніе, вмѣнивъ ему въ наказаніе нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и восьмимѣсячное содержаніе въ крѣпости, перевести тѣмъ же чиномъ въ армію.

Рукою императора:

„Быть по сему".

15. Тимковскаго и Европеуса, *во вниманіе, что они увлеклись зловредною системою Фурье по легкомыслію и изъявили въ поступкахъ своихъ раскаяніе, вмѣнивъ имъ въ наказаніе бытность подъ слѣдствіемъ и судомъ—и семимѣсячное содержаніе въ крѣпости въ казематѣ*, выслать Тимковскаго въ Олонецъ, а Европеуса въ Вятку, съ учрежденіемъ за ними секретнаго надзора.

Рукою императора:

„Тимковскаго на 6 лѣтъ въ арестантскія роты [1]), а Европеуса рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталіоны".

16. Петра Шапошникова, за преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ религіи и правительства и о *возможности введенія въ Россіи республиканскаго правленія, какъ обнаружившаго явно склонность къ вольнодумству и навлекающаго на себя* сильное подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ выраженій, къ священной особѣ вашего императорскаго величества относящихся, лишить всѣхъ правъ состоянія и отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на 6 лѣтъ, а потомъ опредѣлить на службу въ отдаленныя войска.

Рукою Императора:

„Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны" [2]).

Въ заключеніе, генералъ-аудиторіатъ не можетъ не раздѣлить мнѣнія слѣдственной комиссіи, изложеннаго во всеподданнѣйшемъ докладѣ вашему императорскому величеству, о томъ, что какъ ни безумны были и *проч.*

Дополнительный докладъ генералъ-аудитора Ноинскаго военному министру.

Испрашивается разрѣшеніе, какъ приведена должна быть въ исполненіе высочайшая конфирмація о трехъ лицахъ, сужденныхъ за злоумышленіе.

Генералъ-аудиторіатъ, по военно-судному дѣлу о злоумышленникахъ, между прочимъ, полагалъ изъ числа преступниковъ коллежскаго секретаря Европеуса во вниманіе, что онъ увлекся зловредною системою Фурье по легкомыслію и изъявилъ въ поступкахъ своихъ раскаяніе, вмѣнивъ ему въ наказаніе бытность подъ слѣдствіемъ и судомъ и семимѣсячное содержаніе въ крѣпости въ казематѣ, выслать въ Вятку, съ учрежденіемъ надъ нимъ секретнаго надзора.

Собственноручною его императорскаго величества конфирмаціею, послѣдовавшею 19-го декабря на представленномъ при докладѣ извлеченіи, повелѣно:

---

[1]) Странное усиленіе наказанія—за недоказанное же произнесеніе рѣчи? А Европеусу-то за что? „Незабвенный!"

[2]) Неужели съ оставленіемъ первой части наказанія? Генералъ-аудиторіатъ понялъ такъ.

Европеуса рядовымъ въ Кавказскіе линейные баталіоны.

Какъ въ высочайшей конфирмаціи не опредѣлено, съ лишеніемъ ли или безъ лишенія дворянскаго достоинства, слѣдуетъ опредѣлить Европеуса рядовымъ, то я долгомъ считаю испрашивать разрѣшенія вашей свѣтлости, какъ поступить въ семъ случаѣ съ Европеусомъ.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь испрашивать разрѣшеніе вашей свѣтлости, приказано ли будетъ изъ числа подсудимыхъ поручика Пальма и отставного подпоручика Черносвитова выводить въ числѣ другихъ на Сакеновскій *) плацъ, для объявленія высочайшей конфирмаціи, такъ какъ Пальмъ хотя и приговоренъ былъ генералъ-аудиторіатомъ къ смертной казни, но по представленнымъ къ облегченію участи его обстоятельствамъ, высочайшею конфирмаціею, согласно съ заключеніемъ генералъ-аудиторіата, повелѣно перевести его въ армію тѣмъ же чиномъ, а Черносвитовъ, который генералъ-аудиторіатомъ къ смертной казни приговоренъ не былъ, по высочайшей конфирмаціи ссылается въ Кексгольмскую крѣпость на житье безъ лишенія даже заслуженной имъ пенсіи.

Генералъ-аудиторъ Ионинскій.

Резолюція:

Европеуса безъ лишенія дворянства.

Пальма вывесть тоже на площадь и тамъ объявить прощеніе.

Черносвитова отправить прямо изъ крѣпости съ фельдъ-егеремъ въ Кексгольмъ. 20-го декабря 1849 года.

Замѣтки, сдѣланныя при бѣгломъ чтеніи пространнаго доклада генералъ-аудиторіата.

Надъ Петрашевскимъ уже въ мартѣ 1848 года былъ учрежденъ двойной надзоръ: шефомъ жандармовъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, Орловъ уступилъ дѣло Перовскому (которому, при его девизѣ: „Не слыть, а быть“, оно было сподручнѣе), а Перовскій возложилъ его на Липранди. Около этого времени дошло до свѣдѣнія двухъ полицій, что Петрашевскій роздалъ дворянству Петербургской губерніи болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки: „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній“. По мнѣнію Орлова и Перовскаго, вопросъ этотъ *не подлежалъ обсужденію частныхъ лицъ*, и записка составляла преступленіе. Но аргусы согласились притвориться, что она не замѣчена ими. Тактика удалась. Въ теченіе года половина осужденныхъ впослѣдствіи *была вовлечена въ преступные замыслы;* безцѣльные разговоры внушили по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ мысль о составленіи тайнаго общества. Какая была цѣль полиціи? Про это знаетъ теперь лишь предсѣдатель государственнаго совѣта.

Въ январѣ 1849 года былъ избранъ агентомъ *сынъ живописца Антонелли, получившій образованіе въ Петербургскомъ университетѣ;* онъ былъ опредѣленъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній, въ которомъ служилъ Петрашевскій, познакомился съ послѣднимъ, былъ у него на семи вечерахъ, еженедѣльно съ 11-го марта по 22-е апрѣля, и далъ о нихъ отчетъ. По донесенію Антонелли же на Толпинова, онъ былъ обставленъ двумя агентами: мѣщанами Васильемъ Шапошниковымъ

*) Семеновскій?

и Наумовымъ. Степень достовѣрности донесеній Антонелли о вечерахъ у Петрашевскаго и бывавшихъ на нихъ лицахъ обнаружилась уже во время слѣдствія: Антонелли донесъ, что 25 марта Плещеевъ былъ на вечерѣ у Петрашевскаго, а оказалось, что въ этотъ день Плещеевъ былъ въ Москвѣ. Но на это обстоятельство не было обращено должнаго вниманія. Какихъ же словъ и убѣжденій не могъ приписать подсудимымъ такой *свидѣтель*, которому не было гадко подпаивать у себя Петрашевскаго шампанскимъ, съ цѣлью подбить его на какую-нибудь неосторожную фразу, въ родѣ отзыва о принцѣ Ольденбургскомъ?

Въ трехъ посѣщавшихъ Петрашевскаго воспитанникахъ лицея, отъ 14 до 16 лѣтъ, „обнаружилось скептическое направленіе мыслей—относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка“. Принцъ Ольденбургскій передалъ петербургскому военному генералъ-губернатору, что пребываніе Петрашевскаго въ Петербургѣ внушаетъ ему сильныя опасенія насчетъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, а между тѣмъ распорядился одного изъ мальчиковъ-скептиковъ исключить, а другого лѣчить исправительнымъ наказаніемъ (третій былъ уже исключенъ за неуспѣхъ въ наукахъ), а тотъ классъ, къ которому принадлежали эти ученики, приговорилъ ко сну безъ подушекъ. Петрашевскій отозвался объ этой мѣрѣ Антонелли: „Что за странное наказаніе! Прежде, чѣмъ такъ наказывать, слѣдовало бы посовѣтоваться съ фельдшеромъ. Онъ сказалъ бы, что отъ этого можетъ случиться ударъ у слишкомъ полнокровныхъ“.

Экспертъ Голицынъ писалъ о найденныхъ у Ханыкова университетскихъ лекціяхъ о политической экономіи: „Онѣ доказываютъ вредное направленіе, даваемое учащимся чрезъ занятіе ума и воображенія ихъ подробнымъ философскимъ разборомъ теоріи о соціализмѣ и коммунизмѣ, и притомъ не въ духѣ благонамѣренномъ, но въ выраженіяхъ соблазнительныхъ, часто выставляя благодѣтельную цѣль системъ, влекущихъ къ ниспроверженію всякаго порядка“. А слѣдователи? Да знаете ли, кто спасъ Грановскаго и Кудрявцева отъ этихъ ищеекъ, захватившихъ по одному предварительному слѣдствію еще 9 человѣкъ?—Закревскій, которому сдѣланъ былъ запросъ о названныхъ двухъ профессорахъ, по поводу выраженнаго къ нимъ Плещеевымъ, въ частномъ письмѣ, уваженія.

А судьи? Да они присудили людей, за „недонесеніе“ о чужихъ словахъ и чтеніи, къ смертной казни, а за „подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ словъ“ противъ государя къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ арестантскія роты на 6 лѣтъ и сдачѣ потомъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны, а за обнаруженіе на допросахъ „либеральнаго образа мыслей“—къ ссылкѣ въ Вятку, подъ строгій полицейскій надзоръ. А „Незабвенный?“ Присужденное такими судьями „по мѣрѣ вины“ наказаніе онъ призналъ слишкомъ мягкимъ; въ своемъ правѣ помилованія онъ увидѣлъ средство усилить это наказаніе, во избѣжаніе же соблазна скрылъ мягкосердіе судей. А теперешній государь? До сихъ поръ не можетъ освободить Петрашевскаго *).

*) «Историческій сборникъ вольной русской типографіи въ Лондонѣ», II, Лондонъ 1861, стр. 267—327. *Примѣчанія Герцена.*

IV.

Показаніе Достоевскаго.

Показаніе Ѳ. М. Достоевскаго.

Отъ меня требуютъ, чтобъ я передалъ все, что знаю о Петрашевскомъ и о тѣхъ людяхъ, которые у него бывали по пятницамъ, т.-е. показанія фактовъ и личнаго мнѣнія моего объ этихъ фактахъ. Соображаясь съ первымъ допросомъ моимъ, я заключаю, что отъ меня требуютъ отчетливаго отвѣта на слѣдующіе пункты:

1) О томъ, каковъ характеръ Петрашевскаго, какъ человѣка вообще и какъ политическаго человѣка въ особенности?

2) Что бывало на тѣхъ вечерахъ у Петрашевскаго, на которыхъ я присутствовалъ, и мое мнѣніе о тѣхъ вечерахъ?

3) Не было ли какой тайной, скрытной цѣли въ обществѣ Петрашевскаго? Вредный ли человѣкъ самъ Петрашевскій, и до какой степени онъ вреденъ для общества?

Я никогда не былъ въ очень короткихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ, хотя и ѣздилъ къ нему по пятницамъ, а онъ въ свою очередь отдавалъ мнѣ визиты. Это одно изъ такихъ знакомствъ моихъ, которымъ я не дорожилъ слишкомъ много, не имѣя сходства въ характерѣ, ни во многихъ понятіяхъ съ Петрашевскимъ. И потому я поддерживалъ знакомство съ нимъ ровно настолько, насколько того требовала учтивость, т.-е. посѣщалъ его изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже. Оставить же его совсѣмъ я не имѣлъ причины. Да къ тому же мнѣ бывало иногда любопытно ходить на его пятницы.

Меня всегда поражало много эксцентричности и странности въ характерѣ Петрашевскаго. Даже знакомство наше началось тѣмъ, что онъ съ перваго разу поразилъ мое любопытство своими странностями. Но ѣзжалъ я къ нему не часто. Случалось, что я не бывалъ у него иногда болѣе полугода. Въ послѣднюю же зиму, начиная съ сентября мѣсяца, я былъ у него не болѣе восьми разъ. Мы никогда не были коротки другъ съ другомъ, я думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не оставались вмѣсти одни, глазъ на глазъ, болѣе получаса. Я даже замѣтилъ положительно, что онъ, заѣзжая ко мнѣ, какъ будто исполняетъ долгъ учтивости, но что, напримѣръ, вести со мной долгій разговоръ ему тягостно. Да и со мной было то же самое, потому что, повторяю, у насъ мало было пунктовъ соединенія и въ идеяхъ и въ характерахъ. Мы оба опасались долго заговариваться другъ съ другомъ, потому что съ десятаго слова мы бы оба заспорили, а это намъ обоимъ надѣло. Мнѣ кажется, что взаимныя впечатлѣнія наши другъ о другѣ одинаковы. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я очень часто ѣзжалъ къ нему по пятницамъ не столько для него и для самихъ пятницъ, сколько для того, чтобы встрѣтить нѣкоторыхъ людей, съ которыми я хотя и былъ знакомъ, но видѣлся чрезвычайно рѣдко, и которые мнѣ нравились. Впрочемъ, я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго.

Объ эксцентричностяхъ и странностяхъ его говорятъ очень многіе, почти всѣ, кто знаютъ, или слышали о Петрашевскомъ, и даже по нимъ дѣлаютъ свое о немъ заключеніе. Я слышалъ нѣсколько разъ мнѣніе, что у Петрашевскаго больше ума, чѣмъ благоразумія. Дѣйствительно, очень трудно было бы объяснить многія изъ его странностей Нерѣдко при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ спросишь: куда онъ и зачѣмъ? и онъ отвѣтитъ какую-нибудь такую странность, разскажетъ такой странный планъ, который онъ шелъ только что исполнять, что не знаешь, что подумать о планѣ и о самомъ Петрашевскомъ. Изъ-за такого дѣла, которое нуля не стоитъ, онъ иногда хлопочетъ такъ, какъ будто дѣло идетъ обо всемъ его имѣніи. Другой разъ спѣшитъ куда-нибудь на полчаса кончить маленькое дѣльцо, а кончить это маленькое дѣльцо можно развѣ только въ два года. Человѣкъ онъ вѣчно суетящійся и движущійся, вѣчно чѣмъ-нибудь занятъ. Читаетъ много, уважаетъ систему Фурье и изучилъ ее въ подробности. Кромѣ того, особенно занимается законовѣдѣніемъ. Вотъ все, что я знаю о немъ, какъ о частномъ лицѣ, но даннымъ весьма неполнымъ для совершенно точнаго опредѣленія характера, потому что, повторяю еще разъ, въ слишкомъ короткихъ сношеніяхъ я съ нимъ никогда не находился. Трудно сказать, чтобъ Петрашевскій (наблюдаемый, какъ политическій человѣкъ) имѣлъ какую-нибудь свою опредѣленную систему въ сужденіи, какой-нибудь опредѣленный взглядъ на политическія событія. Я замѣтилъ въ немъ послѣдовательность только одной системѣ; да и та не его, а Фурье. Мнѣ кажется, что именно Фурье и мѣшаетъ ему смотрѣть самобытнымъ взглядомъ на вещи. Впрочемъ, могу утвердительно сказать, что Петрашевскій слишкомъ далекъ отъ идеи возможности немедленнаго примѣненія системы Фурье къ нашему общественному быту. Въ этомъ я былъ увѣренъ.

Общество, которое у него собиралось по пятницамъ, почти все состояло изъ его короткихъ пріятелей или давнихъ знакомыхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю. Впрочемъ, являлись и новыя лица, но, сколько я могъ замѣтить, довольно рѣдко. Изъ этихъ людей я знаю хорошо только очень малую часть. Другихъ знаю только потому, что раза три—четыре въ годъ случалось говорить съ ними и, наконецъ, многихъ изъ гостей Петрашевскаго почти совсѣмъ не знаю, хотя схожусь съ ними по пятницамъ уже годъ или два. Но хотя и не знаю хорошо всѣхъ лицъ, однако же прислушался къ инымъ мнѣніямъ. Всѣ эти мнѣнія большею частью разноголосица и одно противорѣчитъ другому. Я не встрѣтилъ никакого единства въ обществѣ Петрашевскаго, никакого направленія, никакой общей цѣли. Положительно можно сказать, нельзя найти трехъ человѣкъ, согласныхъ въ какомъ-нибудь пунктѣ, на любую заданную тему. Оттого велись споры другъ съ другомъ; вѣчныя противорѣчія и несогласія во мнѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ споровъ бралъ участіе и я.

Но прежде, чѣмъ я скажу, по какой причинѣ я участвовалъ въ этихъ спорахъ и на какую именно тему я говорилъ, я скажу нѣсколько словъ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Въ сущности я еще не знаю доселѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Мнѣ объявили только, что я бралъ участіе въ общихъ разговорахъ у Петрашевскаго, говорилъ *вольнодумно*, и что, наконецъ, прочелъ вслухъ литературную статью: „Переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ“. Скажу отъ чистаго сердца, что до сихъ поръ для меня было всего на свѣтѣ труднѣе опредѣлить слово: *вольнодумецъ*, *либералъ*. Что разумѣть подъ этимъ словомъ? Человѣка, который говоритъ противозаконно? Но я видалъ такихъ людей, для которыхъ признаться въ томъ, что у нихъ болитъ голова, значитъ поступить противозаконно, и знаю, что есть и такіе, которые готовы говорить на каждомъ

перекресткѣ все, что только въ состояніи перемолоть (ихъ) языкъ. Кто видалъ мою душу? Кто опредѣлилъ ту степень вѣроломства, вреда и бунта, въ которомъ меня обвиняютъ? По какому масштабу сдѣлано это опредѣленіе? Можетъ быть, судятъ по нѣсколькимъ словамъ, сказаннымъ мною у Петрашевскаго? Я говорилъ три раза: два раза я говорилъ *о литературѣ* и одинъ разъ о предметѣ вовсе не политическомъ: *объ личности и объ человѣческомъ эгоизмѣ*. Не припомню, чтобъ было что-нибудь политическаго и вольнодумнаго въ словахъ моихъ. Не припомню, чтобъ я когда-нибудь высказывался *весь, каковъ я на самомъ дѣлѣ*, у Петрашевскаго. Но я знаю себя, и если основываютъ обвиненія на нѣсколькихъ словахъ, схваченныхъ на лету и записанныхъ на клочкѣ бумаги, то я не боюсь и такого обвиненія, хотя оно самое опасное, ибо ничего нѣтъ губительнѣе, сбивчивѣе и несправедливѣе нѣсколькихъ словъ, вырванныхъ Богъ знаетъ откудова, относящихся Богъ знаетъ къ чему, подслушанныхъ наскоро, понятыхъ наскоро, а всего чаще не понятыхъ, записанныхъ наскоро. Но повторяю: я знаю себя и не боюсь даже такого обвиненія.

Да, если *желать лучшаго* есть либерализмъ, вольнодумство, то въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, я вольнодумецъ, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ можетъ быть названъ вольнодумцемъ и каждый человѣкъ, который въ глубинѣ сердца своего чувствуетъ себя въ правѣ быть гражданиномъ, чувствуетъ себя въ правѣ желать добра своему отечеству, потому что находитъ въ сердцѣ своемъ и любовь къ отечеству и сознаніе, что никогда ничѣмъ не повредилъ ему. Но это *желаніе лучшаго* было въ возможномъ или невозможномъ? Пусть уличатъ меня, что я желалъ перемѣнъ и переворотовъ насильственно, революціонерно, возбуждая желчь и ненависть! Но я не боюсь улики, ибо никакой доносъ въ свѣтѣ не отниметъ отъ меня и не прибавитъ мнѣ ничего, никакой доносъ не заставитъ меня быть другимъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Въ томъ ли проявилось мое вольнодумство, что я говорилъ вслухъ о такихъ предметахъ, о которыхъ другіе считаютъ долгомъ молчать, не потому, чтобы опасались сказать что-нибудь противъ правительства (этого и въ мысли не можетъ быть!), но потому, что, по ихъ мнѣнію, предметъ такой, о которомъ уже принято не говорить громко? Въ этомъ ли? Но меня всегда даже оскорбляла эта боязнь слова, скорѣе способная быть обидной правительству, чѣмъ быть ему пріятною. И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ правому человѣку опасаться за себя и за свое слово? Это значитъ полагать, что законы недостаточно ограждаютъ личность и что можно погибнуть изъ-за пустого слова, изъ-за неосторожной фразы. Но зачѣмъ же мы сами такъ настроили всѣхъ, что на громкое откровенное слово, сколько-нибудь похожее на мнѣніе, высказанное прямо, безъ утайки, смотрятъ, какъ на эксцентричность? Мое мнѣніе, что если бы всѣ были откровеннѣе съ правительствомъ, то было бы гораздо лучше для насъ самихъ. Мнѣ всегда было грустно видѣть, что мы все какъ будто инстинктивно боимся чего-то; что, сойдемся ли мы, напримѣръ, толпой въ публичномъ мѣстѣ, мы смотримъ другъ на друга недовѣрчиво, исподлобья, косимся по сторонамъ, подозрѣваемъ кого-то. Заговоритъ ли кто-нибудь о политикѣ, то заговоритъ непремѣнно шопотомъ и съ самымъ таинственнымъ видомъ, хотя бы республика была такъ же далека отъ его идей, какъ и Франція. Скажутъ: „оно и лучше, что у насъ не кричатъ на перекресткахъ.“ — Безъ сомнѣнія, никто и слова не скажетъ противъ этого, но излишнее умолчаніе, излишній страхъ наводитъ какой-то мрачный колоритъ на нашу обыденную жизнь, который кажетъ все въ безрадостномъ непривѣтливомъ свѣтѣ, и, что всего обиднѣе, колоритъ этотъ ложный; весь

этотъ страхъ безпредметенъ, напрасенъ (я вѣрю въ то), всѣ эти опасенія больше ничего, какъ наша выдумка, и мы сами только напрасно безпокоимъ правительство своею таинственностью и недовѣрчивостью. Ибо изъ этого натянутаго положенія часто выходитъ много шуму изъ пустяковъ. Самое обыкновенное слово, сказанное громко, получаетъ гораздо болѣе вѣсу, а самый фактъ по своей эксцентричности принимаетъ размѣры иногда колоссальные и навѣрно припишется постороннимъ (не обыкновеннымъ), а не настоящимъ (обыкновеннымъ) причинамъ. Я всегда былъ увѣренъ, что сознательное убѣжденіе лучше, крѣпче безсознательнаго, неустойчиваго, колеблющагося, способнаго пошатнуться отъ перваго вѣтра, который подуетъ. А сознаніе не высидишь и не выживешь молча. Сами мы бѣжимъ общенія, дробимся на кружки, или черствѣемъ въ уединеніи. А кто виноватъ въ этомъ положеніи? Мы, мы сами и болѣе никто,—я такъ всегда думалъ.

Хотя я и привелъ для примѣра наши общественные разговоры, а между тѣмъ, я самъ далеко не крикунъ, и то же самое скажетъ про меня всякій, кто меня знаетъ. Я не люблю говорить громко и долго даже съ пріятелями, которыхъ у меня очень немного, а тѣмъ болѣе въ обществѣ, гдѣ я слыву за человѣка неразговорчиваго, молчаливаго, несвѣтскаго. Знакомствъ у меня очень мало. Половина моего времени занята работой, которая кормитъ меня, другая половина занята постоянно болѣзнію, ипохондрическими припадками, которыми я страдаю уже скоро три года. Едва остается немного времени на чтеніе и на то, чтобы узнать, что на свѣтѣ дѣлается. Для пріятелей и знакомыхъ остается очень немного времени. А потому, если я и написалъ теперь противъ системы всеобщаго, какъ бы систематическаго умолчанія и скрытности, то это потому, что мнѣ захотѣлось высказать свое убѣжденіе, а вовсе не защищать себя. Но въ чемъ обвиняютъ меня? Въ томъ, что я говорилъ о политикѣ, о Западѣ, о цензурѣ и пр. Но кто же не говорилъ и не думалъ въ наше время объ этихъ вопросахъ? Зачѣмъ же я учился, зачѣмъ наукой во мнѣ возбуждена любознательность, если я не имѣю права сказать моего личнаго мнѣнія или не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, которое само по себѣ авторитетъ? На Западѣ происходитъ зрѣлище страшное, разыгрывается драма безпримѣрная. Трещитъ и разрушается вѣковой порядокъ вещей. Самыя основныя начала общества грозятъ каждую минуту рухнуть и увлечь въ своемъ паденіи всю націю. Тридцать шесть милліоновъ людей каждый день ставятъ словно на карту всю свою будущность, имѣніе, существованіе свое и дѣтей своихъ! И эта картина не такова, чтобы возбудить вниманіе, любопытство, любознательность потрясти душу? Это тотъ самый край, который далъ намъ науку, образованіе, цивилизацію европейскую. Такое зрѣлище — урокъ. Это, наконецъ, исторія — наука будущаго. И послѣ этого неужели обвинятъ насъ, которымъ дали извѣстную степень образованія, въ которыхъ возбудили жажду знанія и науки, — неужели обвинятъ насъ въ томъ, что мы имѣли столько любопытства, чтобъ говорить иногда о Западѣ, о политическихъ событіяхъ; читать современныя книги, приглядываться къ движенію западному, даже изучать его по возможности? Неужели обвинятъ меня въ томъ, что я смотрю нѣсколько серьезно на кризисъ, отъ котораго ноетъ и ломится на-двое несчастная Франція, что я считаю, можетъ быть, этотъ кризисъ исторически необходимымъ въ жизни этого народа, какъ состояніе переходное (кто разрѣшитъ это теперь?), и которое приведетъ, наконецъ, лучшее время? Дальше этого мнѣнія, дальше такихъ идей никогда не простиралось мое вольнодумство о Западѣ и о революціи. Но если я гово-

рилъ о французскомъ переворотѣ, если я позволялъ себѣ судить о современныхъ событіяхъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что я вольнодумецъ, что я республиканскихъ идей, что я противникъ самодержавія, что я его подкапываю? Невозможно! Для меня никогда ничего не было нелѣпѣе идеи республиканскаго правленія въ Россіи. Всѣмъ, кто знаетъ меня, извѣстны на этотъ счетъ мои идеи. Да, наконецъ, такое обвиненіе будетъ противно всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, моему образованію. Я, можетъ быть, объясню еще себѣ революцію западную и *историческую необходимость* тамошняго современнаго кризиса. Тамъ нѣсколько столѣтій, болѣе тысячелѣтія длилась упорнѣйшая борьба общества съ авторитетомъ, основавшимся на чуждой цивилизаціи завоеваніемъ, насиліемъ, притѣсненіемъ. А у насъ? И земля-то наша сложилась не по западному. У насъ историческіе примѣры передъ глазами: 1) паденіе Россіи предъ татарами отъ ослабленія авторитета и раздробленія его, 2) безобразіе республики новгородской, — республики, испробованной въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ на славянской почвѣ и, наконецъ, 3) двукратное спасеніе Россіи единственно усиленіемъ авторитета, усиленіемъ самодержавія: въ первый разъ отъ татаръ, второй разъ въ реформу Петра Великаго, когда только одна теплая дѣтская вѣра въ своего великаго кормчаго дала Россіи возможность перенести такой поворотъ въ новую жизнь. Да и кто у насъ думаетъ о республикѣ? Если и предстоятъ реформы, то даже для тѣхъ, кто желаетъ ихъ, будетъ ясно, какъ день, что должны эти реформы истечь именно изъ авторитета, да еще болѣе усиленнаго на то время, а иначе дѣло должно произойти революціонернымъ образомъ. Не думаю, чтобы нашелся въ Россіи любитель русскаго бунта. Примѣры извѣстны и до сихъ поръ памятны, хотя случились давно. Въ заключеніе я припомнилъ теперь слова свои, нѣсколько разъ повторявшіяся мною, что все, что только было хорошаго въ Россіи, начиная съ Петра Великаго, все то постоянно выходило свыше, отъ престола, а снизу до сихъ поръ ничего не выказывалось, кромѣ упорства и невѣжества. Это мнѣніе мое извѣстно многимъ изъ тѣхъ, кто меня знаетъ.

Я говорилъ о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время и сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей. Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь либеральнаго, вольнодумнаго, противнаго нравственности, а, напримѣръ, потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не заподозрѣвала никого въ обществѣ и хотя бы самая трагедія произошла чисто случайнымъ и внѣшнимъ образомъ. Пусть разберутъ все, что я написалъ напечатаннаго и ненапечатаннаго, пусть просмотрятъ рукописи уже напечатанныхъ сочиненій и увидятъ, каковы онѣ были до поступленія къ цензору, — пусть найдутъ въ нихъ хоть одно слово, противное нравственности и установленному порядку вещей. А между тѣмъ, я именно подвергся подобному запрещенію собственно за то, что картина написана была слишкомъ мрачными красками. Но, если-бъ знали, въ какое мрачное положеніе поставленъ былъ авторъ запрещеннаго сочиненія! Онъ увидѣлъ передъ собою необходимость просидѣть хуже, чѣмъ безъ хлѣ-

ба цѣлыхъ три мѣсяца, ибо работа давала мнѣ средства къ существованію. Да, кромѣ того, среди лишеній, грусти и почти отчаянія (ибо, откинувъ денежный вопросъ, тяжело до отчаянія видѣть свое произведеніе, которое любилъ, на которое потратилъ трудъ, здоровье, лучшія силы душевныя, запрещеннымъ отъ *недоразумѣнія*, отъ *подозрѣнія*), итакъ, кромѣ того, среди лишеній, грусти, отчаянія нужно еще найти столько легкихъ веселыхъ часовъ, чтобы написать въ это время литературное произведеніе красками свѣтлыми, розовыми, пріятными. А написать непремѣнно нужно, потому что нужно существовать. Если я говорилъ, если я жаловался (а я жаловался такъ немного!), то неужели я вольнодумствовалъ? И на что я жаловался? *На недоразумѣніе.* Именно: я бился изъ всѣхъ силъ, доказывая, что каждый литераторъ уже заподозрѣнъ заранѣе, что на него смотрятъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣріемъ, и обвинялъ самихъ же литераторовъ въ томъ, что они сами не хотятъ изыскивать средствъ для разрушенія пагубнаго недоразумѣнія. Пагубнаго потому, что литературѣ трудно существовать при такомъ напряженномъ состояніи. Цѣлые роды искусства должны исчезнуть: сатира, трагедія уже не могутъ существовать. Уже не могутъ существовать при строгости нынѣшней цензуры такіе писатели, какъ Грибоѣдовъ, Фонвизинъ и даже Пушкинъ. Сатира осмѣиваетъ порокъ и чаще всего порокъ подъ личиною добродѣтели. Какъ можетъ быть теперь хоть какое-нибудь осмѣяніе? Цензоръ во всемъ видитъ намекъ, заподозрѣваетъ, нѣтъ ли тутъ какой личности, нѣтъ ли желчи, не намекаетъ ли писатель на чье-нибудь лицо и на какой-нибудь порядокъ вещей. Мнѣ самому случалось очень часто, забывши грусть, захохотать надъ тѣмъ, что нашелъ цензоръ *вреднымъ для общества* и неспособнымъ къ напечатанію въ моихъ или въ чьихъ чужихъ рукописяхъ. Смѣялся я потому, что никому, кромѣ цензора, не придетъ въ голову подобныхъ подозрѣній. Въ самой невиннѣйшей, чистѣйшей фразѣ подозрѣвается преступнѣйшая мысль, которую видно, что цензоръ преслѣдовалъ съ напряженіемъ умственныхъ силъ, какъ вѣчную неподвижную идею, которая не можетъ покинуть его головы, которую онъ самъ создалъ, колеблемый страхомъ и подозрѣніями, самъ воплотилъ ее въ своемъ воображеніи, самъ расцвѣтилъ небывалыми страшными красками и, наконецъ, уничтожилъ свой фантомъ вмѣстѣ съ невинной причиной его страховъ — безгрѣшной первоначальной фразой писателя. Точно какъ будто скрывая порокъ и мрачную сторону жизни, скроемъ отъ читателя, что есть на свѣтѣ порокъ и мрачная сторона жизни. Нѣтъ, авторъ не скроетъ этой мрачной стороны, систематически опуская ее передъ читателемъ, а только заподозритъ себя передъ нимъ въ неискренности, въ неправдивости. Да можно ли писать однѣми свѣтлыми красками? Какимъ образомъ свѣтлая сторона картины будетъ видна безъ мрачной? Можетъ ли быть картина безъ свѣта и тѣни вмѣстѣ? О свѣтѣ мы имѣемъ понятіе только потому, что есть тѣнь. Говорятъ: описывай однѣ доблести, добродѣтели. Но добродѣтели мы не узнаемъ безъ порока: самыя понятія *добра* и *зла* произошли отъ того, что добро и зло постоянно жили вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ. Но подумай только я выставить на сцену невѣжество, порокъ, злоупотребленіе, спесь, насиліе! Цензоръ тотчасъ же заподозритъ меня и подумаетъ, что я говорю про все вообще безъ изъятія. Я не стою за изображеніе порока и мрачной стороны жизни: и тотъ и другая вовсе не милы мнѣ; но я говорю единственно только въ интересахъ искусства.

Видя, убѣдясь, наконецъ, что между литературой и цензурой происходитъ недоразумѣніе (одно недоразумѣніе и больше ничего!), я сѣтовалъ, я молилъ, чтобы это не-

чальное недоразумѣніе прошло скорѣе, потому что я люблю литературу и не могу не интересоваться ею, потому что я знаю, что литература есть одно изъ выраженій жизни народа, есть зеркало общества. Съ образованіемъ, съ цивилизаціей являются новыя понятія, которыя требуютъ опредѣленія, названія — русскаго, чтобы быть переданными народу; ибо не народъ можетъ назвать ихъ въ настоящемъ случаѣ, затѣмъ, что цивилизація не отъ него идетъ, а свыше — назвать ихъ можетъ только то общество, которое прежде народа приняло цивилизацію, т.-е. высшій слой общества, классъ уже образованный для принятія этихъ идей. Кто же формулируетъ новыя идеи въ такую форму, чтобы народъ ихъ понялъ, — кто же, какъ не литература! Реформа Петра Великаго не принялась бы такъ легко въ народѣ, который и не понялъ бы, чего хотятъ отъ него. Каковъ былъ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ? Наполовину русскій, наполовину нѣмецкій, потому что на половину жизни нѣмецкой, понятій нѣмецкихъ, правовъ нѣмецкихъ привилось къ жизни русской. Но русскій народъ не говоритъ по-нѣмецки, и явленіе Ломоносова сейчасъ послѣ Петра Великаго было не случайное. Безъ литературы не можетъ существовать общество, а я видѣлъ, что она угасала, и, въ десятый разъ повторяю, недоразумѣніе, возникшее между литературой и цензорами, волновало меня, мучило меня. Я говорилъ, — но я говорилъ только о согласіи, о соединеніи, объ уничтоженіи недоразумѣнія. Я не поджигалъ кругомъ меня никого, *потому что я вѣрилъ*. Да и говорилъ-то я только съ самыми короткими пріятелями, со своими товарищами — литераторами. Это ли вредное вольнодумство?

Меня обвиняютъ въ томъ, что я прочелъ статью „*Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ*“ на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго. Да, я прочелъ эту статью, но тотъ, кто донесъ на меня, можетъ ли сказать, къ которому изъ переписывающихся лицъ я былъ пристрастнѣе? Пусть онъ припомнитъ, было ли, не только въ сужденіяхъ моихъ (отъ которыхъ я воздержался), но хотя бы въ интонаціи голоса, въ жестѣ во время чтенія, что-нибудь способное выказать мое пристрастіе къ одному лицу преимущественно, чѣмъ къ другому изъ переписывающихся? Конечно, онъ не скажетъ того.

Письмо Бѣлинскаго написано слишкомъ странно, чтобъ возбудить къ себѣ сочувствіе. Ругательства отвращаютъ сердце, а не привлекаютъ его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконецъ, вся статья—образецъ бездоказательности, недостатокъ, отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ избавиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который усиливался по мѣрѣ истощенія нравственныхъ и физическихъ силъ его въ болѣзни. Письма эти написаны въ послѣдній годъ его жизни, во время пребыванія за границею. Нѣсколько времени я былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ довольно коротко. Это былъ превосходный человѣкъ, какъ человѣкъ. Но болѣзнь, сведшая его въ могилу, сломила въ немъ даже и человѣка. Она ожесточила, очерствила его душу и залила желчью его сердце. Воображеніе его, разстроенное, напряженное, увеличивало все въ колоссальныхъ размѣрахъ, и показывало ему такія вещи, которыя одинъ онъ и способенъ былъ видѣть. Въ немъ явились вдругъ такія недостатки и пороки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ явилось самолюбіе, крайне раздражительное и обидчивое. Въ журналѣ, въ которомъ онъ числился сотрудникомъ и гдѣ за болѣзнію очень мало работалъ,—ему связывала редакція руки и уже не давала писать слишкомъ серьзныхъ статей. Это оскорбляло его. И вотъ въ этомъ-то состояніи онъ написалъ письмо свое къ Гоголю.—Въ литературномъ мірѣ не безъизвѣстно весьма многимъ о моей ссорѣ и окончательномъ разрывѣ съ Бѣлинскимъ въ

послѣдній годъ его жизни. Извѣстна тоже и причина нашей размолвки: она произошл изъ-за идей о литературѣ и о направленіи литературы. Взглядъ мой былъ радикальн противоположный взгляду Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ силится дат литературѣ частное, недостойное ея, назначеніе, низводя ее единственно до описанія если можно такъ выразиться, однихъ газетныхъ фактовъ или скандалезныхъ проис шествій. Я именно возражалъ ему, что желчью не привлечешь никого, а только на доѣшь смертельно всѣмъ и каждому, хватая встрѣчнаго и поперечнаго на улицѣ останавливая каждаго прохожаго за пуговицу фрака и начиная сильно проповѣдывать ему и учить его уму-разуму. Бѣлинскій разсердился на меня, и, наконецъ, отъ охла жденія мы перешли къ формальной ссорѣ, такъ что и не видались, наконецъ, другъ с другомъ въ продолженіе всего послѣдняго года его жизни. Я давно желалъ прочест эти письма. Въ моихъ глазахъ эта переписка—довольно замѣчательный литературны памятникъ. И Бѣлинскій и Гоголь лица очень замѣчательныя. Отношенія ихъ межд собою весьма любопытны, тѣмъ болѣе для меня, который былъ знакомъ съ Бѣлин скимъ. Петрашевскій, случайно увидавъ эти письма въ моихъ рукахъ, спросилъ: „что такое?“ и я, не имѣя времени показать ему эти письма тотчасъ, обѣщалъ ихъ при нести къ нему въ пятницу. Самъ я вызвался, и уже потомъ долженъ былъ сдержат слово. Я прочелъ эту статью ни болѣе, ни менѣе, какъ литературный памятникъ твердо увѣренный, что она никого не можетъ привести въ соблазнъ, хотя она и не лишена нѣкотораго рода литературнаго достоинства. Что меня касается, я буквальн не согласенъ ни съ однимъ изъ преувеличеній, находящихся въ ней. Теперь я прош взять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: сталъ ли бы я читать статью чело вѣка, съ которымъ былъ въ ссорѣ именно за идеи (это не тайна, это очень многим извѣстно), да еще писанную въ болѣзни, въ разстройствѣ умственномъ и душевномъ,— сталъ ли бы я читать эту статью, выставляя ее, какъ образецъ, какъ формулу, кото рой нужно слѣдовать? Я только теперь понялъ, что сдѣлалъ ошибку и что не слѣдо вало мнѣ читать этой статьи вслухъ; но тогда я не спохватился, ибо даже и не по дозрѣвалъ того, въ чемъ могутъ обвинить меня, не подозрѣвалъ за собою грѣха. Из уваженія къ человѣку, уже умершему, замѣчательному въ свое время, котораго многіе уважаютъ за нѣкоторыя литературно-эстетическія статьи его, написанныя дѣйствительн съ большимъ знаніемъ литературного дѣла,—наконецъ, изъ щекотливаго чувства по поводу ссоры нашей за идеи, которая многимъ извѣстна, я прочелъ всю переписку воздержавшись отъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ безпристрастіемъ.

Я упомянулъ, что я говорилъ о политикѣ, о цензурѣ и т. д., но я только напрасно сказалъ на себя. Мнѣ хотѣлось только высказать образъ идей моихъ. Никогда я не говорилъ у Петрашевскаго объ этихъ предметахъ. Говорилъ я у него только три раза или, лучше сказать, два раза. Разъ *о литературѣ*, по поводу спора съ Петра шевскимъ изъ-за Крылова, и другой разъ *о личности и объ эгоизмѣ*. Вообще я человѣкъ неразговорчивый и не люблю громко говорить тамъ, гдѣ есть мнѣ незна комые. Образъ мыслей моихъ и я весь извѣстенъ только очень немногимъ моимъ пріятелямъ. Отъ большихъ споровъ я удаляюсь и люблю уступить, только бы меня оставили въ покоѣ. Но я былъ вызванъ на этотъ литературный споръ, темой кото раго, съ моей стороны, было то, что искусство не нуждается въ направленіи, что ис кусство само себѣ цѣлью, что авторъ долженъ только хлопотать о художественности, а идея прійдетъ сама собою, ибо необходимое условіе художественности. Однимъ сло-

вомъ, *извѣстно, что это направленіе діаметрально-противоположно газетному* и... *). Многимъ тоже извѣстно, что это направленіе мое уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ, споръ нашъ слышали всѣ у Петрашевскаго; всѣ могутъ засвидѣтельствовать то, что я говорилъ. Кончилось тѣмъ, что оказалось, что Петрашевскій со мною однѣхъ идей о литературѣ, но что мы не понимали другъ друга. Объ этомъ заключеніи тоже всѣ слышали. И я замѣтилъ, наконецъ, что весь споръ вышелъ отчасти изъ самолюбія, потому что я заподозрилъ разъ Петрашевскаго въ отчетливомъ знаніи по этому предмету. Что же касается до второй темы *о личности и эгоизмѣ*, то въ ней я хотѣлъ доказать, что между нами болѣе *амбиціи*, чѣмъ настоящаго человѣческаго достоинства, что мы сами впадаемъ въ самоумаленіе, въ размельченіе личности отъ мелкаго самолюбія, отъ эгоизма и отъ безцѣльности занятій. Эта тема чисто психологическая.

Я сказалъ, что въ обществѣ, которое собиралось у Петрашевскаго, не было ни малѣйшей цѣлости, ни малѣйшаго единства ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыслей. Казалось, это былъ споръ, который начался одинъ разъ съ тѣмъ, чтобы никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралось общество,—чтобы спорить и доспориться; ибо каждый почти разъ расходились съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій разъ возобновить споръ съ новою силою, чувствуя, что не высказали и десятой части того, что хотѣли сказать. Безъ споровъ у Петрашевскаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и противорѣчія и могли соединить этихъ разнохарактерныхъ людей. Говорилось обо всемъ и ни объ чемъ исключительно, и говорилось такъ, какъ говорится въ каждомъ кружкѣ, собравшемся случайно. Я такъ увѣренъ. И если я участвовалъ иногда въ спорахъ у Петрашевскаго, если я ѣздилъ къ нему и не пугался того, когда слышалъ иное горячее слово, то это потому, что совершенно былъ увѣренъ (и увѣренъ въ томъ до сихъ поръ), что тутъ дѣло происходило семейственно, въ кругу общихъ знакомыхъ и пріятелей Петрашевскаго, а не публично. Такъ и дѣйствительно было, и если теперь обратили такое исключительное вниманіе на то, что было у Петрашевскаго, то мнѣ кажется, это произошло оттого, что Петрашевскій извѣстенъ почти всему Петербургу своими странностями и эксцентричностями, а поэтому и вечера его извѣстны; а я знаю положительно, что молва преувеличивала ихъ значеніе, хотя въ людской молвѣ было больше насмѣшки къ вечерамъ Петрашевскаго, чѣмъ опасенія. Тѣмъ, что говорилось иногда довольно откровенно (но всегда въ видѣ сомнѣнія, и всегда то, что говорилось, подымалось на споръ), я не смущался, потому что по моей идеѣ, лучше пусть иной горячій парадоксъ, иное сомнѣніе идетъ на судъ другихъ (конечно, не на площадь, а въ пріятельскій кругъ), чѣмъ остается внутри человѣка безъ выхода, черствѣетъ и укореняется въ душѣ его. Общій споръ полезнѣе уединенія. Истина всегда наверхъ всплываетъ, и здравый смыслъ одержитъ побѣду; такъ я смотрѣлъ на эти собранія, и на основаніи такого взгляда ходилъ иногда къ Петрашевскому. И опытъ оправдалъ меня, потому что, напримѣръ, о фурьеризмѣ перестали, наконецъ, совсѣмъ говорить, ибо фурьеризмъ былъ засыпанъ насмѣшками со всѣхъ сторонъ, даже какъ ученіе. Но если бы рѣшился кто-нибудь у Петрашевскаго говорить о примѣненіи системы Фурье къ нашему общественному быту, то ему тутъ же бы безъ всякихъ околичностей насмѣялись въ глаза. Я говорю такъ потому, что увѣренъ въ истинѣ словъ моихъ.

*) Не разобрано въ рукописи (подстрекательному?)

Чтобъ отвѣчать на вопросъ, не было ли какой тайной, скрытой цѣли въ обществѣ Петрашевскаго, можно утвердительно сказать, припоминая всю разногласицу, все это смѣшеніе понятій, характеровъ, личностей, спеціальностей, всѣ эти споры, доходившіе чуть не до вражды, и которые тѣмъ не менѣе оставались одними спорами,—смотря на все это и сообразивъ, можно утвердительно сказать, что невозможно, чтобъ была какая-нибудь тайная, скрытая цѣль во всемъ этомъ хаосѣ. Тутъ не было и тѣни единства, и не было бы до скончанія вѣковъ; и хотя я зналъ не всѣхъ и не все въ обществѣ Петрашевскаго, но, судя по тому, что я видѣлъ, могу положительно сказать, что я не ошибаюсь.

Теперь мнѣ приходится отвѣчать на послѣдній вопросъ, отвѣтъ на который составитъ заключеніе моего оправданія, — вредный ли человѣкъ Петрашевскій, и до какой степени онъ вреденъ для общества? Когда мнѣ предложили этотъ вопросъ въ первый разъ, я не могъ отвѣчать на него прямо. До этого вопроса я долженъ былъ разрѣшить въ себѣ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, которые тотчасъ же породились въ умѣ моемъ, которыхъ я разрѣшить не могъ тутъ же на мѣстѣ, которые требовали нѣкотораго соображенія, и потому я стоялъ, не зная, что отвѣчать. Теперь, сообразивъ все, я представляю и предварительныя соображенія мои и, наконецъ, отвѣтъ на заданный мнѣ вопросъ, какъ слѣдствіе этихъ соображеній.

Во-первыхъ, если меня спрашивали, вреденъ ли Петрашевскій для общества, то я разумѣю прежде всего, какъ фурьеристъ, какъ послѣдователь и распространитель ученія Фурье. Мнѣ показали тетрадь, мелко исписанную, и сказали, что я, вѣроятно, узнаю почеркъ. Руки Петрашевскаго я не знаю, мы съ нимъ никогда не переписывались, и я рѣшительно не подозрѣвалъ, чтобы онъ пускался въ авторство. И я говорю утвердительно. И потому я рѣшительно ничего не знаю о Петрашевскомъ, какъ о фурьеристѣ—распространителѣ. Я знаю только его научныя вѣрованья. Да и то мы съ нимъ и въ научный разговоръ о Фурье рѣдко вступали, почти никогда, ибо нашъ разговоръ въ ту же минуту обратился бы въ споръ. Это онъ зналъ очень хорошо. Плановъ же и распоряженій Петрашевскій мнѣ никогда не сообщалъ, и я рѣшительно не знаю, были ли они у него или не были. Кромѣ того, если бъ даже и были, чего я совершенно не знаю, то онъ, будучи совсѣмъ не въ короткихъ отношеніяхъ со мною, и вовсе не объявилъ бы мнѣ ни слова. Я же, съ своей стороны, въ желаніи никогда не имѣлъ провѣдать его тайны. И потому я рѣшительно ничего не могу сказать о Петрашевскомъ, какъ о фурьеристѣ, кромѣ какъ въ отношеніи чисто научномъ.

Я знаю, что Петрашевскій уважаетъ систему Фурье. Какъ фурьеристъ, онъ, конечно, не можетъ не желать, чтобъ ему сочувствовали. Но меня спрашивали: дѣлаетъ ли онъ учениковъ? *Не завлекаетъ ли онъ къ себѣ учителей изъ разныхъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы, обративъ ихъ, дѣйствовать черезъ нихъ на распространеніе фурьеризма въ юношествѣ?* Отвѣчаю: положительно я ничего не могу сказать на этотъ вопросъ, потому что не имѣю достаточныхъ данныхъ, рѣшительно не знаю тайнъ Петрашевскаго. Мнѣ сказали, что у Петрашевскаго въ числѣ знакомыхъ есть учителя, напримѣръ, *Толь*. Но съ Толемъ я совершенно не знакомъ, и узналъ, что онъ учитель, только очень недавно. Что же касается Ястржембскаго, то о немъ я узналъ, что онъ учитель, только съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ о политической экономіи. Больше учителей я никого не знаю. Будучи не только не въ короткихъ, но даже въ далекихъ отношеніяхъ къ Толю, я не знаю ни исторіи знакомства

его съ Петрашевскимъ, ни того, когда они познакомились, ни того, въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу, — однимъ словомъ, мнѣ было вовсе не любопытно знать это. Что же касается Ястржембскаго, то я имѣлъ случай узнать образъ экономическихъ идей его, когда два раза удалось мнѣ его слышать. Онъ, сколько мнѣ кажется, экономистъ послѣдней школы и допускаетъ соціализмъ настолько, насколько его допускаютъ самые строгіе профессора науки. Ибо соціализмъ въ свою очередь сдѣлалъ много научной пользы критической разработкой и статистическимъ отдѣломъ своимъ. Однимъ словомъ, я полагаю, что Ястржембскій далеко не фурьеристъ, и что ему нечему учиться у Петрашевскаго. Но замѣчу, что Ястржембскаго, какъ человѣка, я не знаю совсѣмъ. Я съ нимъ *никогда* не вступалъ въ разговоры, и кажется, что и онъ находится точно въ такихъ же ко мнѣ отношеніяхъ. Полнаго образа его идей я не знаю, равно какъ и онъ моего. Итакъ, я могу судить о Петрашевскомъ, какъ о распространителѣ ученія только по однѣмъ догадкамъ, по соображенію.

Но по догадкамъ я ничего не могу сказать. Я знаю, что мое показаніе не возьмется за окончательное, за основное, но все-таки оно останется показаніемъ. Что же, если я ошибусь? Ошибка ляжетъ на моей совѣсти. Мнѣ показали рукопись, о существованіи которой я не зналъ прежде. Я прочелъ фразу этой рукописи. Въ этой фразѣ высказано горячее желаніе скорѣйшаго торжества системы Фурье. Если вся рукопись въ этомъ родѣ, если Петрашевскій призналъ ее, то, конечно, онъ желалъ распространенія системы Фурье. Но употреблялъ ли онъ дѣйствительно какія-либо мѣры до сихъ поръ—я не знаю. Мнѣ неизвѣстны его тайны, и я думаю, что мнѣ можно, наконецъ, повѣрить. Никто не покажетъ, что мы были съ Петрашевскимъ когда-нибудь въ отношеніяхъ очень близкихъ. Я ѣздилъ къ нему по пятницамъ, какъ знакомый, не болѣе. Я не знаю никакихъ его плановъ, и я въ первый разъ видѣлъ эту рукопись, содержанія которой, кромѣ одной фразы, я совершенно не знаю. Итакъ, дѣлалъ ли онъ что-нибудь, употреблялъ ли онъ какія мѣры, объ этомъ я сказать не могу. Но да позволятъ мнѣ изложить нѣсколько собственныхъ моихъ соображеній, которыя составляютъ во мнѣ глубочайшее убѣжденіе, которые я долго обдумывалъ, которыя и прежде мнѣ представлялись такими же, какъ и теперь, и вслѣдствіе которыхъ, наконецъ, я при первомъ вопросѣ о виновности Петрашевскаго не могъ отвѣчать положительно. Я понимаю, какъ важны въ глазахъ судей Петрашевскаго такія улики, какъ книги, рукописи и разговоры, записанные отрывками. Но такъ какъ меня спросили о Петрашевскомъ, то да позволятъ мнѣ изложить мой взглядъ на все его дѣло.

Петрашевскій вѣритъ Фурье. Фурьеризмъ—система мирная; она очаровываетъ душу своею изящностью, обольщаетъ сердце тою любовью къ человѣчеству, которая воодушевляла Фурье, когда онъ составлялъ свою систему, и удивляетъ умъ своею стройностью. Привлекаетъ къ себѣ она не желчными нападками, а воодушевляетъ любовью къ человѣчеству. Въ системѣ этой нѣтъ ненавистей. Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ; его реформа экономическая. Она не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягновенія на фамилію. Наконецъ, эта система кабинетная и никогда не будетъ популярною. Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстеры. Но, безъ сомнѣнія, эта система вредна

во-первыхъ, уже по одному тому, что она система; во-вторыхъ, какъ ни изящна она, она все-таки утопія самая несбыточная. Но вредъ, производимый этой утопіей, если позволятъ мнѣ такъ выразиться, болѣе *комическій*, чѣмъ приводящій въ ужасъ. Нѣтъ системы соціальной, до такой степени осмѣянной, до такой степени не популярной, освистанной, какъ система Фурье на Западѣ. Она уже давно померла, и предводители ея сами не замѣчаютъ, что они живые только мертвецы, больше ничего. На Западѣ, во Франціи, въ эту минуту всякая система, всякая теорія вредна для общества; ибо голодные пролетаріи въ отчаяніи хватаются за все средства, и изъ всякаго средства готовы сдѣлать себѣ знамя. Тамъ минута крайности. Тамъ голодъ гонитъ на улицу. Но фурьеризмъ забытъ изъ презрѣнія къ нему, и даже *кабетизмъ*, нелѣпѣе котораго ничего не производилось на свѣтѣ, возбуждаетъ гораздо болѣе симпатіи. Что же касается до насъ, до Россіи, до Петербурга, то здѣсь стоитъ сдѣлать двадцать шаговъ по улицѣ, чтобъ убѣдиться, что фурьеризмъ на нашей почвѣ можетъ только существовать или въ неразрѣзанныхъ листахъ книги, или въ мягкой, незлобивой мечтательной душѣ, но не иначе, какъ въ формѣ идилліи или подобно поэмѣ въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, въ стихахъ. Фурьеризмъ вреда нанести не можетъ серьезнаго. Во-первыхъ, если бы и былъ вредъ серьезный, то самое распространеніе его уже утопія, ибо до невѣроятности медленно. Чтобы понять фурьеризмъ вполнѣ, нужно его изучить, а это цѣлая наука. Нужно прочесть до десятка томовъ. Можетъ ли такая система когда-либо сдѣлаться популярною! Распространять ее съ каѳедръ черезъ учителей? Но это физически невозможно, уже по одному объему фурьеристической науки! Но, повторяю, вреда серьезнаго, по моему мнѣнію, отъ системы Фурье быть не можетъ, и если фурьеристъ нанесетъ кому вредъ, такъ только развѣ себѣ, въ общемъ мнѣніи, у тѣхъ, въ которыхъ есть здравый смыслъ. Ибо самый высочайшій комизмъ для меня—*это ненужная никому дѣятельность*. А фурьеризмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая западная система, такъ неудобны для нашей почвы, такъ не по обстоятельствамъ нашимъ, такъ не въ характерѣ націи, а, съ другой стороны, до того порожденіе Запада, до того продуктъ тамошняго, западнаго положенія вещей, среди котораго разрѣшается во что бы ни стало пролетарскій вопросъ, что фурьеризмъ съ своею настойчивою необходимостью, въ настоящее время, у насъ, между которыми нѣтъ пролетаріевъ, былъ бы уморительно смѣшенъ. Дѣятельность фурьериста была бы самая ненужная, слѣдовательно, самая комическая. Вотъ почему по *догадкѣ* моей я полагаю Петрашевскаго умнѣе, и никогда не подозрѣвалъ его *серьезно* дальше кабинетнаго уваженія къ Фурье... Все остальное я *по истинѣ* готовъ былъ счесть за шутку. Фурьеристъ — несчастный и невиновный человѣкъ,—вотъ мое мнѣніе. Наконецъ, по моему мнѣнію, ни одинъ парадоксъ, сколько ихъ не было, не могъ удержаться долго самъ собою, своими силами. Такъ насъ учитъ исторія. И доказательство, что во Франціи почти въ одинъ годъ пали всѣ системы, одна за другой, и пали сами собою, чуть только дѣло дошло до малѣйшаго опыта. Сообразивъ это все, если бъ я даже зналъ (чего я не знаю, повторяю еще разъ), но если бъ я даже зналъ, что Петрашевскій, не боясь никакой насмѣшки, все еще старался о распространеніи фурьеризма, то я бы все-таки удержался сказать, что онъ вреденъ, что онъ приноситъ положительный вредъ. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ бы быть вреденъ Петрашевскій, какъ пропагаторъ фурьеризма? Свыше моихъ понятій! Смѣшенъ, а не вреденъ! Вотъ мое мнѣніе и, вотъ что я по совѣсти могу отвѣчать на заданный мнѣ вопросъ.

Наконецъ, во мнѣ возникло еще одно соображеніе, о которомъ я не могу умолчать, соображеніе чисто житейское. У меня было давнее, старое убѣжденіе, что Петрашевскій зараженъ нѣкотораго рода самолюбіемъ. Изъ самолюбія онъ созывалъ къ себѣ въ пятницу, и изъ самолюбія же пятницы не надоѣдали ему. Изъ самолюбія онъ имѣлъ много книгъ, и, кажется, ему нравилось, что у него есть рѣдкія книги. Впрочемъ, это не болѣе, какъ мое наблюденіе, догадка, ибо, повторяю, все, что я знаю о Петрашевскомъ, я знаю не полно, не совершенно, а по догадкамъ, основаннымъ на томъ, что я видѣлъ и слышалъ.

Вотъ мой отвѣтъ,—я передалъ истину.

Ѳедоръ Достоевскій [1]).

---

[1]) «Космополисъ» 1898, сент., стр. 193—212. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и «Мірѣ Божіемъ» 1898 г. былъ помѣщенъ плохой русскій переводъ плохого нѣмецкаго перевода этого «Показанія».

V.

Записка Петрашевскаго.

Записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній.

Цѣна населенныхъ имѣній нынѣ менѣе дѣйствительной цѣнности сихъ имѣній. Эта разница въ цѣнѣ имѣній и ихъ стоимости гибельна для общественнаго благосостоянія вообще. Всякій долженъ съ этимъ согласиться, какъ и съ тѣмъ, что ее нужно устранить; чѣмъ скорѣе это будетъ совершено, тѣмъ лучше. Причины сему: предоставленіе владѣнія населенными землями одному только классу, исключительная малость капиталовъ, обращающихся на сію промышленность, неразвитіе кредита и ощутительный недостатокъ мѣстъ и учрежденій, содѣйствующихъ къ его развитію, неопредѣленность въ будущемъ условій владѣній сими родами собственности, разныя постановленія, вышедшія въ послѣднее 10-лѣтіе. Уничтожить вредное вліяніе вышеозначенныхъ причинъ можно принятіемъ слѣдующихъ мѣръ:

1. Предоставленіемъ купцамъ права пріобрѣтать земли подъ условіемъ дѣлать обязанными крестьянъ, на сихъ земляхъ находящихся, вмѣстѣ съ правомъ голоса и участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ качествѣ землевладѣльцевъ и по дѣламъ, относящимся до обоихъ сословій, какъ землевладѣльцевъ. Единовременно съ этимъ можно предоставить крестьянамъ право выкупаться за извѣстную сумму. Вслѣдствіе сего по меньшей мѣрѣ должно обратиться на пріобрѣтеніе земель до 500.000,000 руб. асс. и даже болѣе купеческихъ капиталовъ. Къ облегченію способовъ пріобрѣтенія населенныхъ земель купцами на вышеозначенномъ основаніи можетъ служить дозволеніе дѣлать ссуды денегъ дворянамъ подъ населенныя имѣнія.

2. Введеніемъ гипотетическихъ книгъ на томъ же основаніи, какъ сіе существуетъ въ Пруссіи.

3. Заведеніемъ кредитныхъ земскихъ учрежденій (Kreditvereine), какъ въ Польшѣ.

4. Учрежденіемъ дворянскихъ или, лучше сказать, земледѣльческихъ банковъ.

5. Равнымъ уменьшеніемъ процентовъ на капиталы, платимые какъ кредитнымъ установленіемъ за ссуду денегъ, такъ и платимыхъ ими самими на капиталы, врученные ихъ храненію. Эта мѣра также вдвинетъ огромные капиталы въ оборотъ. Отъ сего никто не потерпитъ, ибо можетъ быть сохранено нынѣ существующее отношеніе между процентами, платимыми на капиталъ за ссуду его кредитными установленіями частнымъ лицамъ, и процентами, платимыми кредитными установленіями за ссуду или отдачу имъ на храненіе капиталовъ частнымъ лицамъ.

6. Усиленіемъ библіотекъ, находящихся при уѣздныхъ училищахъ сочиненіями, относящимися до сельскаго хозяйства и отраслей промышленности, съ ними связанныхъ, и предоставленіемъ безмезднаго пользованія сими книгами всѣмъ земледѣльцамъ и городскимъ обывателямъ.

7. Учрежденіемъ сохранныхъ кассъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и порученіемъ пріема взносовъ въ сіи кассы всѣмъ приходскимъ священникамъ; эта мѣра также должна внести въ общественный оборотъ значительные капиталы, нынѣ находящіеся безъ движенія, а крестьянамъ дать возможность быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ своимъ освобожденіемъ. Нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна; въ то же время она достойна уваженія, какъ благонадежное, постепенно дѣйствующее средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы и плодами своей свободной дѣятельности. Сверхъ сего, эта мѣра, равно какъ и допущеніе купцовъ покупать земли, населенныя дворянами, для дворянъ важна тѣмъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, что значительную часть тягости и неудобства, сопряженныхъ съ измѣненіемъ настоящихъ отношеній крестьянина и помѣщика, переноситъ на другіе классы, и за уступку, болѣе мнимую, нежели дѣйствительную, нѣкотораго преимущества значительно вознаграждаетъ за это дворянъ выгодами экономическими.

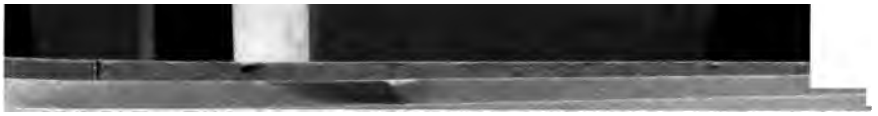
8. Учрежденіемъ при сохранныхъ классахъ mont de petri (piété?) на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существуютъ во Франціи, съ присовокупленіемъ права принимать подъ залогъ нѣкоторыя земледѣльческія произведенія.

9. Улучшеніемъ формъ судопроизводства и надзора за административными или исполнительными властями. Таковыя усовершенствованія не могутъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній, какъ на все другое чрезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами.

Мѣры эти, единовременно принятыя въ теченіе весьма непродолжительнаго времени, не только должны значительно увеличить цѣнность поземельной собственности, но и развить многія какъ нравственныя, такъ и матеріальныя силы въ народѣ, находящіяся понынѣ въ дремотномъ состояніи; положить начало самосознанія и сознанія своего общественнаго значенія въ тѣхъ классахъ, кои до сего были совершенно чужды этого; установить благосостояніе общественное на началахъ прочныхъ, истинныхъ, согласныхъ съ мѣстными условіями страны. Учрежденія эти, развиваясь соотвѣтственно общимъ нуждамъ и потребностямъ страны, должны необходимо сдѣлать богатство и благосостояніе доступнымъ всѣмъ классамъ посредствомъ ихъ труда и благоразумнаго употребленія производительныхъ силъ природы, находящихся въ ихъ завѣдываніи, и дать возможность всѣмъ въ мѣру ихъ силъ быть дѣйствительными участниками всеобщаго счастья и благоденствія.

Сдѣлать предъ лицомъ дворянскаго сословія съ С.-Петербургской губерніи въ общемъ губернскомъ собраніи изъясненіе всѣхъ сихъ мѣръ, безспорно полезныхъ не только тому одному сословію, къ которому имѣю честь я принадлежать, но и всему обществу, мѣръ, настоятельность нужды принятія которыхъ очевидна, въ подробности соотвѣтственной ихъ практическому назначенію чрезъ чтеніе подробнаго изложенія всѣхъ сихъ мѣръ, и словесно разрѣшить тогда же всѣ недоразумѣнія и вопросы разнаго рода, могущіе возникнуть по сему предмету, почту для себя пріятной обязанностью, если на то будетъ изъявлено желаніе почтеннаго с.-петербургскаго дворянства. *Дворянинъ С.-Петербургской губерніи, землевладѣлецъ и избиратель М. Буташевичъ-Петрашевскій* *).

*) „Былое", 1906, апрѣль, стр. 61—63.



VI.

Рѣчи на обѣдѣ въ честь Фурье.

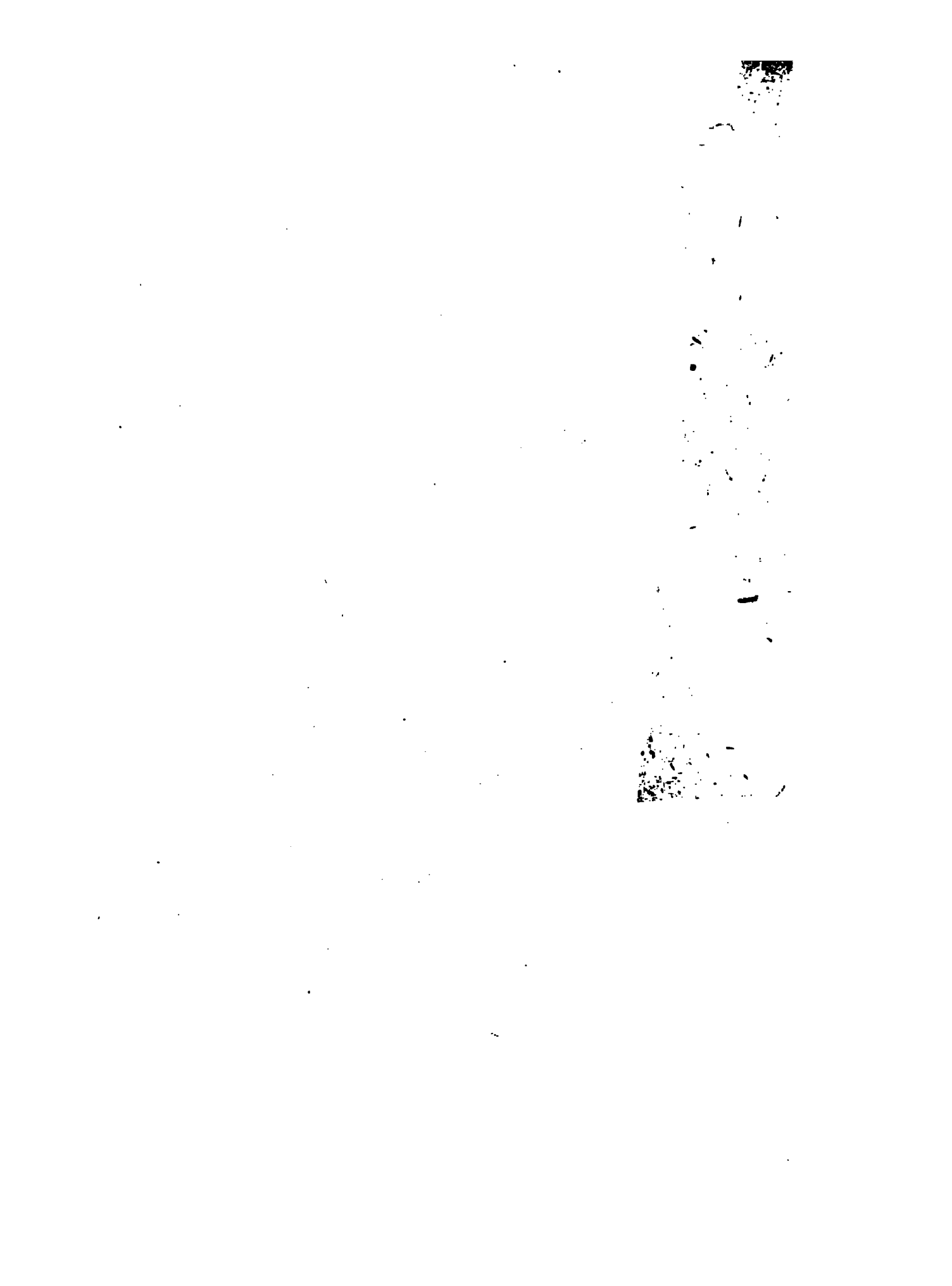
Рѣчь Ханыкова.

Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаетъ мнѣ и наше собраніе, событіе, которое мы празднуемъ здѣсь (т.-е. день рожденія Фурье), событіе, влеза собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней". Далѣе овъ говорилъ въ своей рѣчи о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ й съ древности и до нашего времени и о томъ, что „въ этой борьбѣ надо ъ неудовлетворенность страстей и что нейтрализовать, уничтожить этотъ законъ только ученіе Фурье". Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальстоянія тогдашней Россіи, и въ заключеніе сказалъ: „весь недостатокъ и все льное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ мъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе ни будь истинно, блаьно само по себѣ, но по невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней ціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но ъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, ѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и . Преображеніе близко!" *).

Рѣчь Д. Д. Ахшарумова

знь, какъ она теперь,—тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть мъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ? И такъ какъ порядокъ нный противорѣчитъ главному, основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится, и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь,—этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.—Мы въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ, разрозненномъ семействами, которыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И

*) В. И. Семевскій. „Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова", стр. 6.



Рѣчь Ханыкова.

„Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаетъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе, которое мы празднуемъ здѣсь (т.-е. день рожденія Фурье), событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней". Далѣе Ханыковъ говорилъ въ своей рѣчи о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ сословій съ древности и до нашего времени и о томъ, что „въ этой борьбѣ надо признать неудовлетворенность страстей и что нейтрализовать, уничтожить этотъ законъ можетъ только ученіе Фурье". Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальнаго состоянія тогдашней Россіи, и въ заключеніе сказалъ: „весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей школѣ слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе ни будь истинно, благодѣтельно само по себѣ, но по невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и закона... Преображеніе близко!" *).

Рѣчь Д. Д. Ахшарумова

„Жизнь, какъ она теперь,—тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ? И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится, и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь,—этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.—Мы въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ, разрозненномъ семействами, которыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И

*) В. И. Семевскій. „Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова", стр. 6.

тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастіе для нихъ— сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица!—Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ, мы собрались сегодня не для жалобъ, но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы даемъ обѣдъ и празднуемъ грядущее искупленіе человѣчества,—сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье, чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастья. Сегодня—первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе. Все начинается съ малаго и растетъ до великаго. Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій“ [1]).

---

[1]) В. И. Семевскій. „Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова“, стр. 7 и 8.

VII.

Прошеніе Петрашевскаго.

Прошеніе М. В. Петрашевскаго.

Его высокопревосходительству, господину министру внутреннихъ дѣлъ.

Поселенца Михаила Васильева сына Буташевича-Петрашевскаго

Прошеніе.

24-го февраля 1860 года, подавая въ иркутскій губернскій судъ апелляціонную жалобу на неправильное и несогласное съ законами рѣшеніе иркутскаго и верхоленскаго окружнаго суда, дѣло объ искѣ моемъ съ титулярнаго совѣтника Пермикина, я лично удостовѣрился, что въ ономъ судѣ къ дѣйствительному отправленію судейскихъ обязанностей допущенъ г. надворный совѣтникъ Меѳодій Молчановъ, въ званіи товарища предсѣдателя сего суда. Отъ г. Молчанова (по личнымъ его отношеніямъ ко мнѣ, проистекающимъ отъ соучастія его въ такъ называемой дуэли между г.г. Беклемишевымъ и Неклюдовымъ) не могъ я ожидать безпристрастнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла моего на основаніи законовъ, почему для огражденія себя отъ несправедливости съ его стороны я рѣшился воспользоваться предоставленнымъ законами всѣмъ тяжущимся правомъ *отвода судей по подозрѣнію*, и именно на слѣдующихъ основаніяхъ: г. Молчановъ по соучастію его въ дѣлѣ умерщвленія г. Неклюдова находился и нынѣ еще находится подъ судомъ по сему уголовному дѣлу. Нахожденіе какого-либо лица подъ слѣдствіемъ или судомъ, за явное уголовное преступленіе, совершенно лишаетъ его права на отправленіе не только судейскихъ обязанностей, но и вообще какой бы то ни было должности въ государственной службѣ, по крайней мѣрѣ все это время нахожденія его подъ слѣдствіемъ или судомъ за таковое его преступленіе. Вслѣдствіе чего г. Молчановъ (неизвѣстно, въ силу чего допущенный къ отправленію судейскихъ обязанностей) *въ смыслѣ юридическомъ былъ* не только *лицомъ неспособнымъ* къ разсмотрѣнію и рѣшенію моего дѣла, но и вообще *къ формальному отправленію какой-бы то ни было должности на службѣ государственной*. Кромѣ сего, еще и того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что присутствіе г. Молчанова въ судѣ и отправленіе имъ дѣйствительно судейскихъ обязанностей, при означенныхъ выше условіяхъ его къ тому инкомпетентности, *было по существу своему новымъ нарушеніемъ имъ закона*, или его преступленіемъ, т.-е. *сознательно совершеннымъ имъ посягательствомъ закона*, учиненнымъ имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое по закону надлежитъ считать въ губерніи высшимъ святилищемъ закона!

Нравственный характеръ этого явленія, оригинальность такового личнаго состава суда—въ юридическихъ лѣтописяхъ благоустроенныхъ государствъ безпримѣрная, замѣчательная особенно тѣмъ, что преступникъ, судимый за уголовное преступленіе, въ самомъ судѣ его осудившемъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ его членовъ, заключали въ себѣ уже не мало основаній, чтобъ побудить меня полагать, что рѣшеніе по дѣлу моему въ ономъ судѣ не можетъ воспослѣдовать иное, какъ несогласное съ за-

конами; тѣмъ болѣе, что при такомъ личномъ составѣ иркутскаго губернскаго суда, *въ смыслѣ юридическомъ совершенно неприличномъ, самый судъ дѣлается какимъ-то страннымъ, ненормальнымъ явленіемъ, совершенно потерявшимъ характеръ законный судебнаго учрежденія.*

Устраненіе г. Молчанова отъ должности или воспрещеніе ему присутствовать и заниматься дѣлами суда въ званіи дѣйствительнаго члена возвращало суду уничтожаемый присутствіемъ въ немъ г. Молчанова характеръ законнаго учрежденія, вмѣстѣ съ тѣмъ оно до нѣкоторой степени служило къ обезпеченію меня въ томъ, что дѣло мое будетъ рѣшено съ соблюденіемъ закона и не вопреки справедливости. Руководствуясь такими моими соображеніями (болѣе видами общественной пользы, нежели моими личными), я почелъ нужнымъ вслѣдъ за подачею апелляціонной моей жалобы подать въ иркутскій губернскій судъ прошеніе объ отводѣ г. Молчанова, т.-е. объ устраненіи г. Молчанова отъ участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи моего дѣла. Въ этомъ прошеніи изложилъ я причины, на основаніи которыхъ г. Молчановъ былъ неспособенъ къ дальнѣйшему отправленію имъ судейскихъ обязанностей.

Копію съ прошенія моего объ отводѣ г. Молчанова просилъ я моего повѣреннаго, г. губернскаго секретаря Ивана Дмитріевича Подлѣснаго, выслать вашему высокопревосходительству, дабы по оному вы могли судить о мѣрѣ пренебреженія, оказываемаго къ законамъ тѣми самыми людьми, которыхъ высочайшее довѣріе облекло въ званіе ихъ блюстителей.

Прошеніемъ моимъ объ отводѣ г. Молчанова юридически мотивировалось не только устраненіе отъ занимаемой имъ должности, но и обусловливалось въ извѣстной степени удаленіе отъ должности и прочихъ лицъ, сопричастныхъ къ дѣлу умерщвленія Неклюдова, хотя, быть можетъ, мѣра ихъ отвѣтственности и была, какъ слышно, умалена и ослаблена оттого, что его сіятельство графъ Муравьевъ-Амурскій умерщвленіе Неклюдова въ донесеніи своемъ его императорскому величеству назвалъ дѣломъ чести (т.-е. дуэли), вопреки очевидности, т.-е. всѣмъ общеизвѣстнымъ въ Иркутскѣ обстоятельствамъ сего событія, исключавшимъ всякую логическую возможность подобнаго воззрѣнія на фактъ смерти г. Неклюдова.

Означенное прошеніе мое объ отводѣ г. Молчанова не могло не возбудить противу меня тѣхъ лицъ, для которыхъ поруганія законовъ, оказываніе къ нимъ совершеннаго пренебреженія, не со вчерашняго дня, стало *дѣломъ чести своего рода.* Въ прошеніи моемъ объ отводѣ г. Молчанова содержащееся напоминовеніе о нравственныхъ гражданскихъ положительныхъ требованіяхъ закона, о его ограничительной силѣ—для прихотливаго административнаго произвола (сдѣланнаго лицомъ, въ смыслѣ юридическомъ безправнымъ) не могло не показаться одною изъ тѣхъ оскорбительныхъ для самолюбія дерзостей, за которую *всякаго рода мщеніе* позволительно. Вотъ почему ни нравственныя правила, ни сознаніе общественныхъ благоприличій, ни служебныхъ или гражданскихъ обязанностей не могли уже воздержать ихъ отъ противозаконной рѣшимости употреблять противу меня находящуюся въ ихъ распоряженіи административную власть, какъ силу или средство къ отомщенію мнѣ за такое дерзновеніе, *т.-е. сдѣлать ее недостойнымъ орудіемъ своего произвола для моего угнетенія.* Быть можетъ, въ новомъ злоупотребленіи властей, въ новомъ нарушеніи закона, т.-е. въ новомъ преступленіи они искали новаго и полнѣйшаго удовлетворенія своимъ противозаконнымъ тенденціямъ. Угнетеніемъ моимъ они, можетъ быть, надѣялись подавить

въ себѣ то неловкое чувство смущенія, которое навело на нихъ неожиданное напоминовеніе о нравственномъ и положительномъ смыслѣ закона, о существованіи котораго имъ вовсе не хотѣлось помнить! Прошеніе же мое объ отводѣ г. Молчанова заставляло ихъ—его невольно признать.

Личность моя была для нихъ соблазнительнѣе всякой другой, такъ какъ въ отношеніи къ ней произволъ ихъ (какъ они предполагали) былъ менѣе стѣсненъ и ограниченъ отсутствіемъ для нея тѣхъ юридическихъ гарантій, которыя существуютъ по закону для полноправнаго гражданина. Кромѣ сего, юридически нелѣйствительный приговоръ 1849 года, и понынѣ надо мною тяготѣющій своими послѣдствіями, дѣлалъ изъ меня для нихъ особенно удобную жертву. Имъ на мнѣ, какъ на лицѣ, наименѣе гарантированномъ закономъ противъ чужого произвола, было всего удобнѣе выказать безграничность ихъ произвола и самую ихъ власть—самовластительно, поступить со мною такъ, какъ бы всѣ верховныя права верховной самодержавной власти имъ фактически принадлежали, ни мало не смущаясь опасеніями за это подвергнуться надлежащей отвѣтственности. Они въ семъ случаѣ могли быть явно несправедливыми съ полной увѣренностью въ совершенной за то ихъ безнаказанности...

Макіавелизмъ во внутренней администраціи производитъ тѣ же послѣдствія, какъ и въ политикѣ...

Благодаря сему было снова суждено, къ моему великому прискорбію и не одному, стать въ положеніе весьма незавидное ягненка въ баснѣ „Волкъ и Ягненокъ“, собственно потому только, что его сіятельство графъ Муравьевъ-Амурскій заблагоразсудилъ *объявить оффиціально дуэлью—убійство, вопреки очевидности.*

На третій день послѣ подачи мною апелляціонной жалобы и прошенія объ отводѣ, г. генералъ-маіоръ Корсаковъ, по распоряженію графа Муравьева-Амурскаго исправляющій должность предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія восточной Сибири, потребовалъ меня къ себѣ, 27 февраля въ 12 часовъ дня. Когда я къ нему явился, онъ мнѣ объявилъ, что такъ какъ до слуха его дошло, что я неприлично велъ себя въ присутственномъ мѣстѣ, то онъ приказываетъ мнѣ отправиться подъ арестъ въ полицію. Вслѣдъ затѣмъ г. Корсаковъ (не слушая моихъ объясненій, т.-е. просьбы моей произвести формальное слѣдствіе о неприличныхъ моихъ поступкахъ въ присутственномъ мѣстѣ, мнѣ неизвѣстныхъ, и о наказаніи меня за то, если я окажусь виновнымъ, по суду и согласно закону), обратившись къ г. иркутскому полицеймейстеру, подполковнику Сухотину (тому самому, который вмѣсто принятія мѣръ къ предупрежденію умерщвленія Неклюдова — фактъ его совершенія созерцалъ въ зрительную трубу съ высоты колокольни Успенской церкви, и ѣхалъ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ нѣкоторое время къ мѣсту такъ называемой дуэли), приказалъ посадить меня въ полицію, и такъ называемую *секретную*, и никого не допускать къ свиданію со мною. Разсказывая объ этомъ обстоятельствѣ, я не могу не упомянуть о томъ, что въ семъ случаѣ г. Корсаковъ явился только исполнителемъ той программы, которая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ была составлена участниками въ такъ называемой дуэли, наказанія тѣхъ, которые дерзали не одобрять ихъ поступковъ... Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія въ Иркутскъ графа Амурскаго предназначено было ими г. Корсакову (разумѣется, не безъ душевнаго и сердечнаго его на то согласія) быть ея исполнителемъ. Относительно меня было первопачально рѣшено распорядиться слѣдующимъ образомъ: призвать меня къ себѣ и, не входя со мною ни въ какія объясненія, приказать мнѣ сѣсть въ

заранѣе приготовленную кибитку для увоза меня изъ Иркутска въ Туруханскъ. Г. Корсаковъ, какъ изъ вышесказаннаго видно, въ отношеніи ко мнѣ выполнилъ эту программу, незначительно измѣнивъ ее самопроизвольно. Важнѣйшее отступленіе отъ этой программы въ отношеніи ко мнѣ состоитъ въ назначеніи г. Минусинска вмѣсто Туруханска мѣстомъ моей новой ссылки въ ссылкѣ.

Лицо, сдѣлавшее это измѣненіе въ мѣстѣ назначенія моей ссылки, имѣетъ несомнѣнное право на мою за то благодарность и признательность. Но такъ какъ истинные благодѣтели всегда бываютъ скромны, любятъ оставаться неизвѣстными, то я не рѣшаюсь смущать ихъ цѣломудренную скромность и смѣю надѣяться, что причина непоименованія ихъ въ моемъ настоящемъ прошеніи будетъ принята и вашимъ высокопревосходительствомъ въ уваженіе.

Вслѣдствіе отступленія г. Корсакова отъ первоначальной программы совершенія моего увоза изъ Иркутска, *эффекта въ сценическомъ или театральномъ отношеніи оказалось меньше*, чѣмъ было разсчитано, но мѣра злоупотребленія власти и мѣра вреда, мнѣ причиненнаго, осталась совершенно та же.

Эта программа преслѣдованій и гоненій не меня одного, и не на мнѣ первомъ начатыхъ, какъ слышно, съ благоразумной постепенностью и разсчитанной послѣдовательностью неуклонно приводится въ исполненіе въ Иркутскѣ.

Такъ какъ у меня было слишкомъ много данныхъ для того, чтобы полагать, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ для меня подачи апелляціонной жалобы моей и особенно прошенія объ отводѣ г. Молчанова будетъ удаленіе меня изъ Иркутска, то, желая хоть нѣсколько обезпечить отъ вреднаго дѣйствія такой физической случайности мои матеріальные интересы (о которыхъ въ разныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ г. Иркутскѣ, производилось и нынѣ еще производится разбирательство), я, на другой день по подачѣ мною въ иркутскій губернскій судъ вышеозначенныхъ бумагъ, выдалъ довѣренность на ходатайство по всѣмъ дѣламъ, касающимся моей личности и моего имущества, г. Подлѣсному. Самыя слова довѣренности моей, засвидѣтельствованной тогда же въ иркутскомъ губернскомъ правленіи, могутъ удостовѣрить въ томъ, что въ это время въ удаленіи моемъ изъ Иркутска я былъ совершенно увѣренъ. Такъ, въ ней между прочимъ сказано, что я покорнѣйше прошу г. Подлѣснаго принять на себя ходатайство по дѣламъ моимъ, въ случаѣ отбытія моего изъ Иркутска *по причинамъ, отъ меня независящимъ*. Говоря о моемъ увозѣ изъ Иркутска, я не могу не сказать, что я никакъ не ожидалъ, чтобы мое удаленіе было совершено столь поспѣшно и столь для меня угнетательно, т.-е. именно такъ, какъ оно было произведено на самомъ дѣлѣ.

Между выдачею мною довѣренности г. Подлѣсному и моимъ арестованіемъ не протекло и сутокъ, и какъ я по причинѣ другихъ занятій, не терпѣвшихъ отлагательства, въ теченіе этого времени пользовался свободою въ Иркутскѣ, протекшаго послѣ подачи мною вышеозначенныхъ бумагъ въ Иркутскій губернскій судъ, не могъ успѣть передать г. Подлѣсному ни нужныхъ по дѣламъ моимъ бумагъ, ни сообщить ему многихъ свѣдѣній, лично мнѣ извѣстныхъ, необходимыхъ для разъясненія тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминается въ моей апелляціонной жалобѣ; почему, какъ только прибылъ въ полицію съ г. Сухотинымъ, просилъ его передать г. Корсакову просьбу мою о разрѣшеніи г. Подлѣсному свиданія со мной, по вышеозначенной причинѣ.

Сія законная просьба моя осталась неудовлетворенной къ явному ущербу моему въ моихъ дѣлахъ.

Вечеромъ того же дня, въ 11 часовъ ночи, по требованію г. частнаго пристава 1 части Мацкевича, я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ квартиру г. полицеймейстера, откуда неизвѣстно по чьему распоряженію и былъ увезенъ тогда же ночью подъ карауломъ казаковъ: сотника Разгильдѣева и казака Нарицина въ Шушинскую волость, Минусинскаго округа.

Основываясь на словахъ г. Разгильдѣева, могу предполагать, что тайный увозъ меня изъ Иркутска былъ учиненъ по распоряженію Корсакова, но его не могу утверждать положительно, ибо таковое распоряженіе о тайномъ увозѣ моемъ изъ Иркутска никѣмъ мнѣ по сіе время формально не объявлено.

Въ ст. 805 т. XIV свод. зак. гражд. устава о ссыльныхъ изд. 1857 года между прочимъ сказано: „Если ссыльно-поселенецъ по какимъ-либо причинамъ, лично губернатору или генералъ-губернатору извѣстнымъ, признается подозрительнымъ и опаснымъ, то подвергается переселенію въ другіе, и особенно малолюдные, округи той же или иной губерніи".

Судя по смыслу и буквѣ этой статьи, причина моего тайнаго и насильственнаго увоза изъ Иркутска должна быть, по крайней мѣрѣ, *лично извѣстна г. Корсакову*, или другому административному лицу, о ней сдѣлавшему распоряженіе. Во всякомъ случаѣ эта *причина должна быть дѣйствительной, а не вымышленной*, и она не можетъ и не должна быть для меня тайной или недоступнымъ административнымъ секретомъ, хотя бы она и принадлежала къ области вымысла, и была лишена всякаго основанія въ дѣйствительности.

Это столь ясно, что доказательствъ не требуетъ.

Но такъ какъ такового объявленія о ней мнѣ и по настоящее время формально не сдѣлано, не взирая на то, что уже протекло болѣе двухъ мѣсяцевъ съ ночи насильственнаго и тайнаго моего увоза изъ г. Иркутска, въ село Шушино, то я какъ причину моего удаленія изъ г. Иркутска, такъ и самое о немъ распоряженіе, по сіе время никѣмъ мнѣ формально не объявленное, не могу не считать принадлежащимъ къ разряду такихъ, которые по свойствамъ своимъ боятся письменнаго обнаруженія, публичнаго оглашенія или обнародованія.

Самая сила гнетущихъ обстоятельствъ заставляетъ меня всепокорнѣйше просить ваше высокопревосходительство истребовать отъ неизвѣстной мнѣ власти объясненія причины моего насильственнаго и тайнаго увоза изъ Иркутска въ Шушу; я совершенно убѣжденъ, что для этой власти, для оправданія себя въ такомъ ея поступкѣ нѣтъ возможности привести что-либо дѣйствительное и справедливое, *что-либо такое, что можно было, не грѣша противъ совѣсти*, вашему высокопревосходительству *принять хоть въ нѣкоторое уваженіе!..* Клевета и ложь однѣ только могутъ послужить содержаніемъ такового объясненія на вашъ формальный запросъ.

Начала общественнаго благоустройства не допускаютъ, чтобъ какое бы то ни было лицо было предаваемо безусловно въ жертву чьей бы то ни было прихоти и чьему бы то ни было произволу. Смѣю думать, что теперь не то мрачное для Россіи время, въ которое, какъ это прежде бывало, *конфиденціально или секретно сообщенная клевета однимъ членомъ администраціи другому* имѣла безконтрольно силу судебнаго безапелляціоннаго приговора для лица, имѣвшаго несчастіе возбудить чѣмъ-либо анти-

патію къ себѣ какого-либо администратора; ибо мы живемъ подъ благимъ правленіемъ Александра II, публично и формально объявившаго, что онъ желаетъ, „чтобъ правда и справедливость царствовала въ судахъ, и была для всѣхъ руководительнымъ началомъ“—и дѣлами своими подтверждающаго искренность и правдивость этихъ словъ. Судя по отчету вашего высокопревосходительства по министерству за 1856 г., я не могу не быть убѣжденнымъ, что вы стоите въ рядахъ истинныхъ сподвижниковъ его на поприщѣ преобразованій и улучшеній быта общественнаго, потому и пишу эти строки въ полной увѣренности, что вышеизложенная покорнѣйшая просьба моя будетъ исполнена, и что ваше высокопревосходительство *съ объясненія причинъ моего удаленія* изъ Иркутска, которое представлено или будетъ представлено *иркутской администраціей*, благосклонно *прикажете сообщить мнѣ копію*.

Не зная его содержанія, я себя однако жъ считаю въ правѣ сказать заранѣе, что малѣйшая тѣнь какого бы то ни было подозрѣнія, на меня въ немъ наброшенная,— чтобъ оправдывать совершенное надо мною насиліе, будетъ лишена всякаго основанія, и безъ всякаго преувеличенія она можетъ быть названа *низкой клеветой* или *гнусной ложью*. Предполагать такой случай возможнымъ (онъ есть только естественное послѣдствіе противозаконнаго распоряженія о моемъ тайномъ и насильственномъ увозѣ) есть дѣйствительное основаніе въ надобности чѣмъ-нибудь оправдаться въ противозаконномъ моемъ угнетеніи и въ злоупотребленіи власти.

Вредъ отъ такой *конфиденціальной, секретно переданной клеветы* можетъ быть для меня особенно великъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ!..

Чтобъ на такую клевету смотрѣть, какъ на злорѣчіе частнаго человѣка, нужно слишкомъ много самолюбія и слишкомъ мало себялюбія; но на нее, какъ на злорѣчіе частнаго человѣка, нельзя отвѣчать однимъ гордымъ презрѣніемъ. Всякая подобнаго рода клевета требуетъ непремѣннаго ея изобличенія.

Лишеніе кого бы то ни было всѣхъ нужныхъ способовъ къ изобличенію клеветы подобнаго рода, особенно же лица, юридически беззащитнаго, нельзя не считать однимъ изъ гнуснѣйшихъ видовъ политическаго убійства... Такія дѣла не должны и не могутъ чернить благого правленія Александра II. Вслѣдствіе чего и пишу теперь въ полной увѣренности, что вашимъ высокопревосходительствомъ будетъ дана мнѣ возможность воспользоваться естественнымъ, неотъемлемымъ общечеловѣческимъ правомъ изобличенія той клеветы, которая можетъ быть для меня пагубна. Кромѣ сего, я совершенно увѣренъ, что особенность какъ сего дѣла, такъ и моего настоящаго положенія не будетъ оставлена вашимъ высокопревосходительствомъ безъ надлежащаго вниманія, — и что я изъ-за моей только гражданской неполноправности не буду осужденъ чрезмѣрно претерпѣвать отъ чьей бы то ни было несправедливости или прихотливаго произвола.

Сообщеніе вашему высокопревосходительству такого объясненія иркутской администраціи вашимъ высокопревосходительствомъ мнѣ для дачи по оному надлежащаго объясненія или отвѣта должно раскрыть истину дѣла и можетъ дать заключеніямъ и рѣшеніямъ вашего высокопревосходительства по этому дѣлу такую положительность, которая одна только и можетъ удовлетворить требованіямъ законности и справедливости, а для меня, не взирая на мою юридическую безправность, замѣнить тѣ гражданскія гарантіи, которыя не существуютъ для меня по принадлежности моей къ сословію весьма непочетному и отъ мѣстной администраціи мало почитаемому, ссыльно-поселенца.

Въ силу сихъ причинъ и нравственныхъ основаній обращаюсь къ вашему высокопревосходительству, какъ къ оффиціальному блюстителю внутренняго общественнаго благоустройства, какъ къ высшему охранителю спокойнаго пользованія личными и имущественными правами всѣхъ живущихъ въ Россіи, и повторяю мою всепокорнѣйшую просьбу: *приказать съ вышеозначеннаго объясненія иркутской администраціи причинъ моего тайнаго и противозаконнаго увоза сообщить мнѣ формально копію.*

Тайный и насильственный увозъ меня въ Шушинскую волость, Минусинскаго округа, изъ г. Иркутска, сдѣланный, какъ кажется, по распоряженію или съ вѣдома и одобренія г. Корсакова, въ смыслѣ административномъ *есть распоряженіе противозаконное*, ибо оно совершено съ нарушеніемъ установленнаго на сей предметъ порядка, и именно оно противно примѣчанію къ ст. 805 т. XIV устава о ссыльныхъ изд. 1857 г., *въ которомъ не безъ цѣли сказано*: „назначеніе самыхъ округовъ, въ кои ссыльно-поселенцы должны быть переселяемы, на основаніи сей статьи дѣлается министромъ внутреннихъ дѣлъ по сношеніямъ съ главными управленіями". На основаніи сего закона г. Корсакову надлежало сдѣлать представленіе вашему высокопревосходительству о моемъ переселеніи, и безъ утвержденія его вашимъ высокопревосходительствомъ не дѣлать подобнаго распоряженія, *а тѣмъ болѣе превращать переселеніе въ какой-то странный, таинственный и насильственный увозъ* меня изъ Иркутска. Чрезъ несоблюденіе сего установленнаго порядка совершено иркутской администраціей: — или превышеніе власти, ей принадлежащей, или сдѣлано присвоеніе власти, принадлежащей вашему высокопревосходительству, или оказано пренебреженіе къ правамъ вашего высокопревосходительства, какъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Такой характеръ имѣло бы распоряженіе г. Корсакова, если бы я принадлежалъ къ разряду обыкновенныхъ поселенцевъ; но мѣра противозаконности распоряженія г. Корсакова о моемъ тайномъ увозѣ изъ Иркутска усиливается слѣдующимъ обстоятельствомъ, которое не должно остаться невѣдомымъ и его императорскому величеству. Высочайшимъ именнымъ повелѣніемъ отъ 26 августа 1856 г. вмѣстѣ съ освобожденіемъ меня на поселеніе изъ каторжной работы предоставлено мнѣ было право самому избрать мѣсто моего жительства: объявленіе о таковомъ выборѣ и было мною сдѣлано. Вслѣдствіе чего выселеніе мое изъ избраннаго мною мѣста жительства не могло иначе воспослѣдовать, какъ въ силу новаго высочайшаго именного повелѣнія, лишающаго меня сего права, или въ силу судебнаго приговора. Распоряженіе г. Корсакова объ увозѣ меня изъ Иркутска, нарушившее высочайшее повелѣніе, есть противозаконное дѣйствіе, за которое опредѣляется взысканіе ст. 371 т. XV свд. зак. уголовныхъ изд. 1857 г. I части.

Вслѣдствіе чего, вышеозначенное распоряженіе г. Корсакова о увозѣ моемъ изъ Иркутска, какъ превышающее предѣлы власти, ему предоставленной закономъ, и какъ отмѣняющее высочайшее именное повелѣніе, я въ правѣ по закону считать для меня юридически необязательнымъ и видѣть въ немъ не актъ законной власти, но *дѣло личнаго произвола, самоуправства, простое физическое насиліе*, которое принадлежитъ по свойствамъ своимъ къ одному изъ тѣхъ видовъ лишенія свободы, за которое учинившія таковое дѣяніе лица подлежатъ отвѣтственности на основаніи ст. 2104, т. XV части I свода зак. угол. изд. 1857 г.

На основаніи нѣкоторыхъ весьма достовѣрныхъ данныхъ, я могу заключить, что г. Корсаковъ сдѣлалъ вышеозначенное противозаконное распоряженіе для удовлетворенія желаній или по настоянiямъ тѣхъ лицъ, о предосудительныхъ дѣйствіяхъ и тяжкихъ по закону злоупотребленіяхъ которыхъ было упомянуто въ моей апелляціонной жалобѣ иркутскому губернскому суду, и при оной нѣкоторые изъ документовъ, удостовѣряющихъ въ томъ, были туда же представлены. Что это обстоятельство и было дѣйствительной причиной тайнаго и насильственнаго удаленія меня изъ г. Иркутска, въ этомъ ваше высокопревосходительство можетъ убѣдиться изъ разсмотрѣнія моей апелляціонной жалобы, засвидѣтельствованную копію которой я и поручилъ моему повѣренному выслать вашему высокопревосходительству.

Если даже человѣкъ богатый при переселеніи своемъ и по своему желанію не можетъ избѣжать многихъ неудобствъ, сопряженныхъ со всякимъ перемѣщеніемъ на новое мѣсто жительства; если и простой переѣздъ съ одной квартиры на другую и въ большомъ городѣ, гдѣ удобствъ для всего болѣе, не обходится безъ потерь или ущерба въ хозяйствѣ, то такія потери въ значительной степени возрастаютъ тогда, когда переселеніе чинится не по доброй волѣ переселяющихся, — а по чужому приказу, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе опредѣленъ срокъ переселенія и назначено довольно продолжительное время, въ теченіе котораго переселяющійся можетъ и долженъ приготовиться къ отбытію своему въ новое мѣсто жительства. Сколь же стѣснительно, угнетательно, разорительно должно быть неожиданное, поспѣшное и насильственное перемѣщеніе изъ постояннаго мѣста жительства въ мѣсто отдаленное человѣка недостаточнаго, въ такое мѣсто, гдѣ все сулитъ ему претерпѣвать нужду, и *когда такому лицу не дается даже и часу времени* на его приготовленіе къ тому его отправленію или перемѣщенію! Выразить это словами трудно. Надо быть самому въ такомъ положеніи, чтобы имѣть ясное представленіе объ угнетательномъ свойствѣ подобнаго дѣйствія, о мѣрѣ его оскорбительности для нравственнаго чувства и достоинства человѣческаго. Я считаю излишнимъ распространяться въ изъясненіи этого, ибо совершенно увѣренъ, что одно простое указаніе въ эту сторону подобнаго дѣйствія относительно меня не можетъ не возмутить сердца вашего высокопревосходительства и не воспроизвести въ немъ тѣхъ тягостныхъ ощущеній, которыя не могутъ не смущать души всякаго человѣка, не лишеннаго истиннаго благородства чувствъ и гуманности, при видѣ какого бы то ни было оскорбленія или униженія достоинства человѣческаго, совершеннаго съ разъяренною злобою, варварски-грубымъ насиліемъ!..

Такія перемѣщенія могутъ казаться нормальнымъ явленіемъ даже и у насъ, въ Россіи, только *присяжнымъ курьерамъ* или при воззрѣніи администраціи на всѣ гражданскія и экономическія отношенія общественной жизни съ *курьерской точки зрѣнія*. Если бы такому воззрѣнію, по странной игрѣ случая, суждено было стать руководительнымъ началомъ гдѣ-либо въ администраціи, то можно подумать, что такое воззрѣніе породило бы не мало оригинальныхъ и своеобразныхъ явленій, неизвѣстныхъ въ благоустроенномъ обществѣ.

Что же сказать о такомъ курьерскомъ перемѣщеніи частнаго недостаточнаго лица изъ того мѣста, гдѣ онъ въ трудѣ по способностямъ находитъ средства къ безбѣдному содержанію, въ такую мѣстность, гдѣ его способности должны оставаться безъ производительнаго для него и для другихъ употребленія, въ то самое время, когда присутствіе его въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда его тайно, противозаконно и насильственно

увозятъ, особенно необходимо ему по дѣлу, могущему доставить ему въ извѣстной степени матеріальное обезпеченіе, такое, которое можетъ его совершенно вывести изъ тягостнаго положенія неимущаго пролетарія? Развѣ такое перемѣщеніе по существу своему, по производимымъ имъ послѣдствіямъ, не есть обдуманно совершаемое его разореніе!..

Даже и съ курьерскимъ воззрѣніемъ на общественныя отношенія *оно не можетъ быть логически оправдано.*

Вслѣдствіе этого я могу полагать, что желаніе лишить меня матеріальныхъ средствъ къ жизни какъ въ настоящее время, такъ и средствъ къ моему обезпеченію въ будущемъ, есть одна изъ дѣйствительныхъ причинъ удаленія меня изъ г. Иркутска, *лично извѣстная* неизвѣстной мнѣ административной власти, имъ распорядившейся. Такія дѣйствительныя причины неудобны для ихъ формальнаго объявленія, и ихъ необходимо замѣнять заимствованными изъ области вымысла. Въ сихъ особенныхъ случаяхъ *конфиденціональныя или секретныя сообщенія* замѣняютъ всѣ другіе юридическіе и легальные акты. Та же личность, до которой ихъ содержаніе касается, облекалась прежде обыкновенно въ званіе жертвы, осужденной безмолвствовать и противъ своихъ угнетателей нигдѣ не находить ни суда законнаго, ни справедливой расправы... Этотъ обычай состоялъ въ числѣ охранительныхъ мѣръ стараго порядка—въ старое время!.. Хоть не только духъ настоящаго времени ему противенъ, но и самимъ направленіемъ дѣятельности высшаго правительства онъ осужденъ положительно, но такъ какъ въ старости съ привычками и обычаями всякому тяжело разставаться, то естественно думать, что иркутская администрація, какъ состоящая изъ плоти и крови, не могла совершенно отъ нихъ отстать и не пытаться имъ слѣдовать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ казаться полезно и выгодно. Вслѣдствіе этого я не могу не думать, чтобъ современно съ тайнымъ увозомъ меня изъ Иркутска не было иркутской администраціей не сдѣлано такового рода *конфиденціональное — секретное* сообщеніе вашему высокопревосходительству. *Если такое сообщеніе было ею представлено, то всепокорнѣйше прошу* ваше высокопревосходительство *сообщить мнѣ съ него копію для представленія на оное такого объясненія, какое можетъ потребовать самое содержаніе онаго сообщенія.*

По слуху, дошедшему до меня въ Минусинскѣ, поспѣшность и таинственность моего увоза изъ Иркутска (фактъ удаленія моего оттуда былъ рѣшенъ моею апелляціею и прошеніемъ объ отводѣ) была мотивирована слѣдующими извѣстіями, тогда распространившимися въ г. Иркутскѣ: 1) что на-дняхъ должна *прибыть комиссія для производства новаго слѣдствія объ умерщвленіи г. Неклюдова;* слухъ объ этомъ не разъ приводилъ власти въ смущеніе и былъ источникомъ смѣшного. Такъ какъ я былъ изъ лицъ, по сему дѣлу собиравшихъ свѣдѣнія съ самаго начала этого дѣла, то въ видахъ предупрежденія открыть истины сего дѣла, нельзя было не признать за необходимое немедленно удалить меня изъ г. Иркутска подальше и въ сторону отъ главнаго почтоваго тракта; 2) что въ С.-Петербургѣ назначена и должна быть въ непродолжительномъ времени *слѣдственная комиссія для ревизіи управленія Восточной Сибири за послѣднія 10 лѣтъ,* съ спеціальной инструкціей для разсмотрѣнія дѣлъ внутренняго управленія, состоящихъ въ связи съ пріобрѣтеніемъ Амура и его заселеніемъ, и для того, чтобы взглянуть на благосостояніе казачества не съ офицерской точки зрѣнія и декоративнаго искусства и т. п... такъ какъ мнѣніе мое, основанное на фактахъ о неудовлетворительности многихъ и „блистательныхъ“ админи-

стративныхъ мѣръ было слишкомъ извѣстно, *ибо я его и передъ графомъ Амурскимъ тогда не скрывалъ*. Льстивыя же хвалы вредныхъ для общественнаго благосостоянія ошибокъ, хоть и выгодныя,—для меня болѣе, чѣмъ для другого были предосудительны... Это обстоятельство вмѣстѣ со слухомъ о томъ, что высшее правительство рѣшилось принять мѣры къ отысканію дѣйствительныхъ средствъ къ удовлетворенію потребностей сего края, *какъ бы позабытаго*, и что ими предназначено *положить конецъ возможности систематически ими жертвовать для эффектовъ*, тоже было не безъ вліянія на мое удаленіе, какъ и еще 3) слухъ о томъ, что г. Корсакову—*не быть генералъ-губернаторомъ* въ В. Сибири, хотя на эту должность графъ Амурскій гласно его предназначилъ, но что его величествомъ назначенъ новый г. генералъ-губернаторъ въ В. Сибирь, *который уже и ѣдетъ*, что ему поручено *анархическое* состояніе администраціи привести въ порядокъ; прирѣзать въ В. Сибири широкораскинувшіяся вѣтви непотизма и *фаворитизма*, даже провѣрить: лица въ В. Сибири, по представленіямъ изъ оной удостоенныя высочайшихъ наградъ, имѣютъ ли дѣйствительное право на оныя своими заслугами, и что недостойныхъ положено судебными рѣшеніями поставить въ то положеніе, котораго они окажутся достойными; что также рѣшено устранить отъ должностей не имѣющихъ права по закону ихъ занимать. Однимъ словомъ, по народному говору, новому генералъ-губернатору было предписано установить правомѣрность во всѣхъ отношеніяхъ и мѣстныя административныя тенденціи привести въ соотвѣтственность съ гуманнымъ, истинно прогрессивнымъ направленіемъ высшаго правительства.

Эти слухи, можетъ быть, и были невѣрны, но они весьма замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ выражается сознаніе дѣйствительныхъ общественныхъ нуждъ,—ибо гласъ народа, во многихъ случаяхъ (особенно сихъ) есть гласъ Божій, могущій иногда предварять правителей и правительства (разумѣется, только тамъ, гдѣ нѣтъ парламентовъ) о томъ, что имъ подлежитъ дѣлать, или о томъ, чего имъ не слѣдуетъ совершать.

Если этимъ прорицаніямъ народнаго голоса суждено исполниться, то отъ этого выиграетъ какъ благосостояніе цѣлой страны, такъ и самое правительство, возвращая закону утраченную имъ здѣсь силу, новые источники государственныхъ доходовъ откроются, существованіе которыхъ нельзя было и подозрѣвать при хаотическомъ состояніи дѣлъ.

Изъ вышесказаннаго и безъ дальнѣйшихъ подробнѣйшихъ объясненій для всякаго, можетъ быть, ясно, а тѣмъ болѣе для вашего высокопревосходительства, которому дѣла подобнаго рода и должны быть извѣстны, что удаленіе меня изъ г. Иркутска было *есть не что иное, какъ дѣло личной вражды, ненависти тѣхъ*, о злоупотребленіи которыхъ я дерзнулъ упомянуть въ моей апелляціи, и что лицо, распорядившееся моимъ удаленіемъ изъ Иркутска, было покорнымъ орудіемъ ихъ страстей, страховъ и ихъ кичливаго произвола.

Если 27 февраля удаленіе меня изъ Иркутска, вслѣдствіе незаконно сложившихся обстоятельствъ, могло показаться для иркутской администраціи чѣмъ-то вродѣ *иркутской государственной необходимости*, игрой, безусловно необходимой для поддержанія обаятельности блеска своей власти, для внушенія городу страха къ себѣ при сознаваемомъ ею самою недостаткѣ нравственныхъ правъ на общее уваженіе; если 27 февраля по личнымъ своимъ свойствамъ иркутская администрація могла считать потрясенной легально сущностью содержанія моего прошенія объ отводѣ г. Молчанова, потому что имъ, сверхъ удаленія отъ должности г. Молчанова, юриди-

чески обусловливалось удаленіе отъ должностей и прочихъ соучастниковъ сего дѣла, какъ, напр., гг. Беклемишева, Анненкова, Гурьева, Сухотина, Шелихова, Извольскаго и другихъ, — не могу думать, чтобъ иркутская администрація, какъ она пренебрежительно ни смотрѣла на законъ и какъ ни обращалась съ нимъ *барственно*, она не могла не почувствовать надъ собою нравственнаго гнета юридическихъ послѣдствій, которыя, какъ грозные для нея признаки, представлялись ей смѣло возстающими изъ словъ прошенія моего объ отводѣ г. Молчанова. Эти послѣдствія хотя и не обусловливались вовсе ни моей личностью, ни фактомъ моего пребыванія въ г. Иркутскѣ, но тѣмъ ложнымъ положеніемъ, въ которое она поставила себя въ отношеніи къ обществу, закону, высшему правительству и даже верховной власти своими противозаконными дѣйствіями во всемъ, что только соприкасалось къ дѣлу объ убійствѣ Неклюдова... Мое неожиданное напоминовеніе о требованіяхъ закона, смутивши ихъ, вѣроятно, тоже подѣйствовало на ихъ воображеніе достаточно сильно, такъ что имъ представилось, *что будто отъ меня собственно и зависитъ заставить ихъ блюсти пренебреженные ими законы!!...*

Отъ этого не труденъ переходъ къ мысли и положительному убѣжденію въ томъ, что для того, чтобы избѣжать этого, стоитъ только удалить меня изъ г. Иркутска... и тогда... безпокойный призракъ закона исчезнетъ!.. Взрослые и разумные люди улыбаются, и не безъ грусти, если видятъ, что худо воспитанный ребенокъ бьетъ тотъ предметъ, о который ему довелось ушибиться.

Если же подобно этому поступаетъ администрація? Что о ней тогда слѣдуетъ подумать?... Рѣшеніе этого вопроса предоставляю вашему высокопревосходительству, ибо у васъ, какъ у министра внутреннихъ дѣлъ, должны находиться въ рукахъ всѣ нужныя къ тому данныя. Я не могу думать, чтобы вопросъ объ некомпетентности соучастниковъ въ дѣлѣ умерщвленія Неклюдова къ отправленію ими должностей, *столь формально и категорически мной поставленный, не былъ уже теперь* (въ теченіе столь продолжительнаго времени) разрѣшенъ надлежащимъ по закону образомъ ни глав. управ. В. Сибири, ни предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ глав. управ. В. Сибири. Если же его разрѣшенія и по сіе время не послѣдовало, то можно ли считать въ Иркутской губерніи права личности и собственности обезпеченными властью отъ всякихъ произвольныхъ нарушеній? Если такъ это на дѣлѣ, то разумное правительство знаетъ, что ему надлежитъ дѣлать. Печатныя изобличенія — не есть еще уничтоженіе злоупотребленій, но только на него указаніе, не дѣло — но приступъ къ дѣлу. Положимъ, что иркутской администраціи нужно было 27 февраля удаленіе мое изъ Иркутска, для того, чтобы поразительно и блистательно проявить свое всемогущество; можно думать, *что эта политическая или нравственная цѣль моего удаленія* имъ вполнѣ уже достигнута, и не долженъ [1]) успокоить тотъ матеріальный вредъ, который учиненъ мнѣ удаленіемъ моимъ изъ Иркутска и изъ него болѣе чѣмъ двухмѣсячнымъ отсутствіемъ... нынѣ уже нѣтъ тѣхъ вышеозначенныхъ препятствій для моего пребыванія въ Иркутскѣ, имъ никакъ уже нельзя на это ссылаться, какъ и отрицать того, что я никогда и нигдѣ въ г. Иркутскѣ буйствъ и безчинствъ не дѣлалъ. Если бы нужно было въ этомъ удостовѣреніе, то я совершенно увѣренъ, что многіе изъ Иркутскихъ обывателей, чиновниковъ и даже полицейскія власти не откажутся объ этомъ

[1]) Должно?

письменно и формально засвидѣтельствовать... Почему мое пребываніе въ Иркутскѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать опаснымъ для общественнаго спокойствія и противнымъ порядку или благочинію. Точно также иркутской администраціи нельзя отрицать, что мнѣ по дѣламъ (по нѣкоторымъ по ея неблагорасположенію противозаконно лишенъ должнаго удовлетворенія) необходимо быть въ г. Иркутскѣ, для приведенія ихъ въ порядокъ, для устраненія хотя нѣкоторой части тѣхъ убытковъ, которые претерпѣваю вслѣдствіе тайнаго и насильственнаго увоза моего изъ Иркутска въ Минусинскій округъ. Этотъ увозъ повергнулъ меня въ крайность: не могу думать, чтобы именно раззореніе чрезъ удаленіе изъ Иркутска или мое небытіе въ немъ было необходимымъ условіемъ или залогомъ преуспѣнія административныхъ дѣлъ въ Иркутскѣ, для удачи дипломатической въ сношеніяхъ съ Японіей или Китаемъ, для того, что изобличенная г. Завалишинымъ ложь стала для кого-нибудь истиной, а правдивыми такими указаніями могло пренебрегать высшее правительство или допускать себя кому-либо явно или нагло обманывать! Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго *покорнѣйше прошу* ваше высокопревосходительство *распоряженіе г. Корсакова* или другого лица о моемъ удаленіи изъ Иркутска, какъ противозаконное и лишенное всякаго для себя основанія въ дѣйствительности, но для меня раззорительное и угнетательное, — *отмѣнить и мнѣ разрѣшить прибыть въ Иркутскъ, для приведенія дѣлъ моихъ въ порядокъ.* Личное мое присутствіе необходимо, сверхъ того, для чтенія записки изъ дѣла моего въ иркутскомъ губернскомъ судѣ, для рукоприкладства на оной, объявленія на рѣшеніе удовольствія или неудовольствія, что кромѣ меня никто не можетъ удовлетворительно выполнить. Разсмотрѣніе моей апелляціонной жалобы въ томъ можетъ удостовѣрить ваше высокопревосходительство, почему о таковомъ разрѣшеніи вашимъ высокопревосходительствомъ прибытія моего нынѣ же всепокорнѣйше *прошу сообщить мѣстному начальству, для надлежащаго исполненія, т.-е. предписать о непрепятствованіи мнѣ отправиться въ Иркутскъ и тамъ находиться до приведенія тяжебныхъ и исковыхъ дѣлъ моихъ въ окончательное положеніе.*

Послано министру внутреннихъ дѣлъ дня 9-го мая 1860 г. изъ Минусинска [1]).

---

[1]) Куклинъ, „Петрашевцы", стр. 39 — 57.

VIII.

Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной комиссіи.

Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной комиссіи.

17-го мая.

Вашему сіятельству *) угодно было изъявить желаніе, чтобы для высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о сущности раскрытій, дѣлаемыхъ комиссіею, учрежденною надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и лицами, арестованными по ихъ сообществу съ нимъ, я представлялъ краткое описаніе ея дѣйствій еженедѣльно.

Вслѣдствіе сего, я вмѣнилъ въ обязанность начать изложеніемъ въ прилагаемой запискѣ того, что исполнено комиссіею со дня учрежденія ея до настоящаго времени.

Записка о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной комиссіи, высочайше учрежденной надъ чиновникомъ Буташевичемъ-Петрашевскимъ и его сообщниками.

Съ 26-го апрѣля по 16-е мая.

Комиссія открыла свои засѣданія 26-го апрѣля и занималась до настоящаго времени предварительными разспросами всѣхъ лицъ, переданныхъ ей въ числѣ 40 для произведенія надъ ними слѣдствія. Кромѣ сихъ лицъ, основываясь на ихъ показаніяхъ, комиссія сочла необходимымъ сдѣлать распоряженіе объ арестованіи студента Спб. университета Ханыкова и коллежскаго секретаря Европеуса, а также объ опечатаніи бумагъ у нѣкоторыхъ другихъ лицъ, находившихся съ ними въ близкомъ знакомствѣ.

Разспросы вполнѣ подтвердили правильность разысканій, сдѣланныхъ полиціею, и вѣрность, съ которою они изложены въ свѣдѣніяхъ, по высочайшему повелѣнію переданныхъ комиссіи. Объясненія же Ханыкова и Европеуса послужили доказательствомъ, что они не могли оставаться на свободѣ.

Европеусъ, во-первыхъ, далъ 7-го апрѣля обѣдъ въ честь Фурье, такъ какъ это былъ день рожденія сего послѣдняго. На обѣдѣ находились Ханыковъ, Ахшарумовъ, Петрашевскій, Спѣшневъ, два брата Дебу, Есаковъ и Ващенко; изъ нихъ первые три говорили рѣчи, о коихъ будетъ упомянуто ниже. За симъ Европеусъ самъ объяснилъ, что онъ, дѣйствительно, изучалъ Фурье, но понимаетъ его за человѣка, который желаетъ всему міру такого счастія, какое только можетъ быть ему дано, и что чрезъ нѣсколько дней послѣ обѣда всѣ участвовавшіе въ ономъ согласились перевести Фурье на русскій языкъ.

Ханыковъ показалъ, что у него была мысль примѣнить ученіе Фурье къ Россіи. Рѣчь, произнесенная имъ на обѣдѣ Европеуса, найдена въ бумагахъ Петрашевскаго и заключаетъ въ себѣ, между прочими, слѣдующія мѣста:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

---

*) Шефъ жандармовъ, графъ Орловъ.

Ахшарумовъ объяснилъ, что Петрашевскій получилъ новый взглядъ на жизнь чрезъ чтеніе соціальныхъ книгъ, старался передать свои мысли знакомымъ и, имѣя въ виду лучшее устройство общества, не желалъ однако же насильственнаго переворота, но всегда совѣтовалъ дѣйствовать убѣжденіемъ. О себѣ собственно онъ присовокупилъ, что, увлекшись идеями Фурье, онъ думалъ, какимъ образомъ примѣнить ихъ къ Россіи, и помышлялъ даже о побужденіи правительства къ принятію ихъ. Вотъ нѣкоторые отрывки рѣчи, говоренной имъ на обѣдѣ Европеуса:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Впрочемъ, Ахшарумовъ, повидимому, чистосердечно раскаивается во всѣхъ своихъ преступленіяхъ.

Петрашевскій съ дерзостію просилъ комиссію сообщить ему, въ чемъ онъ обвиняется, ибо если онъ и желалъ лучшаго въ нашемъ управленіи, то это желаніе преступленіемъ считать нельзя. По мнѣнію его, законы наши хороши, но исполненіе ихъ порочно, ученіе же Фурье едва-ли утопія, и лѣтъ чрезъ пять или шесть можетъ осуществиться. Вообще, отвѣты его были смѣлы и неудовлетворительны. Рѣчь его у Европеуса начиналась слѣдующими словами: „Явясь среди васъ, господа, и получивъ право рѣчи, какъ одинъ изъ старѣйшихъ, сколько мнѣ извѣстно, пропагаторовъ соціализма, я осмѣлюсь предложить вамъ тостъ, который выразитъ содержаніе моей рѣчи, именно, тостъ за знаніе дѣйствительности".

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Изъ частныхъ показаній другихъ лицъ, именно: Кашкина, Дебу 1-го, Дебу 2-го, Кайданова, Плещеева, Ястржембскаго, Момбелли, Кузьмина, Достоевскаго 1-го, Ламанскаго и Модерскаго обнаруживается, что на вечерахъ у Петрашевскаго разные государственные вопросы разсматривались въ духѣ соціализма, что тамъ разсуждали о пользѣ вооружить подчиненныхъ противъ начальства, дабы потомъ ввести улучшенія въ административной части, что иногда разговоры касались и до устройства въ Россіи конституціоннаго правленія, что три главные предмета, обращавшіе на себя вниманіе собраній, были: свобода книгопечатанія, перемѣна судопроизводства и освобожденіе крестьянъ. Съ особенною рѣзкостію говорили о двухъ послѣднихъ Петрашевскій и Головинскій (студентъ, назначенный стряпчимъ въ Казань), но Головинскій увѣрялъ комиссію, что сужденія о сихъ предметахъ онъ не полагалъ противозаконными, такъ какъ само правительство ими занималось; что ученикъ (?) Толь развивалъ вопросъ о религіи по системамъ Штрауса, Фейербаха и Базера, доказывая, что религія подавляетъ образованіе ума и заставляетъ человѣка быть добрымъ и полезнымъ своему ближнему не по собственному убѣжденію, а по чувству страха наказанія; что иногда у Петрашевскаго порицали дѣйствія высшихъ сановниковъ и даже самого государя, и что собранія, подобныя тѣмъ, которыя постоянно назначались у Петрашевскаго по пятницамъ, бывали изрѣдка у Кашкина, Кузьмина и братьевъ Дебу.

Кромѣ того, нѣкоторыя лица, какъ-то Кошелевъ, литераторъ Толстовъ, студентъ и другіе съѣзжались у мѣщанина Петра Григорьева Шапошникова, державшаго табачную лавку на Петербургской сторонѣ. Кошелевъ сознался, что онъ не признавалъ христіанской вѣры, отвергалъ власти правительства и въ пьяномъ видѣ могъ сказать что-либо дурное о самомъ государѣ, присовокупивъ, что отъ Петра Григорьева онъ слышалъ возмутительныя рѣчи и сужденія о народномъ правленіи.

Григорьевъ съ своей стороны утверждалъ, что онъ никакого злого замысла никогда не имѣлъ, но что Толстовъ, зная его желаніе сдѣлаться актеромъ, отговаривалъ его отъ этого намѣренія и вызывался дать ему другую дѣятельность, сказавъ однажды, что даръ слова его, Шапошникова, нуженъ будетъ для площади и что онъ можетъ быть со временемъ значительнымъ человѣкомъ, если будетъ его слушаться (Толстовъ показаніе это отвергаетъ). О Кошелевѣ же Шапошниковъ добавилъ, что онъ одинъ разъ сказалъ ему въ пьяномъ видѣ, что онъ готовъ убить...

Всѣ прописанныя сознанія раждаютъ прискорбное убѣжденіе, что соціальныя идеи развиваются въ разныхъ сословіяхъ и въ Россіи, что собранія Петрашевскаго, въ которыя принимались люди всякаго разбора, другія—фурьеристовъ, т.-е. Кашкина и Европеуса, конхъ составъ былъ нѣсколько приличнѣе, и третьи, повидимому, довольно малочисленныя, мѣщанина Григорьева, отличались вообще духомъ, противнымъ правительству, что, наконецъ, они клонились къ измѣненію существующаго порядка вещей. Но принадлежали ли сіи собранія къ разряду тайныхъ организованныхъ обществъ, это до сихъ поръ не доказывается никакими положительными данными; равнымъ образомъ еще не видно, имѣли ли они какія-либо сношенія внутри Россіи или за границею.

Впрочемъ, такъ какъ бумаги, опечатанныя у арестованныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подозрѣваемыхъ лицъ, окончательно еще не разсмотрѣны, наблюденія же за дѣйствіями сихъ послѣднихъ продолжаются, то, можетъ быть, при терпѣливомъ стараніи откроется еще многое доселѣ неизвѣстное.

Съ настоящаго времени комиссія приступитъ къ допросамъ по законнымъ формамъ, т.-е. предложитъ лицамъ, находящимся подъ слѣдствіемъ, письменные вопросные пункты, принявъ для составленія ихъ за основаніе какъ собственныя предварительныя показанія тѣхъ лицъ, такъ и содержаніе найденныхъ у нихъ бумагъ.

Съ 16-го мая, по 23-е мая.

Продолжая разспросы арестованныхъ лицъ, комиссія употребляла всѣ возможныя старанія, дабы открыть, не составляли ли они какое-либо тайное общество, но никто изъ нихъ до сего времени въ этомъ не сознался. Между тѣмъ изъ отвѣтовъ Ахшарумова оказалось, что у Петрашевскаго бывалъ еще братъ содержащагося нынѣ въ крѣпости отставного капитанъ-лейтенанта Тимковскаго, тит. сов. Константинъ Тимковскій, находящійся въ Ревелѣ, и что на одномъ вечерѣ онъ говорилъ рѣчь о *соціализмѣ*, а на другомъ *о средствахъ дѣйствія и вліянія на общество*, предлагая солидарность между всѣми знакомыми Петрашевскаго, т.-е. взаимное вспоможеніе и покровительство по службѣ для занятія высшихъ мѣстъ, а также, чтобы каждый давалъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ въ извѣстное время.

Имѣя столь вредныя внушенія въ виду, комиссія немедленно просила распоряженія объ арестованіи въ Ревелѣ означеннаго Тимковскаго, и вслѣдъ за симъ, при разборѣ бумагъ Спѣшнева, какъ бы въ подтвержденіе принятой ею мѣры, нашла три письма того самаго Тимковскаго, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что имъ учреждены въ Ревелѣ два круга, что онъ тамъ дѣятелемъ, но нуждается въ книгахъ, что Бекл... (по словамъ Спѣшнева, это долженъ быть Беклемишевъ, котораго также приказано арестовать чрезъ нарочно посланнаго въ Ревель жандармскаго офицера) написалъ рядъ писемъ „къ помѣщику“, а самъ онъ занимается переводами. Кромѣ того, Тимковскій упоми-

наетъ о непонятномъ къ нему письмѣ Петрашевскаго, коего содержаніе полагаетъ извѣстнымъ Спѣшневу, и проситъ сообщить ему объ оном свое мнѣніе.

Спѣшневъ увѣряетъ, что объ этомъ письмѣ онъ ничего не знаетъ и что дѣйствія, о коихъ извѣщалъ его Тимковскій, относились не до предпріятій противъ правительства, а до распространенія ученія Фурье, но и это показаніе обнаруживаетъ преступныя намѣренія, соотвѣтствующія гнусному духу, господствующему въ разныхъ бумагахъ, опечатанныхъ у Спѣшнева.

Одна изъ нихъ, между прочимъ, есть обязательная подписка для поступленія въ какое-то *Русское тайное общество*, и хотя Спѣшневъ клянется, что это былъ только проектъ, написанный имъ тому нѣсколько лѣтъ, давно имъ забытый и никогда имъ никому не показанный, и тоже что подобнаго общества никогда не существовало, но означенная подписка заслуживаетъ особеннаго вниманія. Содержаніе ея есть слѣдующее:

Прилож. 1-ое.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Сверхъ сего у Спѣшнева же найдена рукопись подъ заглавіемъ: *„Солдатская Бесѣда“*, писанная не его почеркомъ, которая, какъ онъ объясняетъ, была получена имъ въ числѣ разныхъ писемъ, присланныхъ ему въ одно время отъ разныхъ лицъ, и изъ коей приводится здѣсь отрывокъ:

Прилож. 2-ое.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Комиссія, убѣждаясь изъ таковыхъ девизовъ въ зловредномъ направленіи мыслей Спѣшнева, усугубитъ старанія, дабы побудить его къ откровеннымъ сознаніямъ, но если бы въ немъ замѣчено было упорство, то полагаетъ прибѣгнуть къ заключенію его въ оковы, на каковую мѣру она испрашиваетъ уже предварительное разрѣшеніе по начальству.

За симъ въ бумагахъ Дурова оказалось письмо къ нему изъ Москвы лит. Плещеева (привезеннаго уже въ крѣпость), въ которомъ онъ пишетъ:

Прилож. 3-е.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Плещеевъ объясняетъ, что разговоры его съ профессорами Кудрявцевымъ и Грановскимъ имѣли предметомъ искусства, въ чемъ онъ и сочувствуетъ имъ, а вліяніе ихъ на студентовъ состояло въ возбужденіи въ нихъ любви къ наукѣ. Тѣмъ не менѣе комиссія сочла необходимымъ просить г. военнаго министра о сношеніи съ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, чтобы онъ не оставилъ принять подлежащія мѣры къ обнаруженію дѣйствій помянутыхъ профессоровъ и увѣдомить о послѣдующемъ.

Здѣсь, кромѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Ващенко и воспитывавшагося въ лицеѣ Есакова, которые взяты уже въ крѣпость, постановлено по близкому знакомству съ Петрашевскимъ и Головинскимъ арестовать также чиновника Париновскаго, предназначавшагося губернскимъ прокуроромъ въ Петрозаводскъ.

Новыя открытія, выше сего изложенныя, болѣе и болѣе удостовѣряютъ въ преступности арестованныхъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ къ заключенію, что настоящее дѣло должно производить съ осмотрительностью и терпѣніемъ, ибо иначе если какое-либо тайное общество дѣйствительно было составлено, то комиссія можетъ быть лишена средствъ къ обнаруженію его сущности. Самый разборъ огромнаго числа бумагъ, переданныхъ и безпрерывно поступающихъ въ комиссію, сношеніе съ мѣстными начальствами насчетъ подозрѣваемыхъ лицъ, находящихся внѣ Петербурга, приведеніе въ порядокъ и соображеніе письменныхъ показаній, предварительно уже полученныхъ отъ тѣхъ, которые содержатся въ крѣпости, и снятіе съ нихъ допросовъ съ соблюденіемъ законныхъ формъ,—все это требуетъ весьма много времени, и потому трудно надѣяться, чтобы дѣйствія комиссіи могли скоро кончиться.

Съ 23-го по 30-е мая.

По доставленіи въ крѣпость арестованнаго въ Ревелѣ отставного капитанъ-лейтенанта Тимковскаго, комиссія немедленно приступила къ дознанію всѣхъ обстоятельствъ, по которымъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе.

Тимковскій сознался, что онъ дѣйствительно приверженъ къ ученію соціальному, но присовокупилъ, что по его понятіямъ ученіе это имѣетъ цѣлью не перемѣну въ государственномъ управленіи, а устройство труда и что, убѣждаясь въ пользѣ его, онъ думалъ современемъ предложить правительству, не признаетъ ли оно возможнымъ осуществить оное. Кромѣ того, изъ объясненій его оказывается, что онъ, Тимковскій, Спѣшневъ и Данилевскій *) болѣе другихъ изучили соціализмъ и полагали втроемъ распространять его: что въ рѣчи, которую онъ говорилъ на одномъ изъ собраній Петрашевскаго, разсуждая о солидарности между членами того собранія, онъ разумѣлъ взаимное вспоможеніе другъ другу не въ политическомъ смыслѣ, а по развитію науки; и что хотя въ письмѣ къ Спѣшневу онъ и упоминалъ о составленныхъ имъ въ Ревелѣ двухъ кругахъ, но что онъ не такъ выразился, ибо имъ только полагалось искать людей, дабы устроить подобные круги.

Это самое подтвердилъ и Беклемишевъ (надв. совѣтникъ мин. вн. дѣлъ), равнымъ образомъ привезенный въ крѣпость изъ Ревеля. Онъ объяснилъ, что Тимковскій точно много говорилъ даже съ нимъ о соціализмѣ, коммунизмѣ, фурьеризмѣ и другихъ новыхъ системахъ, господствующихъ въ Европѣ, но что образованіе круговъ въ Ревелѣ есть ложь, на которую онъ, вѣроятно, рѣшился, будучи весьма хвастливъ и самолюбивъ.

О себѣ собственно Беклемишевъ добавилъ, что онъ занимался наиболѣе часто земледѣльческими вопросами, вмѣстѣ съ тѣмъ однако и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; у Петрашевскаго же былъ только одинъ разъ и удостовѣряетъ честью, что никакихъ никогда противозаконныхъ замысловъ не имѣлъ.

Спѣшневъ не отказывается отъ того, что прежде онъ мечталъ о бунтѣ и потомъ о пропагандѣ, но говоритъ, что это было только предметомъ его размышленій безъ примѣненія къ дѣлу. До сего времени всѣ разспросы заставляютъ полагать, что подписка *обязательная подписка* о Русскомъ обществѣ, найденная въ его бумагахъ и написанная имъ, какъ онъ говоритъ, тому нѣсколько лѣтъ, ни существованіе подобнаго общества

*) Объ арестованіи Данилевскаго распоряженіе сдѣлано, но такъ какъ его въ Петербургѣ нѣтъ, то за нимъ послано въ Москву.

никому изъ арестованныхъ не были извѣстны. Впрочемъ, Спѣшневъ просилъ еще нѣсколько дней сроку, дабы представить комиссіи письменное о себѣ объясненіе.

При разборѣ бумагъ помянутыхъ лицъ оказалось нѣсколько таковыхъ самаго преступнаго содержанія и у поручика Момбелли; здѣсь приводится два отрывка.

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Момбелли признался, что эти бумаги писаны дѣйствительно имъ, и когда ему предложили прочесть ихъ, онъ просилъ, какъ милость, чтобы ему позволили ихъ не читать. Впрочемъ, онъ, кажется, искренно чувствуетъ себя въ высшей степени виновнымъ.

О цѣли собраній Петрашевскаго Момбелли показалъ, что опредѣлить ее положительно невозможно, но что они клонились къ распространенію фурьеризма посредствомъ чтенія книгъ, до этой системы относящихся.

Самъ Петрашевскій при второмъ разспросѣ показалъ, что убѣжденіе его въ истинѣ и пользѣ системы Фурье несомнѣнно, но что онъ никакихъ переворотовъ насильственными средствами въ виду не имѣлъ. Въ письменномъ же объясненіи изложилъ, что для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій надлежало бы назначить не слѣдственную, а ученую комиссію, которая бы могла разобрать всѣ предметы сихъ обвиненій въ видахъ науки. Кромѣ того, полагая, что въ настоящей комиссіи такъ называемый имъ *штатскій членъ* есть директоръ или вице-директоръ департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ, коего имя ему неизвѣстно, онъ просилъ объ удаленіи его, но потомъ извинился въ своихъ словахъ, узнавъ, что это д. т. с. П. П. Гагаринъ *).

Въ бумагахъ студента Филиппова найдены также нѣкоторыя изъ нихъ, составленныя въ возмутительномъ духѣ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія строки:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Филипповъ показалъ, что это толкованіе написано имъ давно, въ одинъ вечеръ „подъ какимъ-то страннымъ вліяніемъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ разговоровъ Петрашевскаго“.

О собраніяхъ сего послѣдняго онъ объяснилъ, что они продолжались въ теченіе 5-ти лѣтъ, что лица, бывавшія на нихъ, перемѣнялись, что тамъ обсуживались дѣйствія правительства и указывались тѣ реформы, которыхъ должно желать, но вообще же ни изъ его дальнѣйшихъ объясненій, ни изъ показаній прочихъ арестованныхъ лицъ нельзя и до сихъ поръ имѣть вѣрныхъ основаній къ заключенію, что они составляли устроенное тайное общество.

Съ 30-го мая по 6-е іюня.

Въ предшествовавшей запискѣ было сказано, что Спѣшневъ просилъ у комиссіи нѣсколько дней сроку, дабы представить о себѣ объясненіе письменно.

---

*) Во время заточенія своего въ крѣпости Петрашевскій нашелъ способъ отломаннымъ отъ вентилятора кусочкомъ жести писать на обломкахъ верхняго клеевого слоя стѣнной штукатурки. Обломки эти у него отобраны, и посредствомъ увеличительнаго стекла открыто, что на нихъ написаны разныя подозрительныя слова и фразы, какъ-то: *courage, patience, требовать очныхъ ставокъ, не вѣрить письменнымъ показаніямъ* и т. п. Петрашевскій объявилъ, что слова эти имѣли цѣлью предостереженіе другихъ содержащихся въ крѣпости въ описаніи ихъ и его личности.

Онъ исполнилъ это и, сколько можно судить по содержанію объясненія, изложилъ его добросовѣстно. Изъ него видно, что Спѣшневъ, проведя нѣкоторое время за границею, возвратился въ Россію, проникнутый коммунистскими идеями и мечтами о способахъ въ томъ же духѣ произвести переворотъ и въ нашемъ общественномъ бытѣ. Онъ познакомился съ Петрашевскимъ, Кашкинымъ, Плещеевымъ и другими приверженцами соціальныхъ системъ, участвовалъ на ихъ собраніяхъ (которыя безъ намѣренія назывались комитетами или сходками) и принималъ тѣхъ же лицъ у себя. Впрочемъ, собранія эти занимались большею частію разборомъ означенныхъ системъ, разныхъ политическихъ вопросовъ и улучшеній, которыя могутъ у насъ быть введены, а не насильственными какими-либо дѣйствіями противъ правительства. Если же въ видахъ Петрашевскаго произошла перемѣна, то, по словамъ Спѣшнева, это должно было случиться съ конца 1848 года, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ у Петрашевскаго появился нѣкто Черносвитовъ, отставной офицеръ, одаренный умомъ, познаніями и краснорѣчіемъ. Онъ старался внушать мысль, что либерализмъ и соціализмъ—одно и то же, разсказывалъ, что Восточная Сибирь (гдѣ онъ, кажется, имѣетъ постоянное мѣстопребываніе) совсѣмъ отдѣльная страна отъ Россіи, богатая, прекрасная, которой вѣрно когда-нибудь суждено быть отдѣльной имперіей, и вообще даже первыми разговорами своими породилъ въ слушателяхъ свое мнѣніе, что онъ или шпіонъ, или глава какого-нибудь тайнаго общества.

На послѣдующихъ свиданіяхъ Черносвитовъ между прочимъ говорилъ: „ну, вотъ, посмотрите, господа, не можетъ быть, чтобы въ Россіи не было тайнаго общества—всѣ пожары въ 1848 году, да то, что въ низовыхъ губерніяхъ было,—все это доказываетъ существованіе тайнаго общества, только люди они осторожные, молчащіе“, а въ другой разъ: „что всѣ сосланные въ Сибирь глупы, что они на той точкѣ и остались, какъ были, что о фурьеризмѣ и соціализмѣ и слышать не хотѣли“, и потомъ спросилъ Спѣшнева: „какая бы по его мнѣнію была самая теперь полезная реформа въ Россіи?“ На это Спѣшневъ отвѣчалъ: „реформа крѣпостного состоянія“, а Черносвитовъ сказалъ, что и онъ то же думаетъ.

Кромѣ того, однажды на слова Спѣшнева: „вѣдь вы же сами говорили, что должно быть общество“, Черносвитовъ возразилъ: „ну да, я это такъ по соображенію изъяснилъ, вы же только намекните мнѣ, гдѣ оно? Здѣсь или въ Москвѣ?“ И когда Спѣшневъ сказалъ: „ну, разумѣется, въ Москвѣ“, Черносвитовъ промолвилъ: „не знаю, Москва тоже мнѣ немного извѣстна, а впрочемъ, можетъ быть“.

При новой встрѣчѣ Черносвитовъ спрашивалъ Спѣшнева про планъ дѣйствія и на отзывъ, что плана собственно еще нѣтъ, сталъ намекать, „что возстаніе должно ожидать не на Волыни, ибо тамъ войска много, развѣ будетъ заграничная война, а на Пермскихъ заводахъ, гдѣ 400 тысячъ народа, оружіе подъ рукою и все только и ждетъ первой вспышки, что сначала однако же надобно, чтобы загорѣлось возмущеніе въ Восточной Сибяри, что если туда пошлютъ корпусъ, то едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ Уралъ возстанетъ, и тогда весь корпусъ останется въ Сибири; что затѣмъ съ 400 тыс. заводскихъ людей можно кинуться на низовыя губерніи и на землю Донскихъ казаковъ, что на потушеніе этого потребуются всѣ войска, если же къ тому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, такъ и все кончено; что для приготовленія всего къ возстанію нужно по крайней мѣрѣ годъ; но что, впрочемъ, можно въ теперешнемъ положеніи продержать это еще лѣтъ пять-шесть“.

Наконецъ, пригласивъ къ себѣ Спѣшнева и Петрашевскаго, Черносвитовъ сказалъ

имъ: „ну, господа, вѣдь теперь дѣло надо вести на чистоту“, и затѣмъ, поворотивъ разговоръ на то, что ему говорено было Спѣшневымъ относительно тайнаго общества въ Москвѣ, спросилъ: „не существуетъ ли чего въ гвардіи“ и на отрицательный отзывъ присовокупилъ: „а это было бы очень важно“.

Спѣшневъ увѣряетъ, что его собственные отвѣты Черносвитову не имѣли никакого основанія, а клонились только къ тому, чтобы развѣдать его мысли и что послѣ послѣдняго ихъ разговора втроемъ съ Петрашевскимъ онъ съ нимъ совершенно разстался.

Петрашевскій подтвердилъ вполнѣ показаніе Спѣшнева о Черносвитовѣ и прибавилъ, что вліяніе, произведенное симъ послѣднимъ на него, было, какъ ему „кажется, болѣе схоже съ вліяніемъ человѣка возмутительнаго и желающаго возмущенія“. При томъ объявилъ, что въ продолженіе послѣдняго разговора, о коемъ выше сего упомянуто, Черносвитовъ между прочимъ также сказалъ: „надобно всѣхъ запереть и разомъ хватить“; онъ, на вопросъ комиссіи о значеніи этихъ словъ, отвѣчалъ: „что смыслъ ихъ самъ собою объясняется и не можетъ быть другой, какъ относящійся къ высшему правительству безъ исключенія“.

Насчетъ дальнѣйшихъ замысловъ и дѣйствій Черносвитова ни Спѣшневъ, ни Петрашевскій ничего не могли сообщить, и оба удостовѣряютъ, что по отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга, откуда онъ отправился въ Москву и Ярославль, никакихъ съ нимъ сношеній не имѣлъ.

Объ арестованіи Черносвитова тамъ, гдѣ его можно будетъ найти, распоряженіе сдѣлано. Такая мѣра принята и относительно студента Латкина, который ввелъ его въ домъ Петрашевскаго.

Независимо отъ выше прописаннаго Спѣшневъ изъяснилъ, „что въ декабрѣ 1848 г. Момбелли предлагалъ ему у Петрашевскаго составить товарищество для взаимнаго поддерживанія другъ друга, такъ какъ авторитетъ—важная вещь въ обществѣ, что на это согласился одинъ Петрашевскій, что черезъ нѣсколько времени Момбелли развивалъ свою мысль и предлагалъ образованіе капитала посредствомъ вкладовъ, считая сіи вклады нужными болѣе для узнанія числа членовъ, которые согласились бы поступить въ товарищество; что кассу полагалъ Момбелли ввѣрить комитету, а комитетъ составить изъ основателя общества, т.-е. его самого, Петрашевскаго, Спѣшнева и приглашенныхъ къ совѣщанію объ этомъ предметѣ, Львова и Дебу 1-го; что въ общество онъ думалъ приглашать соціалистовъ вообще и людей передовыхъ мнѣній, что послѣ этого онъ, Спѣшневъ, написалъ планъ тайнаго общества, коего главныя основанія суть слѣдующія:

„Есть три внѣправительственные пути дѣйствій: іезуитскій, пропагандный и возстаніе,—каждый изъ нихъ невѣренъ и отъ того больше шансовъ, если взять всѣ три дороги. Для этого надобно одинъ центральный комитетъ, котораго занятіе будетъ состоять въ созданіи частныхъ: 1) комитета товарищества, 2) комитета для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и либеральной, и, наконецъ, 3) комитета тайнаго общества на возстаніе“.

Означенный планъ Спѣшневымъ сожженъ и никакого исполненія не получилъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ почелъ обязанностью о немъ комиссіи объявить и кончилъ объясненіе свое словами: „Теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь. Я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать“.

Обо всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до предложенія Момбелли, допросы начнутся немедленно.

Кромѣ Спѣшнева, въ комиссію представилъ объясненіе и студентъ Филипповъ, которому отецъ его написалъ самое благородное и назидательное письмо, требуя, чтобы онъ объявилъ о себѣ всю истину. Родительская воля тронула его глубоко, и онъ, какъ кажется, покорился ей чистосердечно, ибо показанія его, хотя не новыя для комиссіи, вообще справедливы. Между прочимъ, какъ изъ его объясненія, такъ и изъ объясненія Спѣшнева оказывается, что они предполагали завести домашнюю типографію для распространенія своихъ понятій и печатанія запрещаемыхъ цензурою статей. Всѣ вещи для этой типографіи были уже готовы и привезены къ Спѣшневу за нѣсколько дней до его арестованія.

Формальные допросы по пунктамъ произведены Бернардскому, Кузьмину 2-му, Берестову, Щелкову и Есакову. Они заключаютъ въ себѣ и обстоятельства уже извѣстныя и подаютъ поводъ къ убѣжденію, что между лицами, находящимися въ крѣпости, есть и маловиновные. Такъ, напримѣръ, отставной лейтенантъ Кузьминъ былъ у Петрашевскаго одинъ только разъ, ни о чемъ предосудительномъ тамъ не говорилъ и ничего преступнаго не писалъ, но комиссія не признаетъ себя въ правѣ ходатайствовать о дозволеніи освобождать даже и подобныхъ людей впредь до положительнаго разъясненія всѣхъ подробностей производимаго ею слѣдственнаго дѣла.

Съ 6-го по 13-е іюня.

Комиссія, имѣя въ виду показаніе Спѣшнева о предложеніи, сдѣланномъ въ декабрѣ 1848 года поручикомъ Момбелли насчетъ составленія товарищества для взаимнаго поддержанія другъ друга, производила самые подробные допросы по этому предмету лицамъ, которыя кромѣ Спѣшнева должны были участвовать въ означенномъ товариществѣ, именно Момбелли, Львову, Петрашевскому и Дебу 1-му.

Изъ этихъ допросовъ оказывается: что мысль объ образованіи товарищества была дѣйствительно предложена поручикомъ Момбелли; но, по его словамъ, она первоначально имѣла основаніемъ только взаимное вспомоществованіе другъ другу въ разныхъ случаяхъ жизни, обращеніе же этого товарищества въ политическое общество внушено уже послѣ Спѣшневымъ съ той цѣлію, чтобы воспользоваться переворотомъ, который долженъ будто бы самъ собою произойти въ Россіи черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, подобно тому, какъ это случилось въ западныхъ государствахъ Европы.

Что помянутое общество полагалось составить изъ „прогрессистовъ“, которые могли бы двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ; что для управленія обществомъ предназначался комитетъ изъ учредителей онаго, т.-е. изъ Момбелли, Спѣшнева, Петрашевскаго, Львова и Дебу 1-го; что всякій членъ общества долженъ былъ дѣлать денежный вкладъ, дабы изъ капитала, который такимъ образомъ составится, помогать тому изъ членовъ, который бы по какому-либо случаю попался (это выраженія Петрашевскаго и Дебу); что кромѣ плана Спѣшнева, о которомъ упоминалось въ предшествовавшей запискѣ, формы общества излагались и Львовымъ. Онѣ состояли, между прочимъ, въ томъ, чтобы сначала было принято въ оное не менѣе 9 или 11 человѣкъ, и когда послѣ составятся афильяціи, то чтобы въ каждой изъ нихъ было по два главныхъ члена; и что Петрашевскій читалъ на собраніяхъ у Спѣшнева о не-

обходимости образованія по системѣ Фурье, которая объясняетъ множество предметовъ и даетъ средства приготовить людей къ тому времени, когда они будутъ нужны.

Дебу и согласно съ нимъ Петрашевскій присовокупили, что по предложеніямъ Момбелли надлежало также порицать мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, и превозносить какъ литераторовъ, такъ и другихъ лицъ, которыя будутъ принадлежать къ обществу.

Всѣ эти совѣщанія продолжались до февраля мѣсяца текущаго года, но такъ какъ участвовавшіе въ оныхъ не могли совершенно согласиться ни въ основныхъ правилахъ, ни въ способахъ дѣйствій общества, то оно, по утвержденію ихъ всѣхъ, не состоялось, и сужденія о немъ прекратились.

Независимо отъ лицъ, выше сего поименованныхъ, формальные допросы производили Тимковскому 2-му, Достоевскому 1-му, Кайданову и Ястржембскому. Отвѣты ихъ въ общемъ объемѣ не доставили комиссіи никакихъ новыхъ свѣдѣній, заключающихъ въ себѣ особую важность, но подтверждаютъ зловредное направленіе всѣхъ собраній, на которыхъ бывали лица, содержащіяся въ крѣпости, и преступность ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Изъ числа же частныхъ показаній между прочими обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

а) Ястржембскаго: что, говоря на вечерахъ у Петрашевскаго о статистикѣ, онъ, придерживаясь мнѣнія Нимана, называлъ ее теоріею государства, или общества, присовокупивъ однажды, „что другіе называютъ такую науку политическою экономіею и что такъ она называется у насъ, съ утвержденія великаго князя“;

б) что онъ вообще смѣялся надъ чиноманіею;

г) что о человѣчествѣ онъ разсуждалъ по системѣ Фурье;

д) что когда на одномъ вечерѣ заговорили о томъ, что теперь въ Европѣ поляки возмущеніями своими препятствуютъ развиваться системѣ Фурье, которая можетъ водвориться только при совершенномъ спокойствіи и твердости правительства, то онъ. Ястржембскій, сказалъ, что „онъ въ душѣ полякъ и готовъ жизнь свою отдать за возстановленіе польской народности, но готовъ пожертвовать даже этою народностію, если того потребуетъ счастье человѣчества“.

и б) Львова: что въ рѣчи, которую говорилъ у Петрашевскаго Тимковскій (привезенный изъ Ревеля), онъ объяснялъ, что всякій долженъ дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ и прибавилъ: „сильные, не торопитесь, слабые, не бойтесь, я васъ не вызывалъ на площадь“.

Эти показанія будутъ приняты на видъ при дальнѣйшихъ допросахъ.

Относительно Черносвитова купеческій сынъ Латкинъ, обучавшійся въ здѣшнемъ университетѣ, не могъ сообщить ничего опредѣлительнаго, хотя онъ же и привезъ его въ первый разъ къ Петрашевскому, но знакомство его съ Черносвитовымъ было, повидимому, случайное, и самъ Латкинъ, кажется, непричастенъ къ настоящему дѣлу. По соображенію комиссіи, означенный Черносвитовъ долженъ быть тотъ самый, который, согласно свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Инспекторскомъ департаментѣ, вступилъ въ службу въ 1826 году подпрапорщикомъ во Владимірскій пѣхотный полкъ, изъ дворянъ Ярославской губерніи, потомъ переведенъ въ Муромскій пѣхотный полкъ, произведенъ въ прапорщики въ декабрѣ 1829 года, участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, раненъ въ правую ногу, которая и отнята, и уволенъ отъ службы въ 1832 году подпоручикомъ съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Послѣ того онъ, по

словамъ его знакомыхъ, былъ исправникомъ въ Ирбитѣ, а теперь занимается порученіями частныхъ компаній на золотыхъ пріискахъ, должно быть, въ Иркутскѣ.

Съ 13-го по 20-е іюня.

Въ теченіе минувшей недѣли формальные допросы производились слѣдующимъ лицамъ: Дурову, Дѣеву, Михайлову, Ламанскому, Ольдекопу, Серебрякову, двумъ Достоевскимъ, Григорьеву, Кропотову, Пальму, Момбелли, Плещееву и Десбуту 2-му.

Допросы сіи представляютъ нѣкоторыя новыя частности только относительно вечеровъ, бывавшихъ прошедшею зимою у колежскаго асессора Дурова, который жилъ вмѣстѣ съ поручикомъ л.-гв. егерскаго полка Пальмомъ и коллежскимъ секретаремъ Щелковымъ. Къ нимъ собирались люди, большею частію занимающіеся науками или искусствами (какъ-то: Львовъ, Достоевскіе, Филипповъ, Спѣшневъ, Плещеевъ, Момбелли, Григорьевъ) и желавшіе составить между собою отдѣльный кругъ, менѣе смѣшанный, нежели у Петрашевскаго. Первоначально вечера эти были чисто литературные и музыкальные, но чрезъ нѣсколько времени они приняли направленіе политическое, чему, какъ кажется, наиболѣе содѣйствовали Момбелли и Филипповъ. Въ числѣ сочиненій, которыя на оныхъ обсуждались, стали читать статьи, противныя существующему порядку и правительству; за симъ предложено было въ томъ же духѣ разрабатывать разные предметы историческіе и статистическіе и, наконецъ, полагалось то, что на подобномъ основаніи будетъ написано, распространять посредствомъ литографіи. Впрочемъ, всѣхъ вечеровъ у Дурова было, повидимому, не болѣе 7 или 8, ибо когда явно обнаружилось, что цѣль ихъ измѣняется, то Достоевскій 2-й, Пальмъ и нѣкоторые другіе признали необходимымъ ихъ прекратить. Такимъ образомъ, въ апрѣлѣ мѣсицѣ незадолго до арестованія вышепоименованныхъ лицъ, собранія ихъ были совершенно кончены.

Черносвитовъ мало кому изъ допрошенныхъ хорошо извѣстенъ; тѣ же, которые видѣли его чаще, подтверждаютъ, что разговоры его были довольно увлекательны и носили печать вольнодумства.

Остальные отвѣты служатъ только повтореніемъ того, что комиссіею дознано прежде на счетъ образа мыслей содержащихся въ крѣпости лицъ и ихъ намѣреній.

Съ 20-го по 27-ое іюня.

Комиссія произвела формальные допросы слѣдующимъ лицамъ: Десбуту 1-му, Чирикову, Модерскому, Кузьмину, Филиппову, Головинскому, Толю, Болосоглу, Кашкину, Европеусу, Ващенкѣ, Есакову, Ханыкову, Ахшарумову и Беклемишеву.

Кромѣ того, были дополнительно допрашиваемы:

Достоевскій 1-й, Достоевскій 2-й и Десбутъ 2-й.

Относительно сущности дѣла, по коему производится слѣдствіе, показанія вышепоименованныхъ лицъ не открыли ничего новаго и подтверждаютъ съ нѣкоторыми только маловажными различіями то, что извѣстно уже изъ прежнихъ разспросовъ. Главными предметами, ихъ занимавшими, были, какъ объяснено въ первыхъ запискахъ: распространеніе соціальныхъ системъ, дабы приготовить лучшее устройство гражданскаго общества, перемѣна судопроизводства, освобожденіе крестьянъ и свобода книгопечатанія; но исполненія всего этого, если имъ вѣрить, они большею частію ожидали отъ времени, безъ насильственныхъ переворотовъ, и однимъ изъ дѣйствительныхъ къ тому

средствъ полагали, между прочимъ, чтобы министры и другія правительственныя лица были окружены людьми, изучившими соціализмъ. Система Фурье имѣла, какъ видно, самое значительное число приверженцевъ, потому что, по ихъ словамъ, она нисколько не требуетъ разрушенія существующаго порядка и можетъ согласоваться со всякою формою правленія. Нѣкоторые, въ особенности Тимковскій, Данилевскій, Европеусъ, до такой степени увлечены ея мнимою нравственностію, что не представляютъ себѣ, почему бы она не могла не осуществиться; иные же присоединились къ этому ученію, не вникнувъ даже въ его основанія. Такъ, напримѣръ, Европеусъ выразилъ искреннее соболѣзнованіе о Кашкинѣ, съ которымъ онъ былъ друженъ, и сказалъ: „Кашкина мнѣ жаль болѣе, чѣмъ самого себя. Я, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ самосознательно, онъ же рѣшительно не понималъ того, что дѣлалъ“.

Здѣсь необходимымъ почитается привосокупить, что въ отвѣтахъ на снятые допросы названы по разнымъ случаямъ имена лицъ, которыя бывали на вечерахъ у Петрашевскаго, у Дурова и другихъ, но не арестованы. Свѣдѣнія о нихъ собираются, но такъ какъ въ дѣлѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, чтобъ они принимали участіе въ преступныхъ рѣчахъ или мнѣніяхъ, которыми тѣ собранія отличались, то комиссія, имѣя въ виду, что арестованіе ихъ теперь могло бы безъ причины подать поводъ къ тревожнымъ толкамъ въ городѣ, положила не приступать къ этой мѣрѣ, если она не будетъ вынуждена дальнѣйшими раскрытіями, а просить въ свое время, чтобы за ними установлено было надлежащее наблюденіе.

Съ 27-го іюня по 4-ое іюля.

Въ теченіе минувшей недѣли изъ лицъ, содержащихся въ крѣпости, были допрошены комиссіею: Барановскій, Тимковскій, Ламанскій, Щелковъ, Филипповъ, Бѣлицкій, Ханыковъ, Данилевскій, Толстовъ, Утинъ, Кошелевъ, Дѣевъ, Кропотовъ и Петрашевскій.

Независимо отъ цѣли раскрыты болѣе положительныя подробности насчетъ собраній Петрашевскаго и другимъ имъ подобныхъ; предметъ разспросовъ состоялъ еще въ томъ, чтобы узнать, кѣмъ составлены и гдѣ продаются найденныя въ бумагахъ учителя Бѣлецкаго и студента Филиппова литографированныя записки, двѣ о всеобщей исторіи и одна о русской литературѣ. Извлеченія изъ этихъ записокъ были предъявлены комиссіи по приказанію г. военнаго министра членомъ оной ген.-лейт. Дубельтомъ, такъ какъ въ нихъ многія мѣста обращаютъ на себя особенное вниманіе по вредному ихъ духу и опасному направленію.

Бѣлецкій показалъ, что записка о всеобщей исторіи, находившаяся у него, пріобрѣтена имъ въ 1843 году въ Педагогическомъ институтѣ отъ воспитанника Славянскаго, составлена профессоромъ Лоренцомъ, и, какъ онъ полагаетъ, служила тогда руководствомъ къ преподаванію исторіи въ означенномъ институтѣ, но что онъ, Бѣлецкій, никогда по той запискѣ не обучалъ.

Филипповъ же отозвался, что записки, въ его бумагахъ оказавшіяся, ему не принадлежатъ, а вѣроятно, оставлены у него кѣмъ-либо изъ товарищей по Спб. университету, самъ же онъ, Филипповъ, находясь въ числѣ студентовъ по факультету физико-математическому, лекцій по этимъ запискамъ не слушалъ. Другія спрошенныя лица, именно Толстовъ, Дѣевъ и Ханыковъ, бывшіе также въ университетѣ, объяснили, что они думаютъ, но не увѣрены, что по помянутымъ запискамъ преподавалъ профессоръ

Касторскій. Находя мнѣніе это не довольно опредѣлительнымъ и убѣдившись, что другихъ данныхъ отъ арестованныхъ лицъ получить по сему предмету не будетъ возможнымъ, комиссія положила довести о томъ до свѣдѣнія г. военнаго министра и представить подлинныя записки на распоряженіе его сіятельства.

Въ остальныхъ отвѣтахъ, не представляющихъ вообще ничего новаго, заключается, между прочимъ, показаніе Тимковскаго, что у Петрашевскаго разсуждали большею частію о способахъ вести соціальную пропаганду, порочили дѣйствія правительства, о религіи же произносили такія рѣчи, которыя сначала приводили его въ ужасъ, но потомъ поколебали его вѣру. Въ этихъ рѣчахъ доказывалось, что Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ и мы, но геніальный и посвященный въ таинства, нововводитель, умѣвшій воспользоваться своимъ положеніемъ, что все зданіе христіанской вѣры искусно сооружено духовенствомъ и т. п., что онъ самъ, Тимковскій, говорилъ у Петрашевскаго рѣчь о фурьеризмѣ, но вовсе не желая возмущенія, предлагалъ дѣйствовать для введенія его путемъ убѣжденія и мира; что предъ отъѣздомъ въ Ревель онъ рѣшился отстать отъ общества Петрашевскаго и составить особый кружокъ для распространенія системы Фурье съ Данилевскимъ и Спѣшневымъ; что въ Ревелѣ онъ принялся ревностно проповѣдывать ее, но не имѣлъ успѣха и что, наконецъ, удостовѣрившись, что система эта, а тѣмъ болѣе остальной соціализмъ, прямымъ путемъ ведетъ къ безбожію, онъ горько раскаивается, что вдался въ столь вредное ученіе.

Петрашевскій сознался во всемъ, что относительно его собраній и собственнаго его образа мыслей обнаружено; онъ даже написалъ письмо къ слѣдователямъ, прося ихъ передать его участь высочайшему милосердію, но вчерашній день отъ него получено новое объясненіе, въ которомъ онъ старается себя оправдывать.

За симъ комиссія, основываясь на всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи ходатайствовать объ освобожденіи лицъ, по слѣдствію, ею производимому, оказывающихся невинными или мало виновными, занималась подробнымъ разборомъ ихъ дѣйствій и постановила войти съ представленіемъ о дарованіи свободы 12-ти изъ нихъ, именно: 1) Модерскому, 2) Дѣеву, 3) Берескову, 4) Бернардскому, 5) кандидату Михайлову, 6) надв. сов. Чирикову, 7) отставному кап.-лейт. Тимковскому, 8) тит. сов. Кайданову, 9) кол. секр. Серебрякову, 10) 1-го кад. корп. шт.-кап. Кропотову, 11) кол. секр. Щелкову и 12) губ. секр. Ламанскому, съ тѣмъ, однако же, чтобы они обязались подпискою содержать въ строгой тайнѣ сдѣланные имъ въ комиссіи разспросы, никогда не принадлежать ни къ какому тайному обществу и не распространять подъ какимъ бы то видомъ ни было соціальныхъ идей, а также, чтобы за ними на всякій случай установленъ былъ секретный надзоръ.

Съ 19-го по 24-ое іюля.

Въ теченіе этой недѣли комиссія, не останавливая составленія выписокъ и общей записки о возложенномъ на нее дѣлѣ, производила дополнительные разспросы: Петрашевскому, Момбелли, Достоевскому, Катеневу и мѣщанину Василью Быстрову, бывшему прикащикомъ у содержавшаго табачную лавку мѣщанина П. Гр. Шапошникова.

За симъ, такъ какъ лица, находящіяся въ крѣпости дѣлу, всѣ уже допрошены, и потому теперь можно будетъ приступить къ призыву тѣхъ лицъ, которыя по какимъ-либо случаямъ въ продолженіе онаго были названы, но не арестованы, то комиссія

разсматривала въ подробности списокъ помянутымъ лицамъ, раздѣлила ихъ по имѣющимся даннымъ на разряды и положила основанія, которыя должны быть приняты для правильнаго и болѣе успѣшнаго хода ея дѣйствій. При этомъ хотя нельзя быть увѣрену, чтобы разборъ бумагъ,принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, въ особо учрежденной для онаго комиссіи, не потребовалъ продолжительнѣйшаго времени, нежели сколько нужно на ихъ допросы, но къ устраненію таковаго неудобства будутъ употреблены всѣ возможныя старанія.

22-го числа привезенъ въ крѣпость Черносвитовъ, котораго посланный за нимъ корпуса жандармовъ кап. Шевелевъ настигъ на станціи Камышенской, въ Омскомъ округѣ, и доставилъ со всѣми найденными у него бумагами. Сіи послѣднія ничего подозрительнаго въ себѣ не заключаютъ, лично же при первомъ разспросѣ Черносвитовъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, но ничего преступнаго у нихъ не слыхалъ и ни о какомъ тайномъ обществѣ не знаетъ. Вслѣдствіе сего ему приказано обо всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ вышепоименованными лицами дать письменное объясненіе, и это онъ долженъ исполнить неотлагательно.

Въ донесеніи о своей поѣздкѣ кап. Шевелевъ говоритъ, что онъ проѣзжалъ по Сибири почти за г. Тюмень и вездѣ видѣлъ совершенный порядокъ, тишину и спокойствіе. О Черносвитовѣ многіе отзывались ему какъ о человѣкѣ образованномъ и отличавшемся большой распорядительностью въ то время, когда онъ былъ въ Сибири исправникомъ.

Съ 24-го по 31-ое іюля.

Главнымъ предметомъ занятій коммиссіи въ минувшіе дни было дознаніе обстоятельствъ, относящихся до отставнаго поручика Черносвитова, арестованнаго вслѣдствіе обвиненій, взводимыхъ на него Спѣшневымъ и Петрашевскимъ.

Обвиненія эти, какъ уже объяснено было прежде, состояли въ томъ, что Черносвитовъ, явившись на вечеръ Петрашевскаго, разговорами своими вызывалъ всѣхъ на рѣзкости; что онъ разсказывалъ о Сибири, какъ о странѣ, которой когда-нибудь суждено быть отдѣльною имперіею, и звалъ всѣхъ туда ѣхать, что онъ наводилъ Спѣшнева и Петрашевскаго на мысль о существованіи въ Россіи тайнаго общества, доказывая это пожарами 1848 года; что онъ разспрашивалъ Спѣшнева о преобразованіи, которое теперь было бы, по его мнѣнію, наиболѣе полезнымъ въ Россіи, и соглашался съ нимъ, что преимущество должно быть дано уничтоженію крѣпостного состоянія, что онъ говорилъ о возможности возстанія на Пермскихъ заводахъ, о развитіи, которое оно получило бы въ прочихъ частяхъ Россіи, что онъ совѣтовалъ Петрашевскому заводить тайныя общества въ высшемъ аристократическомъ кругу и даже внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, и что вообще вліяніемъ своимъ Черносвитовъ значительно усилилъ зловредное направленіе собраній Петрашевскаго.

Черносвитовъ въ предварительныхъ отвѣтахъ своихъ показалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1848 года по золотопромышленнымъ дѣламъ, онъ узналъ о вечерахъ Петрашевскаго и сталъ ихъ посѣщать, такъ какъ на нихъ обсуждались соціальныя знанія, въ которыхъ онъ чувствовалъ въ себѣ недостатокъ. Вечера эти сначала показались ему занимательными, потому что онъ нашелъ тамъ свободную передачу мнѣній, тутъ же подвергавшихся критикѣ, но потомъ убѣдился, что они мало за-

служивають вниманія, и бросилъ ихъ, дабы не терять напрасно времени. О Сибири онъ, дѣйствительно, говорилъ, разбирая географическое и административное ея положеніе, разсказывалъ о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся съ нимъ со времени опредѣленія его на службу въ Пермскую губернію, и при этомъ, вѣроятно, какъ весьма часто случается въ частномъ разсказѣ обиженнаго человѣка, могъ выражаться довольно свободно, а, можетъ быть, и дерзко о своемъ начальствѣ и даже о правительствѣ.

Вмѣстѣ съ симъ Черносвитовъ представилъ въ коммиссію двѣ особыя записки,— одну о бунтѣ, бывшемъ тому нѣсколько лѣтъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, въ прекращеніи котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе, а другую — о видахъ на Сибирь въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Послѣ того Черносвитовъ на формальномъ допросѣ объяснилъ, что, хорошо владѣя русскимъ языкомъ, онъ всегда говоритъ рѣзко и опредѣлительно, а въ обществѣ Петрашевскаго это могло броситься въ глаза и показаться вызовомъ на рѣзкости; что, говоря о Сибири, онъ часто называлъ ее Америкою, Калифорніею, Eldorado, Русскою Мексикою и пр.; что Восточная Сибирь по географическому положенію своему, дѣйствительно, есть страна отдѣльная отъ Россіи, и что онъ, Черносвитовъ, увлекаясь иногда въ сужденіяхъ о будущности Сибири, не разъ называлъ ее Великою имперіею, но не отдѣльною, и, любя Сибирь, какъ свою родину, могъ приглашать туда другихъ, но это было только шуткою; что объ образованіи тайнаго общества онъ не говорилъ, но дѣйствительно выражалъ свои подозрѣнія, а не убѣжденіе, насчетъ общества поджигателей вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ въ Россіи пожаровъ; что если между нимъ, Спѣшневымъ, и Петрашевскимъ былъ разговоръ о крѣпостномъ состояніи, какъ о предметѣ, привлекавшемъ общее вниманіе, то весьма легко могло быть, что онъ подалъ голосъ за уничтоженіе этого состоянія, ибо оно ему не нравится; что мысль о возстаніи на Пермскихъ заводахъ могла родиться при разсказѣ его о бунтѣ, бывшемъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, при которомъ изъ самолюбія, желая выставить собственныя свои дѣла и мысли, онъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, упоминалъ о послѣдствіяхъ, которыя непремѣнно бы произошли, если бы онъ не распорядился въ то время такъ, какъ это имъ было сдѣлано, что собственно въ Восточной Сибири онъ, Черносвитовъ, зная и Сибирь и возмущенія по опыту, полагаетъ, что могутъ загорѣться лѣса, а не возстанія людей, коими она такъ бѣдна, но что, можетъ быть, это обстоятельство и было въ числѣ прочихъ возможнымъ при разговорѣ, что мыслей своихъ онъ вовсе не сообщалъ, какъ планъ къ какому-либо дѣйствію, потому что никогда не носилъ въ душѣ своей возмутительнаго начала; впрочемъ, если бы этотъ планъ и созрѣлъ въ его головѣ, то онъ, Черносвитовъ, не могъ бы предлагать его Спѣшневу и Петрашевскому, такъ какъ по его понятіямъ подобное предложеніе дѣлается только вслѣдствіе убѣжденія въ людяхъ, и при томъ людямъ, которые въ состояніи дѣйствовать или по положенію служебному — высокому, или по вліянію на общество въ моральномъ или даже соціальномъ отношеніи; въ Петрашевскомъ же и Спѣшневѣ онъ ничего этого не подозрѣвалъ, и выдумка объ означенномъ предложеніи со стороны его, Черносвитова, вѣроятно, родилась у нихъ только по инстинкту самосохраненія; и что мысли о цареубійствѣ онъ не только никогда не имѣлъ, но гнушается ею, а поручать Петрашевскому заводить тайныя общества въ аристократическомъ кругу онъ не могъ, ибо самъ Петрашевскій не имѣетъ и не можетъ имѣть туда доступа.

Наконецъ, выходя изъ коммиссіи въ послѣдній разъ, какъ онъ былъ туда при-

званъ, Черносвитовъ сказалъ: „Я кругомъ виноватъ, виноватѣе другихъ, потому что я имъ сообщилъ такія мысли, какія самимъ имъ придти не могли, и это весьма естественно, ибо между ними и мною большая разница; они каждому моему слову давали большой вѣсъ. . . . . я буду виноватъ предъ закономъ, по совѣсти же я не виноватъ".

Таковы въ главныхъ чертахъ объясненія, данныя до сего времени Черносвитовымъ. Они доказываютъ, что показанія Спѣшнева и Петрашевскаго о его разговорахъ большею частію правильны, но онъ не признаетъ въ нихъ той преступной цѣли, которую должно было въ нихъ предполагать. Впрочемъ, по новымъ настоятельнымъ разспросамъ коммиссіи, онъ просилъ позволенія письменно изложить еще съ большею подробностію взглядъ свой на разные предметы, по коимъ онъ оказывается причастнымъ къ дѣлу Петрашевскаго, и обѣщался представить свою записку черезъ нѣсколько дней. Разсмотрѣвъ сію записку, коммиссія увидитъ, нужно ли будетъ дать ему съ кѣмъ-либо очныя ставки.

Лично Черносвитовъ — человѣкъ съ выразительною наружностію, мысли свои онъ изъясняетъ съ пылкостію, но нѣтъ часто опредѣлительности; вообще въ немъ замѣтны самостоятельность, способности, но болѣе всего чрезвычайное самолюбіе и увѣренность, что онъ и познаніями и умомъ превосходилъ всѣхъ, коихъ встрѣчалъ у Петрашевскаго.

Со 2-го по 6-е августа.

Коммиссія, основываясь на высочайшихъ разрѣшеніяхъ, ей объявленныхъ, приступила къ допросамъ лицъ, которыя въ продолженіе производимаго ею слѣдствія были по разнымъ случаямъ поименованы, но находятся на свободѣ, и допросила по настоящее время 34 человѣка, именно:

(Перечень лицъ отсутствуетъ).

Съ арестованіемъ этихъ лицъ были опечатаны ихъ бумаги, и разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ передано особо учрежденной для того коммиссіи.

Всѣ они, какъ по допросамъ, такъ и по содержанію принадлежащихъ имъ бумагъ, оказались не подлежащими дальнѣйшему содержанію подъ арестомъ и потому отъ онаго освобождены.

Что касается до Черносвитова, то письменное объясненіе, о которомъ упоминалось въ предшествовавшей запискѣ, онъ представилъ.

Объясненіе это въ сущности есть болѣе подробное развитіе того, что имъ показано уже прежде.

Начиная его описаніемъ своихъ свойствъ, онъ подтверждаетъ, что вечера Петрашевскаго были посѣщаемы имъ единственно въ надеждѣ найти ихъ составленными изъ образованнаго общества и увеличить кругъ своихъ познаній. Затѣмъ онъ говоритъ, что народъ русскій въ тѣхъ краяхъ, гдѣ онъ бывалъ, ему хорошо извѣстенъ и что, по его мнѣнію, общаго бунта противъ правительства въ Россіи быть не можетъ, что хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и происходятъ, особенно между государственными крестьянами, безпорядки, но ихъ должно отнести къ крутымъ нововведеніямъ и къ дѣйствительному злоупотребленію власти сельскаго начальства, вообще же вѣрность къ престолу въ народѣ тверда и имя царя для него священно; что на горныхъ заводахъ люди гораздо образованнѣе государственныхъ крестьянъ, и на нѣкоторыхъ только частныхъ угнетены,

но заводы Тагильскіе, Яковлевскіе и казенные близъ Екатеринбурга благоденствуютъ, слѣдовательно, мысль о возстаніи едва ли можно вложить имъ въ головы. Уральскія страны южнѣе Сибирскаго тракта, пролегающаго черезъ гор. Пермь въ Екатеринбургъ, онъ, Черносвитовъ, не знаетъ; что къ востоку отъ Урала, по дорогѣ за Красноярскъ, народъ, занимаясь земледѣліемъ, тихъ, скроменъ и понятія свои останавливаетъ на первыхъ почти потребностяхъ жизни. Неудовольствіе нигдѣ незамѣтно до самаго округа Барнаульскихъ заводовъ около Колывани, гдѣ жители бѣднѣе и жалуются на тягость заводскихъ повинностей; что далѣе къ Красноярску народъ совершенно доволенъ, къ Иркутску онъ менѣе зажиточенъ, за Байкаломъ же край бѣдный; что на золотыхъ пріискахъ работники составляютъ народъ безнравственный, страстный болѣе къ бродячей, нежели осѣдлой жизни, но что, будучи порочны, они вмѣстѣ съ тѣмъ и трусы; слѣдовательно, если бы они и вздумали волноваться, то съ тѣми средствами, которыя имѣетъ мѣстное начальство, ихъ усмирить можно безъ всякаго труда; что возстаніе Урала можно допустить только при полномъ согласіи всего хребта Уральскаго, но сколько разнородныхъ интересовъ и требованій нужно удовлетворить на такомъ пространствѣ въ народѣ, разъединенномъ и разстояніемъ и потребностями? Для этого необходимъ обширный заговоръ всѣхъ чиновниковъ, горныхъ и военныхъ, согласіе войскъ и управляющихъ заводами; что все вышеприписанное доказываетъ нелѣпость приписываемыхъ ему мыслей, но что разсказы его, сужденія и фантазіи могли дѣйствительно ввести Спѣшнева и Петрашевскаго въ заблужденіе, такъ какъ ни тотъ, ни другой топографическихъ свѣдѣній объ отечествѣ своемъ не имѣютъ, и для нихъ Восточная Россія была въ родѣ Средней Африки. „Здѣсь, присовокупляетъ Черносвитовъ, я чувствую себя болѣе ихъ виноватымъ, я старше ихъ, опытнѣе ихъ, и съ ними ли мнѣ должно было разсуждать о дѣлахъ государственныхъ. Въ состояніи ли они понять мои святыя убѣжденія! но я не участникъ въ преступленіи“.

Что объ измѣненіи въ формѣ нашего правленія онъ никогда не помышлялъ, но что въ разговорахъ онъ не таилъ своихъ желаній нѣкоторыхъ улучшеній въ гражданскомъ нашемъ устройствѣ, какъ-то: чтобы классъ чиновниковъ былъ уничтоженъ, чтобы къ административнымъ должностямъ были свободно допускаемы всѣ сословія и т. п.

Что личная только обида могла бы возродить въ душѣ его мысль объ убійствѣ, но и это по свойствамъ его невозможно иначе, какъ явно, благородно: какая же можетъ быть личность между нимъ и великимъ недосягаемымъ царемъ, безъ помощи котораго онъ пропалъ бы, не будучи еще въ состояніи самъ обезпечить свое существованіе? Государь императоръ, по словамъ Черносвитова, пожаловалъ ему 1 тыс. руб. сер. въ такое время, когда все состояніе его было описано за долги казнѣ, и потому онъ питаетъ къ нему благодарность вѣчную, а не вражду въ душѣ своей.

Въ заключеніе снова опровергая, что имъ будто бы предложенъ былъ планъ возстанія на Уралѣ, въ Сибири и Петербургѣ, Черносвитовъ пишетъ, что: „не имѣя болѣе никакой гарантіи отъ настоящаго подозрѣнія, онъ съ чистою совѣстію равнодушно предаетъ участь свою благонамѣренности высокаго суда комиссіи и милостивому вниманію монарха“.

Вслѣдствіе этого объясненія Черносвитову надлежало бы дать съ Петрашевскимъ очную ставку, но, имѣя въ виду, что Петрашевскій въ недавнемъ времени подвергался разстройству въ умственныхъ способностяхъ, комиссія сочла нужнымъ предварительно удостовѣриться въ настоящемъ его положеніи и убѣдилась, что онъ находится

еще подъ вліяніемъ нервнаго разстройства. Находя, что при таковомъ разстройствѣ и при раздражительности его характера онъ не только не можетъ быть употребленъ для уличенія Черносвитова, но еще по извѣстному его упорству скорѣе съ умысломъ затмитъ сдѣланныя уже раскрытія, комиссія опредѣлила очной ставки Петрашевскому съ Черносвитовымъ не давать и сообразить другія мѣры къ дознанію истины насчетъ сего послѣдняго.

Относительно неудовольствія, побуждавшаго Черносвитова (какъ имъ сказано въ прежнихъ показаніяхъ) выражаться свободно и иногда даже дерзко о правительствѣ, онъ отозвался, что почиталъ себя обиженнымъ невниманіемъ начальства къ услугамъ его при усмиреніи въ 1843 году мятежа въ Пермской губерніи между государственными крестьянами и несправедливыми съ нимъ дѣйствіями по золотопромышленнымъ дѣламъ.

Съ 8-го по 13-е августа.

Комиссія, продолжая арестованіе лицъ по разнымъ случаямъ, поименованныхъ въ теченіе возложеннаго на нее слѣдствія, допрашивала:

1) учителя 9-го класса Егорова;
2) занимающагося ходатайствомъ по дѣламъ Нагурнаго;
3) бывшаго секретаря дворянской опеки Григоровскаго;
4) титулярнаго совѣтника Зотова;
5) книгопродавца Лури;
6) купца Поонина(?).

и 7) купца Чернова.

По разсмотрѣніи собственныхъ отвѣтовъ сихъ лицъ, собранныхъ о нихъ свѣдѣній и ихъ бумагъ, всѣ они отпущены, кромѣ книгопродавца Лури, который возвращенъ въ III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, какъ подлежащій полицейскому преслѣдованію за продажу запрещенныхъ книгъ.

Кромѣ того, произведены дополнительные допросы Спѣшневу, и такъ какъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ между его показаніями и объясненіями Черносвитова оказалось разнорѣчіе, то имъ обоимъ дана очная ставка.

Спѣшневъ положительно подтвердилъ самому Черносвитову все, что имъ показано было прежде насчетъ разговоровъ его о планѣ возстанія на Пермскихъ заводахъ и на Уралѣ; уличалъ его съ благородствомъ и настойчивостью, но Черносвитовъ, избѣгая совершенно опредѣленныхъ отвѣтовъ, никакъ не хотѣлъ сознаться въ тѣхъ намѣреніяхъ, которыя ему приписываются. По его словамъ, если онъ и упоминалъ объ означенномъ возстаніи, то вѣроятно только какъ о возможности, вслѣдствіе разсказовъ своихъ о бунтѣ, происходившемъ тому нѣсколько лѣтъ въ Пермской губерніи, но рѣшительно отвергаетъ, чтобы это было предложено имъ какъ планъ дѣйствій, или чтобы онъ говорилъ о существованіи въ Россіи тайныхъ обществъ.

Всѣ старанія вполнѣ согласить его со Спѣшневымъ остались безуспѣшными, но главныя черты вольнодумныхъ его разговоровъ не подлежатъ сомнѣнію. Заснмъ, имѣя въ виду отзывы, полученные относительно Черносвитова отъ оренбургскаго военнаго губернатора и генералъ-губернатора Западной Сибири, а также выводы изъ самаго хода дѣла, должно думать, что онъ дѣйствительно ограничивался изложеніемъ вредныхъ своихъ мыслей и, можетъ быть, желаніемъ внушить ихъ другимъ, но никакого преступнаго исполненія не предпринималъ.

Съ 15-го по 27-е августа.

Изъ новыхъ лицъ по настоящему дѣлу, подлежавшихъ допросамъ, комиссія призывала коллежскихъ ассесоровъ Александра и Владиміра Стасовыхъ, студента Павла Европеуса, аукціониста Острогина и маклера Селинова, но, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, до нихъ относящихся, согласно правиламъ, съ высочайшаго разрѣшенія принятымъ комиссіею къ руководству, лица эти отъ содержанія подъ арестомъ освобождены.

Черносвитову дана была со Спѣшневымъ вторичная очная ставка. Она никакихъ новыхъ показаній не возбудила и имѣла послѣдствіями одно только объясненіе Черносвитова, что онъ дѣйствительно излагалъ Спѣшневу планъ возстанія въ Восточной Сибири и на Уралѣ, однако же излагалъ его не какъ планъ къ исполненію, а какъ возможность.

Послѣдующія занятія комиссіи будутъ заключаться въ продолженіи допросовъ нѣкоторымъ лицамъ, объ арестованіи коихъ распоряженіе уже сдѣлано, и въ подробномъ разсмотрѣніи общей записки о сущности произведеннаго ею слѣдствія, которая въ проектѣ уже изготовлена.

Съ 22-го по 29-е августа.

Комиссія призывала въ теченіе этой недѣли еще нѣсколько лицъ для допросовъ, именно:

1. Титулярнаго совѣтника Витте.
2. Канцелярскаго служителя Степанова

и 3. Бат. адъютанта Зимняго дворца поручика Стасова.

Но всѣ они признаны не подлежащими содержанію подъ арестомъ и возвращены къ своимъ мѣстамъ.

Кромѣ того, имѣя въ виду пользу, которую могла бы принести очная ставка между Черносвитовымъ и Петрашевскимъ, комиссія требовала сего послѣдняго, дабы удостовѣриться, не въ состояніи ли онъ будетъ теперь дѣлать Черносвитову улики, если ихъ свести, но снова убѣдилась, что по нервному его разстройству онъ употребленъ для сего быть не можетъ. При этомъ случаѣ Петрашевскій рѣшился даже на колѣняхъ просить объ исходатайствованіи ему всемилостивѣйшаго помилованія. Комиссія хотѣла воспользоваться таковыми расположеніями его духа, чтобы побудить его къ открытію всего того, что имъ, можетъ быть, на счетъ его собственныхъ или другихъ ему извѣстныхъ замысловъ еще не показано; но онъ рѣшительно объявилъ, что сверхъ объясненій, имъ уже данныхъ, ничего болѣе сообщить комиссіи по дѣлу, на нее возложенному, не имѣетъ.

Независимо отъ сихъ допросовъ комиссія занималась подробнымъ разсмотрѣніемъ первой части общей записки о произведеномъ ею слѣдствіи.

IX.

„Солдатская бесѣда“

Н. П. Григорьева.

„Солдатская бесѣда“

Н. П. Григорьева.

Жестокій морозъ трещалъ на улицѣ. Знатные баре да богатые купцы — самоварники, кутая въ шубы носы, что изъ лука стрѣла, летали на рысакахъ; подувая въ кулаки, бѣдняки, коченѣя, бѣжали опрометью во-свояси; Ванька даже, остановя клячу, забѣжалъ въ харчевню погрѣться; даже собака, завывая, просилась въ конуру къ дворнику, а часовой-горемыка былъ только-что поставленъ на смѣну и, покрякивая, бѣгалъ по платформѣ сѣнной гауптвахты. Ружья были убраны, и солдатики, собравшись въ кружокъ, дружно усѣлись у печи въ караульномъ домѣ. Рядовой Ивановъ только-что кончилъ сказку объ Иванѣ-царевичѣ и начиналъ уже новую о царѣ Махмудѣ и Милитрисѣ Кирбитьевнѣ, какъ дверь отворилась настежь, и нелегкая внесла кварташку съ двумя бутарями, — они привели двухъ морскихъ солдатъ. „Офицеръ велѣлъ принять“, сказали крючки и вышли.

— За что васъ, сердечные? — спросилъ кто-то изъ караульныхъ. Но сердечные были зѣло налимонившись, и со страху языкъ у нихъ прилипъ къ небу.

— А вотъ старикъ вамъ разскажетъ, онъ шелъ за ними слѣдомъ, — сказалъ рядовой Карнашевъ, ведя за собою нищаго.

— Кто велѣлъ впустить? Знаешь, что запрещено! — закричалъ старшій унтеръ-офицеръ; — эй ты, мазурикъ, пошелъ вонъ!

— Мало ли что не велятъ! — проворчалъ сквозь зубы добрый Карнашевъ.

— Не троньте его, Егоръ Семеновичъ, — сказалъ младшій унтеръ-офицеръ изъ кантонистовъ, Михайловъ, умница и христіанская душа. — Вы видите, что онъ и старъ, и дряхлъ, и боленъ, и въ рубищахъ.

Старшій унтеръ-офицеръ Егоръ Семеновъ больно боялся чорта, да и человѣкъ-то былъ не злой, былъ служака, а не собака. Онъ остановилъ старика: — Да никакъ ты нашъ братъ, служба? — вскрикнулъ онъ, увидѣвъ у нищаго на груди георгіевскую ленту.

— Точно такъ, сударь: я отставной солдатъ л.-гв. Семеновскаго полка.

— Да какъ тебя отъ холода скоробило! — сказалъ кто-то.

— И отъ голоду, — отвѣчалъ онъ: — вотъ сутки, какъ не ѣлъ, животы подвело и схватываетъ.

— На, выпей, — сказалъ Семеновъ, подавая ему шкаликъ: — халева не возьмемъ.

Тутъ кто далъ ему хлѣбца, кто щецъ; пригрѣли, приголубили старика, а у того и языкъ развязался.

— Разскажи-ка намъ, дѣдушка, сказку, да съ присказкой, или просто про свою службу. Чай, много походовъ-то сломалъ?

— Да, чай, и палокъ на тебѣ много сломано, — прибавилъ балагуръ Крючковъ.

— Поменѣ, чѣмъ на тебѣ, — отвѣчалъ старикъ съ сердцемъ. — Наше время было

лучше, не то, что ваше. Ну, слушайте же, началъ онъ, запустивъ руку въ тавлинку Крючкова. Я — сдаточный изъ крѣпостныхъ. Мальчишкой я былъ сорви-голова и росъ не по днямъ, а по часамъ. Какъ сталъ я себя помнить, то насъ продали другому барину изъ нѣмцевъ. Вотъ ужъ былъ злодѣй-то, съ живыхъ кожу дралъ! Обѣднѣли мы, разорились въ конецъ, а то прежде, вѣшто, про себя жили, да и на бѣду я попалъ въ солдаты. Вотъ какъ это было. Баринъ нашъ былъ нехристь и съ нами не церемонился. Бывало, пріѣдутъ къ нему гости кутить, пошлетъ на деревню, и ведутъ ему штукъ пять ц - - - къ, даже малолѣтнихъ, — такой окаянный. Обидно было — жаловались по начальству. Ну, да знаешь, вѣдь онъ — свой братъ имъ-то, начальству: выпорютъ, бывало, тебя же, да и конецъ дѣлу. Была у меня сестричка, красавица-дѣвка, самъ я ее выпянчилъ и любилъ больно. Выросла она, да и приглянись нашему барину - антихристу. Вотъ былъ я разъ въ ближнемъ селѣ на базарѣ. Пріѣхалъ домой, шасть въ избу. Смотрю, что за диво? Отецъ — какъ шальной, мать — воетъ. Что, молъ, такое? А гдѣ Машутка? Смотрю, а она, моя голубушка, прильнула ничкомъ въ уголокъ, да такъ и заливается. „Что, молъ, Маша, аль побили?“ а она, сердечная, молчитъ и все жмется, въ уголокъ жмется, да сама такъ и дрожитъ. Я къ матери; мать-то и говоритъ мнѣ: не побили, говоритъ, а по приказу, говоритъ, дворовые къ барину водили. Меня такъ и ошелохнуло. Какъ я выплелся изъ избы, какъ былъ въ кабакѣ, какъ потомъ до полусмерти избилъ окаяннаго нѣмца — не помню. Очнулся я ужъ въ кандалахъ. Меня сдали въ рекруты. Другіе — выли, я — нѣтъ; авось, молъ, за паремъ служба не пропадетъ. Служилъ я честно; получилъ Георгія; это было въ 1813 году. Былъ я въ чужихъ земляхъ, и подъ Туркой, и въ Польшѣ, а лучше, какъ француза, не видалъ. Вотъ такъ ужъ залихватскій народецъ, амбиція большая. Полюбили они меня, звали у нихъ остаться, да нѣтъ, какъ-то все на родину тянетъ. А ужъ у нихъ не житье ли? Нѣтъ тамъ графовъ, или господъ: всѣ равны. Говорятъ, послѣ и у нихъ стало, было, жутко. Король, слышь, больно деньги моталъ, богачей любилъ, а бѣдныхъ обижалъ. Да вотъ въ прошломъ году какъ поднялся народъ, да солдаты изъ булыжника въ городѣ сдѣлали завалы, да и пошла потѣха — битва страшная. Да куды-ты, король съ господами едва удралъ. Теперь они не хотятъ царей и управляются, какъ мы въ деревнѣ — міромъ сообща и выборнымъ. Тотъ уже ни мѣшать, ни грабить не смѣетъ, а то самого по усамъ. Рекрутства тамъ мало, берутъ малаго лѣтъ двадцати, прослужитъ три года и домой, какъ будто на заработкахъ былъ; палкамъ и помину нѣтъ — амбиція огромная. Жалованье и пища хорошая. Служба — просто шутка; палокъ солдаты и не знаютъ и, Боже упаси! и не тронь его палашомъ, аль просто въ зубы, — такъ огрызнется, что и своихъ не узнаешь; одно только и есть наказаніе, что подъ арестъ, какъ офицеры у насъ; и офицеровъ то солдаты выбираютъ среди себя. Тамъ всѣ служатъ, до единаго: и баринъ, и купецъ, и нашъ братъ — мужикъ. Вотъ такъ раздолье! Но все я не остался. Думаю: авось и дома не оставятъ. А вышло иначе. Учили меня, били, ломали, какъ собаку паршивую! Ѣда дрянь, жалованья — грошъ, — собачья жизнь. Сами знаете, кто изъ начальства хорошъ, того долой. Протянулъ я двадцать лѣтъ, выпустили по билету. Пришелъ домой, отецъ и мать умерли, сестра тоже исчахла, домъ отдали другому. Сталъ-было я наниматься, да на сборы затаскали. Тутъ вышла отставка. Пришелъ сюда, сталъ мебель таскать, одряхлѣлъ, и вотъ теперь безъ крова и пищи и замерзъ бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрѣли. Ходилъ, просилъ, кто сжалится. Бога-

дѣленъ нѣтъ. Обидно, ребятушки. Видно, мы нужны, пока есть силы, а тамъ, какъ браковку — въ оврагъ, собакамъ на съѣденье. Служилъ я честно, а вотъ теперь руку протягиваю подъ угломъ. Сколько насъ такихъ! За все солдатство обидно... Съ каждымъ годомъ служба все тяжелѣе, а все колбасники проклятые, все захватили, да и мучатъ православныхъ. Есть у насъ люди именитые, вотъ, напримѣръ, московскій митрополитъ Филаретъ, генералъ Ермоловъ, что нѣмцамъ солоно пришелся, и другіе, ну, да о нихъ что говорить, одни — въ немилости, а другіе въ Сибири, кормильцы наши, защитники. Нѣтъ, братцы, знать, царь-то нашъ не больно православныхъ русскихъ любитъ, что все нѣмцевъ къ себѣ береть; куда ни оглянешься, анъ все нѣмцы: и бригадные нѣмцы, да и полковые командиры — нѣмцы, да и полковники-то все нѣмцы, а ужъ если выберется изъ нихъ русскій, такъ ужъ и знай, съ нѣмцами все якшался, оттого и попалъ въ знать, что грабить нашего брата наловчился; вѣдь сколько они, душегубцы, съ полка-то получаютъ: видимо-невидимо, а все чье добро? Извѣстно, что солдатамъ-то и щей хорошихъ не дадутъ, а сами, смотри, на рысакахъ какихъ разъѣзжаютъ; ахъ, они, мерзавцы! ну, да погоди еще, и святое писаніе гласитъ: первые будутъ послѣдними, а послѣдніе — первыми. Вотъ французы, небось, у себя такъ и устроили, да и другіе-то тоже. Только у насъ, да у поганыхъ австріякъ иначе. Дивны дѣла твои, Господи! Ну, чѣмъ же мы хуже француза, подумаешь, а ему лучше нашей доля пришлась! Видно, правду отцы говорятъ: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ахъ, кабы согласіе да воля, — задалъ бы я нѣмцамъ нашимъ Кузькину мать! проплясали бы они у насъ трепака подъ россейскую балалаечку. Насъ больше, чего бояться чудо-богатырямъ, залихватскимъ, разудалымъ добрымъ молодцамъ, удалымъ братцамъ — солдатикамъ? умереть, такъ умереть, лишь не дать въ обиду богачамъ да нехристямъ своихъ кровныхъ и свою волюшку.

Старикъ замолчалъ и опустилъ грустно голову. Дрова въ печи догорѣли. Было темно, и не видѣлъ честный старина-служивый, какъ слезы текли по щекамъ солдатъ и по каплѣ упадали на аммуницію. Горько, обидно стало. „Ахъ, кабы согласіе да воля!“ — и тутъ, какъ во снѣ, представилось каждому изъ нихъ и родная деревня, и старикъ-отецъ съ матерью, и жена, и малютки-сиротки, и воля, дорогая волюшка.

— Ну, а за что же солдатъ-то морскихъ посадили? — спросилъ Крючковъ.

— А за то, — отвѣчалъ старикъ, — что съ морозу зашли въ штофную, что у Калинкина моста. Только-что мальчуга сталъ имъ наливать да подносить, шасть царь, да и ну тузить солдатъ-то; тѣ было барахтаться, да увидѣли, что офицеръ, и струсили, а мальчуга-то и кричитъ: „Ну, ваше ли дѣло, ваше благородіе, говоритъ, здѣсь статься?“ Онъ давай да и мальчугу. А они, вишь, его никто не узнали. Велѣлъ лавку запечатать, да торговцы съ министромъ отстоятъ, они, вѣдь, за своихъ стоятъ. Народу-то што, народу-то! Что на балаганахъ на Святой собралось тогда!

— Тьфу, ты пропасть, и залить-то съ горя не велятъ, — крикнулъ Крючковъ (а онъ заливалъ часто, то съ горя, то съ радости). — Вишь, по кабакамъ шатается, не за кражею, а за солдатами гоняется. Его ли дѣло? А поди ты, тоже кричитъ: „здорово, ребята!“ Непоздоровится, братъ, отъ твоего „здорово“. Знаемъ мы тебя давно.

Вдругъ звонокъ: динь, динь, динь...

— Вишь... въ какую погоду понесла нелегкая, — проворчали солдатики и бросились на платформу.

Горемыка-старикъ поплелся за ними [1]).

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ авторѣ „Солдатской Бесѣды“ Н. П. Григорьевѣ, братѣ его матери, даетъ П. Д. Боборыкинъ („Русская Мысль“ 1906 г., февраль, стр. 15—16): „На что ужъ нашъ домъ старинный и строгій: дѣдъ—генералъ изъ „гатчинцевъ“, бабушка—стараго закала барыня, воспитанная еще въ-концѣ XVIII вѣка! И въ такомъ-то семействѣ выросъ младшій мой дядя, Н. П. Григорьевъ, отданный въ пажескій корпусъ по лично выраженному желанію Николая, и очутившійся въ 1849 г. замѣшаннымъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, сосланный на каторгу, гдѣ нажилъ медленную душевную болѣзнь.

„Вотъ вамъ барченокъ, прошедшій обычную выучку, сословно-военную, а гвардейскимъ офицеромъ онъ сближается съ кружкомъ тогдашнихъ соціальныхъ мечтателей (вѣроятно, черезъ знакомство съ А. Н. Плещеевымъ), пишетъ какую-то „Солдатскую Бесѣду“ и приговаривается къ смертной казни.

„Этотъ дядя, когда наѣзжалъ къ намъ въ отпускъ, былъ всегда очень ласковъ со мною, давалъ мнѣ читать книжки, разсказывалъ про Петербургъ, про театры, про разныя мѣстности Россіи, гдѣ стоялъ, когда служилъ еще въ армейской кавалеріи. Разумѣется, своихъ протестующихъ идей онъ не развивалъ передъ гимназистикомъ по 12-му году, но въ немъ, питомцѣ свѣтско-придворнаго корпуса, не было никакой военщины, ни въ тонѣ, ни въ манерахъ, ни въ нравахъ“.

Удивительную характеристику петрашевцевъ, по поводу Энгельсона, даетъ Герценъ во 2-мъ томѣ „Былого и Думъ“:

„Типъ, къ которому принадлежалъ Энгельсонъ, былъ тогда для меня довольно новъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ я видѣлъ только его зачатки. Онъ развился въ Петербургѣ подъ конецъ карьеры Бѣлинскаго и сложился послѣ меня, до появленія Чернышевскаго. Это—типъ петрашевцевъ и ихъ друзей. Кругъ этотъ составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, болѣзненные и поломанные. Въ ихъ числѣ не было ни кричащихъ бездарностей, ни пишущихъ безграмотностей,—это явленія совсѣмъ другого времени, но въ нихъ было что-то испорчено, повреждено.

Петрашевцы ринулись горячо и смѣло на дѣятельность и удивили всю Россію „Словаремъ иностранныхъ словъ“. Наслѣдники сильно возбужденной умственной дѣятельности сороковыхъ годовъ, они прямо изъ нѣмецкой философіи шли въ фалангу Фурье, въ послѣдователи Конта.

Окруженные дрянными и мелкими людьми, гордые вниманіемъ полиціи и сознаніемъ своего превосходства, при самомъ выходѣ изъ школы, они слишкомъ дорого оцѣнили свой отрицательный подвигъ, или, лучше, свой подвигъ въ возможности. Отсюда безмѣрное самолюбіе. Не то здоровое, молодое самолюбіе, идущее юношѣ, мечтающему о великой будущности, идущее мужу въ полной силѣ и въ полной дѣятельности, не то, которое въ былыя времена заставляло людей совершать чудеса отваги, выносить цѣпи и смерть изъ желанія славы, но, напротивъ, самолюбіе болѣзненное, мѣшающее всякому дѣлу огромностью притязаній, раздражительное, обидчивое, самонадѣянное до дерзости и въ то же время неувѣренное въ себѣ.

---

1) „Былое“, 1906, май, стр. 191 — 194.

Между ихъ *запросомъ* и оцѣнкой ближнихъ несоразмѣрность была велика. Общество не принимаетъ векселей на будущее, а требуетъ готовую работу за свое наличное признаніе. Труда и выдержки у нихъ было мало, того и другого хватило только для пониманья, для усвоенья разработаннаго другими. Они хотѣли жатвы за намѣреніе сѣять и вѣнковъ за то, что у нихъ закромы были полны. „Обидное непризнаніе общества“ ихъ мучило и доводило до несправедливости къ другимъ, до отчаянія и Fratzenhaftigkeit.

На Энгельсонѣ я изучилъ разницу этого поколѣнія съ нашимъ. Впослѣдствіи я встрѣчалъ много людей не столько талантливыхъ, не столько развитыхъ, но съ тѣмъ *же видовымъ болѣзненнымъ надломомъ* по всѣмъ суставамъ.

Дивиться надобно, какъ молодыя силы, сломавшись, *все же* уцѣлѣли. Кто не знаетъ знаменитую инструкцію учителямъ кадетскихъ корпусовъ? Вся система казеннаго воспитанія состояла во внушеніи религіи слѣпого повиновенія, ведущей къ власти, какъ къ своей наградѣ. Молодыя чувства, лучистыя по натурѣ, были грубо оттѣсняемы внутрь, замѣняемы честолюбіемъ и ревнивымъ, завистливымъ соревнованіемъ. Что не погибло, вышло больное, сумасшедшее... Вмѣстѣ съ жгучимъ самолюбіемъ прививалась какая-то обезкураженность, сознаніе безсилія, усталь передъ работой. Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду. Они всѣ были заражены страстью самонаблюденія, самоизслѣдованія, самообвиненія, они тщательно провѣряли свои психическія явленія и любили безконечныя исповѣди и разсказы о первыхъ событіяхъ своей жизни. Мнѣ, впослѣдствіи, случалось часто имѣть на духу не только мужчинъ, но и женщинъ, принадлежавшихъ къ той же категоріи. Вглядываясь съ участіемъ въ ихъ покаянія, въ ихъ психическія себябичеванія, доходившія до клеветы на себя, я, наконецъ, убѣдился потомъ, что все это одна изъ формъ того же самолюбія. Стоило вмѣсто возраженья и состраданья согласиться съ кающимся, чтобъ увидѣть, какъ легко уязвляемы и какъ безпощадно мстительны эти магдалины обоихъ половъ. Вы передъ ними, какъ христіанскій священникъ передъ сильными міра сего, имѣете право только торжественно отпускать грѣхи и молчать.

У этихъ нервныхъ людей, чрезвычайно обидчивыхъ, содрагавшихся, какъ мимоза, при всякомъ чуть неловкомъ соприкосновеніи, была, съ своей стороны, непостижимая жесткость слова. Вообще, когда дѣло шло объ отместкѣ, выраженія не мѣрились,— странный эстетическій недостатокъ, выражающій глубокое презрѣніе къ лицу и оскорбительную снисходительность къ себѣ. Необузданность эта идетъ у насъ изъ помѣщичьихъ домовъ, канцелярій и казармъ, но какъ же она уцѣлѣла, развилась у новаго поколѣнія, перескакивая черезъ наше? Это—психологическая задача.

Въ прежнихъ студенческихъ кружкахъ бранились громко, спорили запальчиво и грубо, но въ самой пущей брани *кой-что* оставалось внѣ битвы... Для нашихъ нервныхъ людей—энгельсоновскаго поколѣнія—этого завѣтнаго мѣста не существовало, они не считали нужнымъ себя сдерживать; для пустой и мимолетной мести, одержанія верха въ спорѣ не щадили ничего, и я часто съ ужасомъ и удивленіемъ видѣлъ, какъ они, начиная съ самого Энгельсона, бросали безъ малѣйшей жалости драгоцѣннѣйшія жемчужины въ ѣдкій растворъ *и плакали потомъ*. Съ перемѣной первнаго тока начинаются раскаянія, вымаливаніе прощенія у поруганнаго кумира. Небрезгливые, они выливали нечистоты въ тотъ же сосудъ, изъ котораго пили.

Раскаянія ихъ бывали искренни, но не предупреждали повтореній. Какая-то пру-

жина, умѣряющая дѣйствіе колесъ и направляющая ихъ, у нихъ сломана; колеса вертатся съ удесятеренной быстротой, ничего не производя, но ломая машину; гармоническое сочетаніе нарушено, эстетическая мѣра потеряна—съ ними жить нельзя, имъ самимъ съ этимъ жить нельзя.

Счастья для нихъ не существовало, они не умѣли его беречь. При малѣйшемъ поводѣ они давали безчеловѣчный отпоръ и обращались грубо со всѣмъ близкимъ. Ироніей они не меньше губили и портили въ жизни, чѣмъ нѣмцы приторной сантиментальностью. Странно, люди эти жадно хотятъ быть любимыми, ищутъ наслажденія и, когда подносятъ ко рту чашу, какой-то злой духъ толкаетъ ихъ подъ руку, вино льется на-земь, и съ запальчивостью отброшенная чаша валяется въ грязи".

X.

Переписка Николая Павловича.

Переписка Николая Павловича съ шефомъ жандармовъ А. Ѳ. Орловымъ.

Извѣстно, что наблюденія за Петрашевскимъ и его кружкомъ начались очень рано и притомъ одновременно съ двухъ сторонъ: министра внутреннихъ дѣлъ и III Отдѣленія. Наблюденія продолжались цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ. Чрезъ своихъ агентовъ правительство знало все, что говорилось на ихъ собраніяхъ. Наконецъ, въ серединѣ апрѣля 1849 года правительство рѣшило ликвидировать „дѣло“, оформить его и произвести аресты.

Такимъ образомъ, въ теченіе 13 мѣсяцевъ пламенные фурьеристы мечтали о лучшемъ будущемъ, о переустройствѣ всего соціальнаго строя, не подозрѣвая, что они совершаютъ государственное преступленіе, и что каждое ихъ слово дѣлается извѣстнымъ.

21 апрѣля шефъ жандармовъ А. Ѳ. Орловъ представилъ Николаю Первому обзоръ всего дѣла, списки участвующихъ и планъ ихъ арестовъ. Эти документы А. Ѳ. Орловъ сопроводилъ слѣдующей запиской:

„Посылаю Вашему Величеству записки объ извѣстномъ дѣлѣ, изъ которыхъ Вы изволите усмотрѣть:

1-е, обзоръ всего дѣла, 2-е, три тетради съ именнымъ спискомъ участвующихъ, и съ описаніемъ дѣйствій каждаго изъ нихъ, и съ означеніемъ ихъ жительства.

Въ обзорѣ Вы изволите усмотрѣть удобнѣйшее средство къ арестованію виновныхъ. Предложеніе это будетъ исполнено, ежели Ваше Величество не сдѣлаете какихъ-либо измѣненій. По моему мнѣнію, это вѣрнѣйшее и лучшее средство.

Долгомъ считаю присовокупить, что ежели Вы удостоите предложеніе мое Вашимъ утвержденіемъ, то Высочайшая воля Ваша насчетъ Кропотова должна измѣниться, а потому не прикажете ли доставить его къ Вашему Величеству 23 апрѣля въ 7 часовъ утра или въ другое Вамъ угодное время.

Гр. Орловъ“.

21-го апрѣля.

Государь положилъ свою резолюцію не на этой запискѣ Орлова, а на другой, въ которой графъ писалъ:

„Я сейчасъ воротился изъ штаба, гдѣ всѣ распоряженія при мнѣ сдѣланы и завтра исполнятся, когда получу разрѣшеніе Вашего Величества“.

Именно на этой запискѣ читаемъ слѣдующія характерныя строки, набросанныя Николаемъ I:

„Я все прочелъ; дѣло важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно въ высшей степени преступно и нестерпимо.

„Приступить къ арестованію, какъ ты полагаешь; точно лучше, ежели только не будетъ разгласки отъ такого большого числа лицъ на то нужныхъ.

„Набокова впередъ не увѣдомляй, а гораздо лучше тогда ему дать знать, прямо отъ меня, что и сдѣлай.

„Кропотова я вытребую отъ тебя, когда уже всѣ будутъ взяты.

„Съ Богомъ! да будетъ воля Его!“

Въ самый послѣдній моментъ явилось подозрѣніе, что можетъ пойти ледъ, разведутъ мосты, и такимъ образомъ комендантъ крѣпости Набоковъ не будетъ извѣщенъ объ арестахъ. Дубельтъ сообщилъ Орлову о своихъ сомнѣніяхъ.

„Льду на Невѣ нѣтъ, мостъ наведенъ, и мостовые увѣряютъ, что сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ, въ теченіе ночи, не прекратится.

„Я отправлю отношеніе къ Набокову, ежели чуть-чуть будетъ подозрѣніе, что мостъ разведутъ“.

Гр. Орловъ сдѣлалъ на этомъ докладѣ слѣдующую помѣту:

„Справедливо по отношенію къ Набокову. Не лучше ли передать Куцынскому, чтобъ онъ его употребилъ, ежели мостъ разведутъ, и ежели нѣтъ, то воротилъ бы тебѣ назадъ.

„Дай Богъ во всемъ успѣха!“

Итакъ, благословеніе Божіе было призвано и Николаемъ I, и шефомъ Орловымъ. Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля аресты были произведены.

23 апрѣля гр. Орловъ доносилъ:

„Честь имѣю донести Вашему Величеству, что арестованіе совершено, въ III Отдѣленіе привезено 34 человѣка, со всѣми ихъ бумагами. Въ числѣ арестованныхъ находятся всѣ главныя лица и размѣщены по-одиночкѣ, не привезено еще 7 человѣкъ самыхъ незначительныхъ по весьма достаточнымъ причинамъ: одинъ изъ нихъ *Плещеевъ* въ Москвѣ, бумаги же его опечатаны, одинъ *Серебряковъ* двое сутокъ не ночуетъ дома, одинъ *Григорьевъ* Конногренадерскаго полка долженъ быть въ Петербургѣ, и, наконецъ, четверо: Берестовъ, Ламанскій, Михайловъ, Тимковскій, которыхъ квартиры не были извѣстны. Къ отысканію ихъ квартиръ теперь уже можно принять мѣры, и принимаются.

„Теперь остается мнѣ просить Ваше Величество, не благоугодно ли дать повелѣніе о принятіи отъ меня въ С.-Петербургскую крѣпость сихъ арестованныхъ. Предполагаю, получивъ Ваше приказаніе, отправить ихъ сегодня вечеромъ по частямъ.

„Приказанія были исполнены съ точностью и съ большой быстротой, и по моимъ свѣдѣніямъ все совершено съ большой тишиной, безъ всякой огласки и съ наивеличайшей аккуратностью“.

Государь положилъ слѣдующую резолюцію:

„Слава Богу! теперь ждать буду, какое послѣдствіе имѣло надъ ними сіе арестованіе, и что при первомъ свиданіи съ главными ты отъ нихъ узнаешь.

„Приказаніе г. Набокову далъ“.

24 апрѣля гр. Орловъ сдѣлалъ новое донесеніе:

„Сегодня отъ сильной головной боли я не могу, къ крайнему моему сожалѣнію, явиться къ Вашему Величеству, новаго ничего нѣтъ, все смирно и благополучно.

„Всѣ арестанты отправлены и сданы въ крѣпость. Принималъ ихъ самъ комендантъ, и при сдачѣ каждаго находился отъ меня полковникъ.

„Въ принятіи отъ меня каждаго арестанта есть особенныя расписки. Отправленіе началось въ 10¼ часовъ вечера, кончилось въ 2 часа пополуночи. Отправленіе и сдача ихъ совершены исправно и безъ всякаго приключенія.

„По списку арестованныхъ лицъ остается три невзятыхъ: Плещеевъ, о которомъ писали къ гр. Закревскому, Михайловъ и Тимковскій. Сихъ двухъ послѣднихъ сегодня, вѣроятно, возьмутъ по сдѣланнымъ распоряженіямъ.

„Бумаги и все дѣло сегодня отправлены къ ген.-ад. Набокову".

На этомъ донесеніи Государь сдѣлалъ слѣдующія отмѣтки:

Противъ сообщенія о головной боли онъ написалъ: „Жалѣю, но надѣюсь, что кончится одной воскресной головной болью".

Противъ словъ о лицахъ, еще не взятыхъ, Николай Павловичъ отмѣтилъ: „Надо Закревскому дать понятіе о сдѣланномъ открытіи".

Наконецъ, прочитавъ послѣднія строки, объ отправленіи дѣла къ коменданту Набокову, назначенному предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, Николай Павловичъ приписалъ: „Пора имъ начать" [1]).

Приведеніе въ исполненіе приговора надъ М. В. Петрашевскимъ и другими осужденными, по донесеніямъ агентовъ III Отдѣленія.

I.

Записка III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

22-го декабря, во время исполненія приговора надъ преступниками, народа было на Семеновскомъ плацу до 3,000 человѣкъ; все было тихо, и всѣ были проникнуты особеннымъ вниманіемъ.

Весь процессъ, предшествующій смертной казни, былъ исполненъ съ точностію; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что въ преступникахъ не было замѣчено того благоговѣйнаго чувства и страха, какого должно ожидать въ столь горестныя минуты жизни человѣческой! Только нѣкоторые казались упадшими духомъ и выражали нѣкоторое раскаяніе. За то, напротивъ, и въ зрителяхъ не проявлялось никакого участія къ преступникамъ. *Петрашевскій* былъ болѣе всѣхъ дерзокъ, онъ принималъ позы, несвойственныя его положенію, помогалъ приковывать къ ногамъ своимъ цѣпи; когда надѣли на преступниковъ саваны, сказалъ своимъ злоумышленникамъ: „Господа! какъ мы должны быть смѣшны въ этихъ костюмахъ!" А по окончаніи чтенія конфирмаціи промолвилъ: „И только!" Все это возбудило какъ въ зрителяхъ, такъ и, въ особенности, въ войскахъ совершенное къ нему не только равнодушіе, но даже презрѣніе, и между офицерами и даже нижними чинами слышны были голоса: „жаль, что этого злодѣя не разстрѣляли". Такое же впечатлѣніе было произведено и на жителей города; они упрекали преступниковъ, и находили, что съ ними поступлено очень милостиво.

---

[1]) „Былое", 1906, II, 246—248.

II.

Другая записка о томъ же полковника корпуса жандармовъ Васильева:

Исключая *Петрашевскаго*, старавшагося выказать глупую браваду, сказавшаго даже: „какъ мы смѣшны въ этихъ костюмахъ“, и двухъ—трехъ *старавшихся* выказать твердость, всѣ преступники имѣли видъ проникнутыхъ грустію. Одинъ пошелъ исповѣдаться, иные молились, плакали. *Монбелли*, *Львовъ* выказали душевную покорность; они первые подняли руки къ каскамъ для выслушанія конфирмаціи и почтительно стояли на колѣняхъ.

Не хорошо распорядились тѣмъ, что допустили *Петрашевскаго* обойти всѣхъ преступниковъ для прощальнаго поцѣлуя; онъ нѣкоторымъ говорилъ что-то; это была также его бравада.

Не хорошо, что поручили читать конфирмацію слабоголосому чиновнику, и преступники худо слышали ее.

А г. комендантъ слишкомъ и даже неделикатно торопилъ священника, особливо, когда онъ исповѣдывалъ преступника; должно было это дѣлать религіозно, или вовсе не дѣлать,—вышла одна проформа [1]).

Московскіе толки о петрашевцахъ.

Въ „Дневникѣ“ своемъ подъ 1 и 2 мая 1849 г. Погодинъ записалъ: „Въ Петербургѣ захвачено 40 человѣкъ... Страшная тревога вездѣ“.

„О петербургскомъ заговорѣ толкуютъ много“, писалъ Хомяковъ А. Н. Попову,—„кто съ негодованіемъ, кто съ состраданіемъ; мое мнѣніе увидите въ письмѣ къ гр. Блудовой. Разсказываютъ великолѣпное слово, сказанное гр. Закревскимъ одному изъ его пріятелей: „что, братъ, видишь, изъ московскихъ словенъ никого не нашли въ этомъ заговорѣ. Что это значитъ по-твоему?“—„Не знаю, ваше сіятельство!“—„*Значитъ*, всѣ тутъ; да хитры, не поймаешь слѣда“. Это *значитъ* просто геніальное слово!“

Гр. А. Д. Блудовой Хомяковъ писалъ: „Въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое боевое время!.. Что вамъ сказать про здѣшніе толки о вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? Слухи о намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ внушаетъ состраданіе. Вообще разсказы очень темны, а иные очень забавны. Я ужъ не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр., и пр.; но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни, къ несчастію, не тетки моей, что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ русскихъ до единаго, и для заселенія Россіи выписать французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ. Я подозрѣваю, что мнѣніе этой барыни нѣсколько преувеличено,—думаю, что вы со мною будете въ томъ согласны; но, оставивъ въ сторонѣ толки и пересуды Москвы, а, можетъ быть, и Петербурга, не худо бы было постараться открыть истинную причину того страшнаго развитія коммунизма въ школахъ, которое положило начало открытымъ клубамъ. Болѣзни не вылѣчишь, не узнавъ ея причины“... [2]).

---

[1]) „Былое“, 1907, I, 154.

[2]) Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн. X. СПБ. 1896. Стр. 269—270.

XI.

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго.

Письмо Ѳ. М. Достоевскаго Э. И. Тотлебену.

Ваше Превосходительство, Эдуардъ Ивановичъ.

Простите меня, что осмѣливаюсь утруждать ваше вниманіе письмомъ моимъ. Боюсь, что, взглянувъ на подпись его, на имя, вами, вѣроятно, забытое,—хотя я когда-то (очень давно) и имѣлъ честь быть вамъ извѣстнымъ,—боюсь, что вы разсердитесь на меня и на дерзость мою и бросите, не прочитавъ его. Умоляю васъ, будьте снисходительнѣе. Не обижайте меня въ томъ, что я не понимаю всей неизмѣримой разницы между моимъ положеніемъ и вашимъ. Въ моей жизни было слишкомъ много печальнаго опыта, чтобъ я могъ не понять этой разницы. Я очень хорошо понимаю и то, что не имѣю никакого права припоминать теперь то, что былъ когда-то вамъ извѣстенъ, припоминать съ тѣмъ, чтобъ считать это хоть за одну тѣнь права на вниманіе ваше. Но я такъ несчастенъ, что почти поневолѣ повѣрилъ надеждѣ, что вы не закроете свое сердце для несчастнаго изгнанника, подарите ему хоть одну минуту вниманія.

Я просилъ передать это письмо барона Александра Егоровича Врангеля. Въ бытность свою здѣсь, въ Семипалатинскѣ, онъ сдѣлалъ для меня столько, сколько родной братъ не могъ бы сдѣлать. Я такъ счастливъ былъ его дружбой. Онъ знаетъ всѣ мои обстоятельства. Я просилъ его передать вамъ мое письмо лично, онъ сдѣлаетъ это, несмотря на то, что я даже не имѣю возможности увѣрить его, что письмо это будетъ принято вами снисходительно. Сомнѣніе понятно въ сердцѣ человѣка, бывшаго каторжника. Я имѣю къ вамъ огромную просьбу, только робкую надежду, что она будетъ вами услышана.

Можетъ быть, вы слышали о моемъ арестѣ, судѣ и высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей по дѣлу, въ которомъ я былъ замѣшанъ въ 1849 году. Можетъ быть, вы обратили на судьбу мою нѣкоторое вниманіе. Я основываю предположеніе это на томъ, что съ младшимъ братомъ вашимъ, Адольфомъ Ивановичемъ, былъ очень друженъ, почти съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ его горячо. И хотя я съ нимъ не видался въ послѣднее время, но увѣренъ, что онъ пожалѣлъ обо мнѣ и, можетъ быть, передалъ вамъ мою грустную исторію. Я не осмѣлюсь утруждать вашего вниманія разсказомъ объ этомъ дѣлѣ. Я былъ виновенъ, я сознаю это вполнѣ. Я былъ уличенъ въ намѣреніи (но не болѣе) дѣйствовать противъ правительства; я былъ осужденъ законно и справедливо; долгій опытъ, тяжелый и мучительный, протрезвилъ меня и во многомъ перемѣнилъ мои мысли. Но тогда,—тогда я былъ слѣпъ, вѣрилъ въ теоріи и утопіи. Когда я отправился въ Сибирь, у меня по крайней мѣрѣ оставалось одно утѣшеніе, что я велъ себя передъ судомъ честно, не сваливалъ своей вины на другихъ и даже жертвовалъ своими интересами, если видѣлъ возможность своимъ признаніемъ выгородить изъ бѣды другихъ. Но я повѣрилъ себѣ, я не сознавался во всемъ и за это

наказанъ былъ строже. Передъ тѣмъ я былъ два года сряду боленъ, болѣзнію странною, нравственною. Я впалъ въ ипохондрію. Было даже время, что я терялъ разсудокъ. Я былъ слишкомъ раздражителенъ, съ впечатлительностью, развитою болѣзненно, со способностью искажать самые обыкновенные факты и придавать имъ другой видъ и размѣръ. Но я чувствовалъ, что, хотя эта болѣзнь и имѣла сильное враждебное вліяніе на судьбу мою, она была бы очень плохимъ оправданіемъ и даже унизительнымъ. Да я и не сознавалъ тогда этого хорошо. Простите меня за такія подробности. Но будьте великодушны и выслушайте меня до конца.

Для меня настала каторга,—4 года грустнаго, ужаснаго времени. Я жилъ съ разбойниками, съ людьми безъ человѣческихъ чувствъ, съ извращенными правилами; не видалъ и не могъ видѣть во всѣ эти 4 года ничего отраднаго, кромѣ самой черной, самой безобразной дѣйствительности. Я не имѣлъ подлѣ себя ни одного существа, съ которымъ бы могъ переговорить хоть одно задушевное слово; я терпѣлъ голодъ, холодъ, болѣзни, работу не по силамъ и ненависть моихъ товарищей-разбойниковъ, мстившихъ мнѣ за то, что я былъ дворянинъ и офицеръ. Но клянусь вамъ, не было для меня мученія выше того, когда я понялъ свои заблужденія, понялъ въ то же время, что я отрѣзанъ отъ общества изгнанникомъ и не могу уже быть полезнымъ по мѣрѣ моихъ силъ, желанія и способностей. Я знаю, что былъ осужденъ за мечты, за теоріи. Мысли и даже убѣжденія мѣняются, мѣняется и весь человѣкъ, и каково же теперь страдать за то, чего уже нѣтъ, что измѣнилось во мнѣ въ противную сторону, страдать за прежнія заблужденія, которыхъ неосновательность я уже самъ вижу; чувствовать силы и способности, чтобы сдѣлать хоть что-нибудь для искупленія безполезности прежняго и томиться въ бездѣйствіи. Теперь я солдатъ, служу въ Семипалатинскѣ и нынѣшнимъ лѣтомъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Я знаю, что многіе привязли и принимаютъ во мнѣ искреннее участіе; что за меня хлопотали и просили, меня обнадеживали и обнадеживаютъ. Монархъ добръ, милосердъ. Я знаю, наконецъ, что трудно тому, кто рѣшился доказать, что несчастный человѣкъ желаетъ сдѣлать что-нибудь доброе, когда-нибудь не достичь своей цѣли. Что-нибудь и я могу сдѣлать; не безъ способностей же я, не безъ чувствъ, не безъ правилъ. Великая, огромная просьба есть у меня до васъ, Эдуардъ Ивановичъ. Одно только затрудняетъ меня: я не имѣю никакого права безпокоить васъ собою. Но у васъ благородное, возвышенное сердце. Объ этомъ можно говорить; вы такъ славно доказали это еще недавно, въ виду цѣлаго свѣта. Я уже давно, раньше другихъ, имѣлъ счастье получить объ васъ это мнѣніе и уже давно, давно научился уважать васъ. Ваше слово можетъ много значить теперь у милосерднаго Монарха нашего, вамъ благодарнаго и васъ любящаго. Вспомните о бѣдномъ изгнанникѣ и помогите ему. Я желаю быть полезнымъ. Трудно, имѣя въ душѣ силы, а на плечахъ голову, не страдать отъ бездѣйствія. Но военное званіе не мое поприще. Я готовъ тянуться изъ всѣхъ силъ; но я больной человѣкъ и, кромѣ того, чувствую, что я болѣе склоненъ къ другому поприщу, болѣе сообразному съ моими способностями. Вся мечта моя быть уволеннымъ изъ военнаго званія и поступить въ статскую службу, гдѣ-нибудь въ Россіи, или даже здѣсь; имѣть хоть нѣкоторую свободу въ избраніи себѣ мѣстожительства. Но не службу считаю я главною цѣлью жизни моей. Когда-то я былъ обнадеженъ благосклоннымъ пріемомъ публикою на литературномъ пути. Я желалъ бы имѣть позволеніе печатать. Примѣры тому были: политическіе преступники, по благосклонному къ нимъ вниманію и милосердію, получали

позволеніе писать и печатать еще прежде меня. Званіе писателя я всегда считалъ благороднѣйшимъ, полезнѣйшимъ званіемъ. Есть у меня убѣжденіе, что только на этомъ пути я могъ бы истинно быть полезнымъ, можетъ быть, и я обратилъ бы на себя хоть какое-нибудь вниманіе, пріобрѣлъ бы себѣ опять доброе имя, и хотя нѣсколько обезпечилъ свое существованіе, ибо я ничего не имѣю, кромѣ нѣкоторыхъ и очень небольшихъ, можетъ быть, литературныхъ способностей. Не скрою отъ васъ, что, кромѣ искренняго желанія моего перемѣнить свою участь на другую, болѣе соотвѣтствующую моимъ силамъ, одно обстоятельство, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ счастье всей моей жизни (обстоятельство чисто личное), побудило меня попробовать осмѣлиться напомнить вамъ о себѣ. Не всего разомъ прошу я, но только по возможности выйти изъ военной службы и права поступить въ статскую.

Прочтите эти просьбы мои, не обвините въ малодушіи. Я столько перенесъ страданій, что, право, доказалъ одною возможностью ихъ перенесть и терпѣніе, и даже нѣкоторую долю мужества. Но теперь я упалъ духомъ и самъ чувствую это. Я всегда считалъ за малодушіе безпокоить собою другихъ, кого бы то ни было. Тѣмъ болѣе мнѣ безпокоить собою васъ. Но имѣйте жалость ко мнѣ, умоляю васъ. Я мужественно переносилъ до сихъ поръ мое бѣдствіе. Теперь же обстоятельства сломили меня, и я рѣшился на попытку, только на попытку. Мысль писать вамъ и просить васъ о себѣ не приходила прежде ко мнѣ, клянусь вамъ. Мнѣ какъ-то совѣстно и тяжело было бы напоминать вамъ о себѣ. Съ самымъ безкорыстнымъ и восторженнымъ чувствомъ слѣдилъ я все это послѣднее время за подвигомъ вашимъ. Еслибъ вы знали, съ какимъ наслажденіемъ говорилъ я о васъ другимъ, вы бы повѣрили мнѣ. Еслибъ вы знали, съ какою гордостью припоминалъ я, что имѣлъ честь знать васъ лично. Когда здѣсь узнали объ этомъ, то меня закидали вопросами о васъ, и мнѣ было такъ пріятно говорить о васъ. Я не боюсь вамъ написать это. Вашъ подвигъ славенъ, что даже такія слова не могутъ показаться лестью. Податель письма этого можетъ засвидѣтельствовать передъ вами искренность и безкорыстіе чувствъ моихъ къ вамъ. Благодарность русскаго къ тому, кто въ эпоху несчастья покрылъ грозную оборону Севастополя вѣчной, неувядаемой славой,—понятно. Но, повторяю, и въ мысляхъ моихъ не было безпокоить васъ собою. Но теперь, въ минуту уныній и зная, къ кому обратиться, я припомнилъ, какъ вы были со мною всегда радушны, просты и ласковы. Я припомнилъ васъ всегда съ смѣлыми и возвышенными движеніями сердца и повѣрилъ надеждѣ. Мнѣ подумалось: неужели вы оттолкнете меня теперь, когда вы ступили на такую славную и высокую степень, а я упалъ такъ низко, низко. Простите же смѣлость мою, особенно простите меня за это длинное (слишкомъ длинное, я понимаю это) письмо, и если что можете сдѣлать для меня, умоляю васъ, сдѣлайте. У меня есть до васъ еще одна чрезвычайная просьба, въ которой, умоляю васъ, не откажите мнѣ. Когда-нибудь напомните обо мнѣ вашему брату Адольфу Ивановичу и передайте ему, что я его люблю по-прежнему, что во время 4-хъ-лѣтней каторги, перебирая въ умѣ всю прожитую жизнь мою, день за днемъ, часъ за часомъ, я не разъ встрѣчалъ его въ моихъ воспоминаніяхъ. Но онъ знаетъ, что я люблю его. Я помню, онъ былъ очень боленъ въ послѣднее время. Здоровъ ли онъ? Живъ ли онъ? Простите и за эту просьбу. Но я не знаю, чрезъ кого бы я могъ исполнить это давнишнее желаніе мое, и обратился къ вамъ. Я знаю, что, написавъ это письмо, я сдѣлалъ новую вину, противъ

службы. Простой солдатъ пишетъ къ генералъ-адъютанту. Но вы великодушны, и вашему великодушію ввѣряю себя.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и съ искреннимъ благодарнымъ чувствомъ русскаго, осмѣлюсь пребыть

Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою

Ѳедоръ Достоевскій.

Семипалатинскъ.

24 марта 1856 года.

Резолюція Тотлебена: „Его Величество приказать изволилъ написать представленіе въ формѣ записокъ къ г. военному министру ходатайство о производствѣ Ѳедора Достоевскаго въ прапорщики въ одинъ изъ полковъ 2 арміи. Если же это признано будетъ неудобнымъ, то съ чиномъ 14-го класса уволить его для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, въ обоихъ случаяхъ дозволить ему литературныя занятія съ правомъ печатанія на узаконенныхъ основаніяхъ.

Достоевскій былъ полевымъ поручикомъ, былъ сосланъ по конфирмаціи отъ 19-го декабря 1849 г. въ каторжную работу въ крѣпость на 4 года съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія за принятіе участія въ преступныхъ замыслахъ распространенія письма Бѣлинскаго, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ православной церкви и верховной власти и покушенія вмѣстѣ съ прочими къ распространенію сочиненій противъ правительства, посредствомъ домашней литографіи“ [1]).

---

[1]) „Былое“, 1907, I, 243—246.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I ОТДѢЛЪ.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Ященко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англіи. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Іеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 р.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларація правъ. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человѣкъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянскаго. М. 1906 г. Ц. 40 к.

І. Іеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Оффиціальные документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика соціализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Національномъ Собраніи 22 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. Москва. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бебель. Женщина и соціализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

Хроника соціалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго государства. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Цѣна 85 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

II ОТДѢЛЪ.

Научная библіотека.

Д-ръ Котикъ. Эмонація психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к.

А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.

Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи, общая часть, переводъ Евг. Раковскаго. М. 1904 г. Цѣна 1 руб.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: пр. Сельско-хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. 1-я часть. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

III ОТДѢЛЪ.

Библіотека художественной литературы.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ). 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма.—Смерть, новелла.—Мгновенія жизни, драма.—Женщина съ кинжаломъ, драма. — Послѣднія маски, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1906 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла.—Анатоль, діалоги.—Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Новаго года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма. Интермеццо, драма. Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина.

Артуръ Шницлеръ. М. 1904 г. Цѣна 50 к. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Маленъ. Втор-

женіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Г. Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры—5 р., ненумерованные—3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти). Introibo. Рапсодія 1. Epipsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря. Cupio Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Homo Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ". М. 1905 г. Цѣна 2 руб.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Ганссонъ. Путями души: Вступленіе. Афоризмы и прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Кунвскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и разсказы. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. М. 1905 года. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и разсказы. 2-е изданіе. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (1. Страхъ смерти. 2. Уличная революція. 3. Въ преріи. 4. Привидѣніе. 5. Гастроль). Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. Повѣсти и разсказы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ—романъ. У царскихъ вратъ,—драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. Повѣсти и разсказы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и разсказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ. II. 2-е изд. М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ перепл.—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ: Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Душа при соціализмѣ. Вѣеръ леди Уайндермеръ. Герцогиня Падуанская.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Тучанской. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Стихотворенія въ прозѣ. (Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіѣ. Горный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ). Бездна.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія т. 2-ой переводъ А. Торскаго. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
Содержаніе: Революція—драма.

Авг. Стринбергъ. Кредиторы, трагикомедія въ прозѣ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 50 к.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь!—Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изданіе. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 коп.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрихъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія-шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Цѣна 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 коп.

Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

Элленъ Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Элленъ Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Элленъ Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

С. Выспянскій. Варшавянка—драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Японскія сказки. Переводъ В. Ф. Коршъ. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Берентъ. Гнилушки—романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VIII.

А. И. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій.

Лагерлефъ. Собраніе сочиненій.

А. Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій т. 6-ой.

М. Метерлинкъ. Полное собраніе сочин. т. 5-ый.

Поступили на складъ:

Бр. Гримъ. Сказки и легенды въ переводѣ А. Федорова-Давыдова, 2-ое изданіе Уч. К. М. Н. П. **одобрено** въ средн. и низш. уч. зав. тт. 1-ый и 2-ой. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. перепл. 4 руб.

DK 211 .P65
Politicheskie protsessy Nikola
Stanford University Libraries
3 6105 041 533 956

DK
211
P65

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DEC 13 1994
DEC 13 1994 -ILL